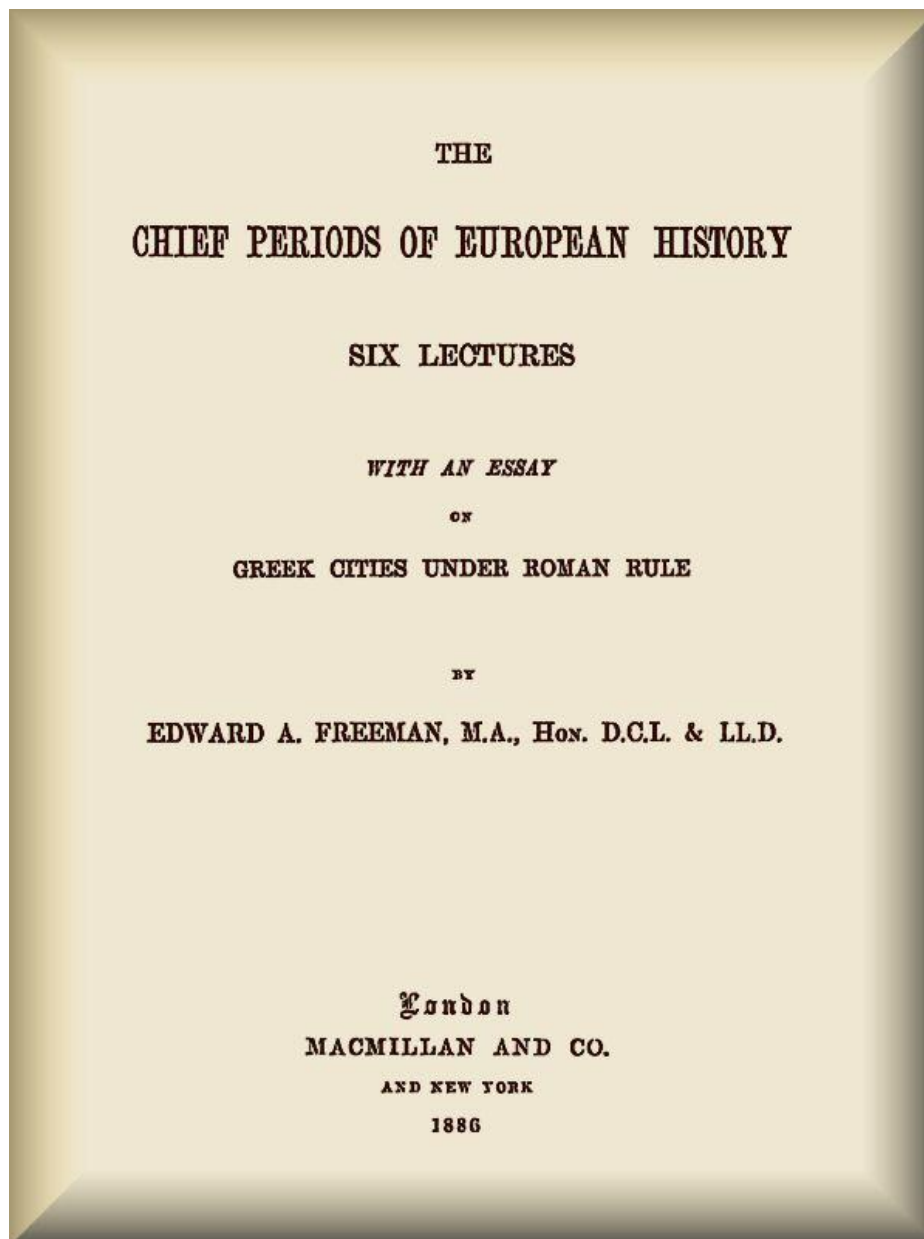

Основные периоды европейской истории. Шесть лекций, прочитанных в Оксфордском университете в Тринити-трим, 1885 г.

Эдвард А. Фримен

Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная главным периодам европейской истории

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и в большинстве других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Основные периоды европейской истории

Автор: Эдвард А. Фримен

Дата выхода: 10 января 2015 г. [Электронная книга № 47931]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Грег Бергквист, Рамон Пахарес и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Канадскими библиотеками)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ " ***

[Примечание переписчика](#)

[Содержание](#)

[Указатель](#)

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ФРИМЕН

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ШЕСТЬ ЛЕКЦИЙ, ПРОЧИТАННЫХ В ОКСФОРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ТРИНИТИ-СЕМЕСТРЕ 1885 ГОДА

С ЭССЕ О ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДАХ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМА

АВТОР: ЭДВАРД А. ФРИМАН, магистр, с отличием

РЕГИУС ПРОФЕССОР СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

ЧЛЕН ОРИЕЛ-КОЛЛЕДЖА

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА

Лондон

MACMILLAN AND CO.

И НЬЮ-ЙОРК

1886

[Все права защищены]

Оксфорд

НАПЕЧАТАНО ХОРАСОМ ХАРТОМ, ПЕЧАТНИКОМ УНИВЕРСИТЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Это Лекции, упомянутые в последнем абзаце Предисловия к недавно опубликованному курсу “Методы исторического исследования”. Я добавил к ним вторую из двух статей, появившихся в “Современном обозрении” за 1884 год. Первую из них, “Некоторые забытые периоды европейской истории”, я не перепечатывал, поскольку с ее содержанием можно ознакомиться в настоящем курсе. Вторая, “Греческие города под властью Рима”, поскольку в ней несколько подробнее рассматриваются некоторые моменты, на которые в настоящем курсе едва обращено внимание, кажется подходящим [Приложением](#) к нему.

Я нахожу, что та же мысль о политическом результате современных научных изобретений, которая высказана на стр. [184](#), [185](#) этих Лекций, также высказана в Лекции в Эдинбурге, перепечатанной в моей маленькой книге “Великая Греция и Великая Британия”, опубликованной в мае прошлого года. Подобные вещи всегда могут происходить на лекциях, читаемых в разных местах. Мне показалось, что мысль пришла естественным образом на обеих лекциях, и что любая из них что-то потеряет, если ее вычеркнуть. Что касается тех, кому, возможно, настолько не повезло, что они прочитали оба, я могу только сказать, что мысль, которую стоит предложить один раз, стоит предложить и дважды. По крайней мере, я часто находил это в трудах других людей, особенно в трудах мистера Грота.

Оба курса оксфордских лекций, которые сейчас напечатаны, являются вводными. В данном курсе предпринята попытка разделения на периоды, на первый взгляд, лишь одна из многих, которые могли бы быть сделаны. Другой человек мог бы разделять по какому-то совершенно

иному принципу; я сам мог бы разделять по какому-то другому принципу в другом курсе лекций. Моей настоящей целью было как можно убедительнее изложить в начале моего преподавания здесь основные контуры европейской истории, сгруппированные вокруг ее центрального пункта - римской державы. Основными периодами, предлагаемыми таким взглядом на вещи, являются те, которые касаются роста и угасания этой державы - Европы до роста Рима — Европы с Римом, в той или иной форме, в качестве ее центра — Европы с тех пор, как Рим практически перестал существовать. Когда эта основная схема, в некоторой степени формальная, однажды установлена, ее легко сразу заполнить и подразделить бесконечным числом способов и с бесконечного числа точек зрения. Таким образом, в настоящее время я имею мало общего с политическим развитием отдельных наций. Некоторые ветви этой темы я уже рассматривал довольно подробно в других формах; возможно, в ходе моей работы здесь мне придется затронуть и другие. Но они сейчас не являются моей темой. Кроме того, сейчас мне не нужно касаться великих событий и великих институтов Европы, за исключением того, что они помогли выработать единственную основную схему, которую я попытался обрисовать. На власть пап можно смотреть тысячью способов; сейчас она интересует меня только в ее строго римском аспекте, как один и величайший из пережитков римского могущества. На великую Французскую революцию снова можно смотреть тысячью способов. Сейчас это беспокоит меня как приведшее к уничтожению последних реликвий старой римской традиции и как создавшее на некоторое время наиболее запоминающееся из сознательных подражаний римской власти. Я говорю все это для того, чтобы никто не был разочарован, если ему не удастся найти в этом тонком томе даже краткого изложения всей европейской истории, не говоря уже о философском обсуждении всей европейской истории. Сейчас мое дело - просто нарисовать схему, готовую либо для себя, либо для других дополнить различными способами.

Эти два вводных курса составляют результат моей общественной работы в качестве профессора в течение первого года моего пребывания в должности, 1884-1885. Помимо этого, было подробное изучение Григория Турского с меньшим классом, за которым последовало аналогичное изучение Павла Диакона. На втором курсе, в 1885-6 годах, я, помимо этого изучения текстов, занимался, как я уже говорил в моем предыдущем Предисловии, публичными лекциями гораздо более подробного характера по истории тевтонских народов в Галлии. Я не планирую публиковать их в виде лекций. Если я проживу достаточно долго, я надеюсь добраться через них до моей более старой темы - тевтонских поселений в Британии. Ни история Галлии, ни история Британии в пятом веке нашей эры не могут быть полностью поняты — отсюда следует, что вся последующая история двух земель не может быть полностью понята — без сравнения ее с историей другой земли. Когда имеешь дело с готами, бургундами и франками, сравнение с англами, саксами и юттами, если оно иногда и ускользает от непосредственного зрения, никогда не должно упускаться из виду. "Широкий свет истории Галлии" - лучший комментарий к еще более поучительной теме истории Британии.

Эта тема сразу же подводит меня к полемике. Я полагаю, что доктрина, за которую я так долго боролся, доктрина, как я где-то эпиграмматически выразился, о том, что мы, английский народ, - это мы сами, а не кто-то другой, сейчас часто считается полностью отвергнутой. Считается, что лишь немногие старомодные люди вроде меня способны поддерживать его. Тем не менее, всякий раз, когда я сталкиваюсь с этими новыми огнями, я всегда начинаю сомневаться в том, что те, кто их зажигает, когда-либо детально сравнивали обстоятельства или результаты тевтонских поселений в Британии с более известными тевтонскими поселениями в Галлии. Вот в чем корень проблемы; рассуждая о явлениях Галлии, я всегда обращал внимание на явления

Британии, и я надеюсь, что когда-нибудь, если я когда-нибудь смогу поработать со своими материалами, я полностью продемонстрирую контраст. Этой цели, я надеюсь, послужат лекции, которые я сейчас постепенно читаю; но будет лучше не предлагать миру существенной части из них, пока я не смогу разобраться с предметом в целом. До тех пор я просто занесу в протокол, в интересах тех, кто, возможно, слышал приписываемые мне утверждения, которые они, конечно, не читали в моих трудах, что я нигде не говорил, потому что я никогда не думал, что каждый британец был обязательно убит, даже в тех частях Британии, которые стали наиболее основательно тевтонскими. В то же время я думаю, что каждый, кто по—настоящему читает его Григория и его Беду, каждый, кто внимательно сравнивает карту Галлии с картой Британии, каждый, кто задумывается над историей французского и английского языков — и история валлийского языка тоже не принесет ему никакого вреда - возможно, придет к выводу, что доктрина о том, что англичане, в конце концов, англичане, действительно мало что может сказать в пользу нее.

16, Сент-Джайлс, Оксфорд,
18 октября 1886 г..

Содержание.

СТРАНИЦА

ЛЕКЦИЯ I.

Европа до римской власти 1

ЛЕКЦИЯ II.

Рим - глава Европы 39

ЛЕКЦИЯ III.

Рим и Новые нации 72

ЛЕКЦИЯ IV.

Разделенная империя 104

ЛЕКЦИЯ V.

Пережитки империи 137

ЛЕКЦИЯ VI.

Мир без ромеев 173

ГРЕЧЕСКИХ ГОРОДА ПОД ВЛАСТЬЮ РИМА 209

ИНДЕКС 241

ЛЕКЦИЯ I. ЕВРОПА ПЕРЕД РИМСКОЙ ВЛАСТЬЮ.

В своем первом курсе публичных лекций я сделал все возможное, чтобы в общих чертах рассказать о природе изучения истории, о родственных ей занятиях, о трудностях, с которыми они сталкиваются, и о наиболее обнадеживающих средствах их преодоления. Я говорил о характере свидетельств, с которыми нам приходится иметь дело в поисках исторической истины, и о характере свидетелей, которые передают нам эти свидетельства. В будущих курсах я надеюсь применить принципы, которые я тогда стремился изложить, к изучению некоторых из наиболее запоминающихся периодов с того момента, когда, если вообще когда-либо, начинается особая деятельность этой кафедры. Именно мы определили тот момент, когда тевтонские и славянские нации впервые начали играть главную роль в великой драме истории западного человека. В настоящем семестре я прошу вашего внимания к курсу, который попытается занять промежуточное место между этими двумя и который, естественно, может служить связующим звеном между ними. Теперь, когда мы установили правила для общего руководства нашими исследованиями, в то время как мы с нетерпением ожидаем более подробного рассмотрения истории некоторых особо памятных стран и времен, мы можем, в качестве промежуточного этапа, сделать все возможное, чтобы разделить историю человека, по крайней мере, те ее части, которые нас касаются, на несколько великих и ярко выраженных периодов. На моем прежнем курсе, имея очень общий взгляд на весь мой предмет, я не чувствовал себя обязанным держаться в каких-либо искусственных рамках, будь то моих собственных установок или установок любого другого человека. Говоря о свидетельствах и авторитетах, я так же свободно черпал свои иллюстрации из столетий до нашей эры, как и из столетий после нее. В моем нынешнем курсе я должен совершить еще более прямой и открытый набег на территории моего древнего брата. История германцев и рабов, начиная с тех дней, когда эти расы вышли на передний план среди наций в четвертом, пятом, шестом и седьмом веках нашей эры, будет просто непонятной, если мы не попытаемся хотя бы в общих чертах представить тот древний мир, в который они попали, и ход событий, придавших этому миру ту форму, в которой они его нашли. Но мое пребывание в землях, которые, как считается, принадлежат другому, не будет долгим; прежде чем в меня можно будет обвинить *ἐν ἡλώσει* или в Чуждом Поступке, я уйду. Только примерно на тысячу лет мне нужно будет задержаться за границей, которая, в конце концов, является границей по моему собственному выбору. И я всегда буду рад приветствовать моего древнего брата с ответным визитом, по крайней мере, такой же продолжительности. Если я утверждаю, что легко шел рядом с ним все века между первой Олимпиадой и великим тевтонским вторжением в Галлию, я призываю его более уверенно идти рядом со мной все века между тевтонским вторжением в Галлию и османским завоеванием Трапезунда. В моем следующем учебном году мне не нужно будет просить разрешения прогуливать занятия даже на такой короткий срок, о котором я говорил. Тогда мой основной предмет будет полностью находиться в пределах этого барьера. Мы пересечем Рейн и Ла-Манш вместе с вандалами и саксами пятого века. И если иногда все еще может быть необходимо оглянуться на Арминия и Ариовиста, вспомнить, что люди нашего происхождения сражались против Гая Юлия и Гая Мария, мы можем в свою очередь снова призвать наших старших братьев смотреть в будущее на гораздо более длительный период, заверить их, что мы считаем их как дома, не только в Риме, Западном или Восточном, любой эпохи, но и в Акваганиях франкских цезарей и в Иерусалиме лотарингских королей.

Есть одна истина, которую в определенном смысле мне нет необходимости излагать снова — на мою долю выпало излагать ее так часто, — но которую я, тем не менее, должен излагать почти каждый раз, когда открываю рот среди вас, ибо она должна быть основой всего моего учения, как и любого здравого исторического учения. Это истина, что центр наших исследований, цель наших мыслей, точка, к которой ведут все пути, и точка, с которой все пути начинаются снова, находится в Риме и его неизменной власти. Как я сказал, когда впервые предстал перед вами, одно из величайших зол, проистекающих из наших искусственных различий там, где их нет в природе, из наших формальных барьеров там, где их нет на самом деле, состоит в том, что эта величайшая и простейшая из исторических истин таким образом полностью затмевается. Тот, кто заканчивает свою работу в 476 году, и тот, кто начинает свою работу в 476 году, ни тот, ни другой никогда не смогут понять во всей полноте непрекращающуюся жизнь Рима, ни один из них не сможет полностью осознать глубину и силу этого самого верного из вошедших в поговорку высказываний, в которых говорится о Риме как о Вечном городе. И никто, кроме тех, кто досконально осознал место Рима в мировой истории, никогда не сможет полностью понять самую примечательную историческую черту эпохи, в которую мы сами живем. Мы живем в эпоху, из которой ушел Рим, в эпоху, по крайней мере, в которой Рим утратил свое главенство. И, согласно одному из замечательных циклов истории, мир без рима, из которого ушел Рим, в немалой степени является возвращением к древнему миру без Рима, над которым Рим еще не возвышался. В обоих случаях европейскому миру в равной степени не хватает центра; в обоих случаях каждый город или нация делают то, что правильно в их собственных глазах, даже без теории контролирующей силы. Более полное проведение этой аналогии я сохраню для последней лекции настоящего курса. Теперь мне остается только разделить мой предмет на три великих и знаменательных периода. У нас есть Европа до того, как возникло главенство Рима. У нас есть Европа под главенством Рима, даже если это главенство иногда оспаривалось и разделялось. Наконец, у нас есть Европа, поскольку главенство Рима полностью ушло в прошлое. Это первый из этих трех периодов, о котором я хотел бы сегодня дать такой очерк, который мог бы, по крайней мере, правильно соотнести его с последующими периодами.

Но есть один аспект, в котором все эти периоды образуют одно целое; есть одна связь, которая связывает все три вместе; была одна неизменная обязанность, которая была возложена на арийскую Европу на всех ее этапах, до Рима, при Риме и после Рима. Один "вопрос", выражаясь современным языком, "ожидал своего решения" с самого начала письменной истории и с тех времен, которые были задолго до письменной истории. Вот вопрос, на который мелкий насмешник, в счастливой мудрости своей слепоты, наградил эпитетом "Вечный". Поистине, к счастью, он перенес на эту непрекращающуюся борьбу эпитет города, сыны которого так долго и могущественно частью участвовали в ней. Это "Вечный Восточный вопрос", неумирающий вопрос между цивилизацией Запада и варварством Востока, вопрос, который то тут, то там включает в себя такие побочные проблемы, как борьба между свободой и рабством, между христианством и исламом, но который по своей сути является просто еще более древней борьбой, значение которой на ранних этапах так хорошо уловил Геродот. Это борьба, которая, насколько мы можем оглянуться назад, приобрела знакомые очертания борьбы между Востоком и Западом. И в этой непрекращающейся борьбе, в этом Вечном вопросе жители Вечного города, Сципион и Сулла, Траян и Юлиан, сыграли свою роль действительно хорошо; но это велось до них и после них еще во времена Агамемнона и Ахиллея, так же близко к настоящему моменту, как дни Кодрингтона и Скобелева. Во все века, от древнейших до позднейших, до того,

как первенство перешло к Риму, и после того, как оно ушло из Рима, на арийскую Европу и на несколько держав арийской Европы были возложены две великие и неизменные обязанности. Они были призваны развивать общие институты великой семьи в пределах ее собственных границ; и они были призваны защищать эти границы и эти институты от вторжений варваров извне.

Когда наша историческая сцена впервые открывается, эти двойные обязанности были возложены на небольшую ветвь европейской семьи, и на ту ветвь, которая жила ближе всего к землям врага. Неспроста те земли Европы, которые лежат ближе всего к Азии — мы могли бы даже добавить, что те земли Азии, которые исторически являются частью Европы, — по своему физическому устройству являются самыми европейскими из европейских земель. Европа - континент островов, полуостровов и внутренних морей; земли вокруг Эгейского моря, его азиатское, а также европейское побережье, образуют мир островов, полуостровов и внутренних морей в большей степени, чем любая другая часть Европы или мира. Греческая земля была создана для своего народа, а греческий народ - для своей земли. Я хорошо помню высказывание одного из здешних жителей, для которого географическая проницательность является инстинктом, что ни греки ни в какой другой стране, ни какой-либо другой народ в Греции не могли быть тем, чем были греки в Греции на самом деле. Миссия греческой расы состояла в том, чтобы быть учителями, светилами, маяками человечества, но не его правителями. Они должны были показать, каким может быть человек в узком пространстве и за короткий промежуток времени; они должны были показать, что каждая способность развита до высшей точки, дать образцы каждой формы политического устройства, каждой формы интеллектуальной жизни, довести до совершенства самих себя и передать всем будущим эпохам эту наиболее совершенную форму человеческой речи, живое знание которой по-прежнему является единственным вернейшим критерием высочайшей культуры. Греции было дано быть владычицей мира в смысле высочайшего интеллектуального учителя в мире; ей не принадлежало быть владычицей мира в том смысле, в каком это призвание выпало на долю другого из великих полуостровов южной Европы. Каким бы глубоким и неизменным ни было влияние древней Греции на все последующие эпохи, ее влияние было почти полностью косвенным; это было влияние примера, наставления, предупреждения; это не было влиянием прямой причины и следствия. В каком-то смысле мир никогда не смог бы стать таким, как сейчас, если бы люди древней Эллады не жили, не сражались, не думали и не пели. Но это в другом смысле, чем тот, в котором мы говорим, что мир не мог бы быть таким, каков он сейчас, если бы люди древнего Рима не жили и не сражались, и — мы не будем говорить, думали и пели, но правили и судили народы. Это действительно немалая мысль, это одна из самых оживляющих и облагораживающих мыслей, что те люди Эллады были нашими родственниками, людьми из той же великой семьи, что и мы, людьми, чьи институты и чья речь являются просто другими и более старыми формами речи и институтов нашего собственного народа. Древние знания Греции и Англии приобретают еще большее очарование, когда мы видим на *Агоре* перед Илиосом то же самое собрание в почти тех же формах, что мы видим в *Марцфельде* под стенами Реймса и в *Гемоте* под стенами Лондона. Мы чувствуем себя как дома в любую эпоху, когда видим, что *тоттарроу, еэраповтес*, которые сражались вокруг Ахиллеуса, воскресают в истинных *гесидлах*, верных *эгнах* из нашего собственного народа, в Лилле, отдавшей свою жизнь за Эдвин, и в людях, которые умерли, подобно тегну, рядом с их господином, вокруг трупа Брихнота в Мэлдоне. И все же все это всего лишь подобие, пример, аналогия, вывод из общего источника; мы имеем дело не с предками, а со старшими братьями.

Законы Ликурга и Солона утратили силу; законы Сервия и Юстиниана все еще действуют. Микенская империя, афинская демократия, Ахайская лига - все это осталось в прошлом. Если Римской империи больше нет в настоящем, если она скончалась, если она мертва и похоронена, хорошо бы помнить, что все еще живы люди, которые видели ее похороны. Я сам недостаточно взрослый, чтобы присутствовать на его похоронах; но я уже видел, как некоторые удивлялись, когда я рассказывал им, что прожил на земле двенадцать лет вместе с человеком, который когда-то был императором римлян.

На дни, предшествовавшие римской власти, можно смотреть как на своего рода предисловие к книге, последняя страница которой не написана, как на крыльцо здания, которое все еще стоит и которое будущие архитекторы все еще могут пристроить или отнять. Именно с Рима начинаются главы самой книги; именно в Риме были возведены первые еще обитаемые покои этого дома. Или, скорее, мы можем сказать, что повесть о днях до Рима - это краткое и блестящее изложение всего, что человек сделал или может сделать. История Эллады показывает нам прославленный идеал человеческих сил, на мгновение явленный миру, чтобы показать, кем может быть человек, но также и показать нам, что таким он не может быть долго. И в этом высшая слава Греции; в этом высшая ценность языка и истории Греции как источника самого истинного и благородного учения для человеческого разума. Ни в каком другом исследовании мы так искренне не стремимся к знаниям, просто чтобы воспитать и натренировать ум; ни в одном мы так четко не проводим все еще незыблемую грань между теми, кто прошел через очистительную печь этих бессмертных исследований, и варварами — иногда самоосуждающимися варварами, — которые стоят снаружи. Когда мы изучаем язык, законы, историю нашего собственного народа, любого народа из наших ближайших родственников, того народа, который, независимо от того, побеждал он или нет, все равно был хозяином всех нас, мы как бы заняты своей собственной работой, мы заняты тяжелым трудом нашей собственной повседневной жизни; это все еще что-то вроде бизнеса, что-то вроде призвания. Изучая Грецию, мы стоим на более высокой высоте, мы дышим более чистым воздухом, даже когда пик Олимposa возвышается над Альбой. Мы овладеваем латинским языком, потому что это все еще язык немалой части практической жизни, потому что он встречается нам на каждом шагу как неотъемлемая часть нашего собственного закона, нашей собственной истории, самого нашего повседневного существования. Мы овладеваем языком Эллады, который сам по себе является первой и благороднейшей формой общей речи, как язык, который в своей исконной и неза-купленной силе породил величайшие шедевры всех форм буквенного высказывания, те шедевры, которые никто не может знать, кроме тех, кто может следовать самим словам поэта, оратора, философа и кто не находится во власти какого-то слепого проводника, тщетно пытающегося воспроизвести эти живые слова на более грубых языках. После долгих лет привычных знаний нам вряд ли стоит вздыхать о тех днях, когда эти бессмертные труды были свежи для нас. Повесть об Илиосе и Итаке, древнейшее наследие простого народа, древнейшая картина простого домашнего хозяйства, вечно живая, вечно свежая. Мы можем только сожалеть о судьбе тех, кто своими собственными действиями или действиями других оказался отрезан от нее.

Таким образом, начало европейской истории, точнее, возможно, начало блестящего пролога к непрерывной европейской истории, будет найдено на границе Европы и Азии, среди островов и полуостровов Эгейского моря. Сейчас я говорю об истории в более узком смысле, о непрерывной политической истории человечества. С чужаками, оказавшимися вне великого братства, какой бы древней ни была их власть, какими бы могущественными ни были их дела, нам приходится иметь дело только тогда, когда они сталкиваются с мужчинами из нашей собственной семьи. Вкратце, мы начнем с первых зачатков письменной истории Греции, с первой Олимпиады в качестве условной даты, но не забывая о временах до первой Олимпиады, поскольку наши самые ранние фотографии переносят нас в еще более древние времена. Я придерживаюсь даты, которую я предложил в своей вступительной лекции. Я должен быть уверен, что в этом месте столкнусь с необычным возражением критика. Мне сказали, что, начиная с первой Олимпиады, я опускаю всю историю магометан. Тогда, надо думать, есть те, кто считает, что вся история магометан имела место до первой Олимпиады. “*Felices errore suo.*” Я могу только от всего сердца пожелать, чтобы это было так, и чтобы османская империя была такой же мертвой и исчезнувшей, как и хеттская. Я боюсь, что, начиная с 776 года до нашей эры, нет, даже если мы начнем с мистического 476 года нашей эры, перед нами все равно будет вся история магометан, и что потребности нашего рассказа заставят нас бросить немало взглядов на эту сторону света. С самого начала мы имеем дело с силами, занявшими то же место в мире, которое спустя века заняли магометанские державы, с силами, против которых нашим старшим братьям приходилось вести более ранние стадии борьбы, которая ведется до сих пор. Остроумными рассуждениями о древнейшем происхождении, древнейших поселениях, древнейших формах речи эллинского народа я не обязан заниматься в таком кратком изложении, как это. Я с радостью оставляю их моему древнему брату. Мне приходится иметь дело с греком, когда он появляется на мировой арене как первый поборник великого дела и ведет борьбу с достойными соперниками. Только один народ в варварском мире имеет хотя бы тень права быть поставленным бок о бок, чтобы с ним обращались как с *эбенбюртигами*, с мужчинами Эллады. В людях Ханаана мужчинам Эллады пришлось признать соперников, которые были в значительной степени предшественниками и в некотором роде хозяевами. У Греции были корабли, колонии и торговля; но у Финикии были корабли, колонии и торговля еще раньше. Насколько высоко финикиец во всех материальных искусствах стоял над древнейшим греком, мы видим на нашем самом раннем изображении эллинской жизни. Не говоря уже о меньших дарах, мы все помним, что именно от финикийцев Эллада, должно быть, впервые научилась вырезать неизменные записи человеческих мыслей на камне, на медных или деревянных табличках, на листьях Египта и на коже Пергама. Политическая жизнь Греции была ее собственной; это, несомненно, не было заимствованным даром у Тира или Сидона; и все же Тир и Сидон, а также более могущественный Карфаген, институты которого изучал Аристотель, вели собственную политическую жизнь, которая приближала их к эллинскому уровню, чем любой другой народ за пределами арийского круга. Только, если мы должны признать, что люди Ханаана были в некоторых моментах учителями людей Эллады, все же именно людям Эллады, а не людям Ханаана судьба дала призвание быть учителями мира. Это странная судьба, по которой люди, подарившие Греции искусство письма, не оставили нам никаких записей, чтобы передать нам мысли и деяния их собственного ушедшего мира. Странная судьба, что, хотя столь значительная часть деяний финикийцев записана врагами Греции и Рима, хотя можно сказать, что финикийский язык все еще живет для нас в родственной речи иврита, однако непосредственные свидетельства о столь великом народе не должны выходить за рамки

нескольких монет, нескольких надписей, нескольких руин городов, которые когда-то занимали свое место среди самых могущественных на земле.

Затем наша сцена начинается с изображения грека, все еще запертого в своей особой стране островов и полуостровов. Мы спрашиваем не для наших целей, как и откуда он пришел туда; мы не спрашиваем точной меры его родства по крови и языку с другими народами, окружавшими его. Для нас достаточно того, что грек не полностью изолирован, что он не просто один из великой арийской семьи, но что он является первым среди группы наций, которые связаны с ним более тесными узами, чем те, которые связывают вместе все ветви великой арийской семьи. Точную степень родства между греками и фракийцами или фригийцами мы можем предоставить другим исследователям; для нас достаточно того, что было общее арийское родство и, по-видимому, нечто большее. Но одним из важнейших исторических фактов является то, что Греции приходилось иметь дело на своей непосредственной северной границе, на противоположных берегах Азии, на противоположных берегах Италии и Сицилии, с народами, которые, по крайней мере в исторических целях, были еще ближе. Эти народы обладали, мягко говоря, способностью перенимать греческие обычаи, способностью становиться греками по усыновлению, если не по рождению. Граница между греческим и эпиротским языками, едва различимая в первые дни существования Греции, с течением веков, кажется, становится все резче и больше. Затем течение меняется; внезапно эпейроты, народ древнейшей Эллады, хранители древнейшего из эллинских оракулов, снова выступают в своем древнем обличье. Молоттиан Пирр ведет западные войны в качестве эллинского чемпиона, и королевство Пирр, наконец, превращается в хорошо организованную греческую конфедерацию.

Так обстоит дело в Македонии; так обстоит дело на Сицилии; так обстоит дело в Великой Элладке на итальянской земле. Все эти земли и другие земли рядом с ними становятся, на более или менее продолжительное время, частью непосредственного греческого мира, не в меньшей степени, чем Аттика или Пелопоннес. Греческая колонизация и македонское завоевание, каждое в свою очередь, внесли свой вклад в работу, и обоим во многих странах немало помогали реальные, хотя и неосознанные родственники со стороны тех, кого колонисты и завоеватели уже обнаружили во владении. Каждая колония, каждое завоевание не только отвоевывали новые земли для самих греческих поселенцев, но и увеличивали греческую нацию в более широком смысле за счет множества людей, которые становились греками путем усыновления, и в случае которых работа по усыновлению была более легкой благодаря существованию более ранних связей, о которых ни одна из сторон не думала. С течением времени, когда мы достигаем тех дней, когда греческое влияние было наиболее широко распространено на средиземноморских землях, мы можем легко проследить зоны внутри зон, отмечая различные этапы, на которых греческий элемент становится все слабее и слабее. Во-первых, это центр всего, сама изначальная Эллада. Затем есть подлинные колонии старой Эллады, отдельные фрагменты эллинской земли, перенесенные на чужие побережья. Кроме того, есть родственные земли, жители которых были полностью приняты в лоно эллизма. За ними снова лежат царства, управляемые македонскими князьями, где несколько больших городов, которые мы должны называть греческими по закону усыновления, расположены на землях, внешне сохранивших лишь слабый налет эллинской культуры. Наконец, за ними снова находятся варварские земли, князья которых, как и князья варваров в наши дни, делали вид, что перенимают греческую речь и греческую культуру, но где иностранные вкусы князей не оказали реального влияния на их королевства, и которые мы не можем рассматривать как

составляющую часть греческого мира в самом слабом смысле этого слова. Такова была Парфия; таков был Понт. Не слишком ли много добавить к варварским королевствам Востока могущественное содружество Запада, которое когда-то было в глазах греков не менее варварским? Немалая часть нашей документальной истории посвящена тому, чтобы отметить, насколько Рим стал греческим и насколько Рим отказывался становиться греческим. Факты относятся к более позднему времени, но в некотором роде они составляют часть нашего настоящего обзора. Рим, который шаг за шагом подводил греческие земли сначала под римское влияние, затем под римское владычество, был Римом, который уже попал в магический круг эллинского учения; сохраняя нетронутой основную суть национальной жизни, оставаясь истинно римлянином во всех политических институтах, в каждой детали закона и управления, он стал греком для всех целей утонченной и интеллектуальной жизни. Более того, Рим, подобно Македонии, стал учеником, который набирал новых учеников. Куда бы ни распространялась политическая жизнь Рима, вместе с ней распространялась в большей или меньшей степени интеллектуальная жизнь Греции.

История Европы до прихода Рима к власти - это, по правде говоря, история этапов, по которым греческий ум прокладывал себе путь к этому всеобщему господству над цивилизованным миром и в некотором роде за пределы цивилизованного мира. В пределах этого превосходства греческого разума простирается более узкий диапазон политического превосходства держав, которые либо были греческими с самого начала, либо стали греческими в результате усыновления. Превосходство греческого разума никогда не прекращалось и сохраняется до сих пор. Греческое интеллектуальное господство сформировало одну сторону всего современного мира; рост политической мощи Греции проделал меньшую, но отнюдь не маловажную работу по формированию одной из наций современного мира. Современная греческая нация, означающая, таким образом, нечто большее, чем жители существующего греческого королевства или непрерывной Эллады древних времен, является плодом древнегреческой колонизации, за которой последовало македонское завоевание. Много лет назад я сказал, что Александр был основателем современной греческой нации, и говорю это до сих пор. Может показаться, что это высказывание замалчивает работу более ранней греческой колонизации, прежде всего в тех землях Сицилии и южной Италии, о которых мы говорили как о принятых в непосредственный греческий мир. Правда в том, что греческая колонизация нигде не была полностью длительной, она нигде не оставила своих неизгладимых следов в современном мире, за исключением тех мест, где македонское завоевание усилило ее. Это позволяет нам установить границу для земель, которые были постоянно допущены в состав непосредственного греческого мира. Эта граница - Адриатическая. К западу от Адриатики греческая жизнь вымерла. Отдаленные греческие колонии в Галлии и Испании, каким бы глубоким ни было их влияние на Галлию, перестали быть греческими еще до того, как возникли великие нации современной Европы. Даже южная Италия и Сицилия, где греческая жизнь укрепилась благодаря их долгой связи с греческим Римом на Босфоре, на несколько веков перестали быть греческими. Земли, на которых ряд захватчиков, последним и величайшим из которых был Пирр Молоттийский, тщетно пытались установить западные греческие владения, отпали от греческого мира. Но работа, которую Александр Эпейросский не смог выполнить на Западе, была в значительной степени выполнена его более известным племянником и тезкой на Востоке. Если большая часть завоеваний Александра была лишь кратковременной, то другая большая их часть оставалась неизменной. Работа Александра и Селевкоса установила линию, колеблющуюся между Евфратом и Тигром, как долговременную границу европейского

владычества. Он определил Таврос, границу первых азиатских завоеваний Александра, как гораздо более прочную границу европейской жизни. Я должен был указать на два полушария, но я должен указать еще раз, насколько близок фактический ареал современной греческой нации к ареалу древней греческой колонизации к востоку от Адриатики. В одних точках она продвинулась вперед, а в других вернулась назад; но ее общая протяженность удивительно одинакова. Это предел, который в обе эпохи был установлен народным гением. Нигде за пределами древней непрерывной Эллады греческий народ, тем не менее греческий, потому что в основном греческий путем усыновления, распространился от моря к морю. На большей части территории Восточной Европы и Западной Азии греческий язык является представителем европейской и цивилизованной жизни на всем морском побережье. Мир полуостровов и островов - это мир греков сейчас, точно такой, каким он был во времена Гомеровского каталога.

Как и в нашем предыдущем курсе, именно этим КATALOGом, первым письменным свидетельством европейской политики, должен начинаться наш обзор Европы до прихода к власти Рима. У всех, кто может в общих чертах разобраться в истории и кто понимает природу свидетельств, Страшный суд империи Микене, ставящий в тупик простого наблюдателя на протяжении двух или трех произвольно выбранных столетий, вызывает полное доверие. В нашем предыдущем исследовании мы сочли это высшим примером общего правила “Credo quia impossibile”. В КATALOGе мы видим жителей многих островов и всего Аргоса, сгруппированных под руководством Бретвальды Эллады, уже вовлеченных в стадию, и не самую раннюю стадию, решения Вечного Вопроса. Геродот, который лучше знал смысл мировой истории, чем современные дипломаты, мог указать, действительно в мифической форме, на еще более ранние этапы. Существовали ли когда-либо личный Агамемнон и личный Одиссей, не имеет большого значения; гораздо важнее то, что острый глаз Эльфреда, который знал отношения сюзерена и его вассальных князей, мог видеть связь между Уликсами в его двух королевствах и *Делом* Агамемнона, от которого он их унаследовал. Этот *Касере*, самый могущественный среди королей, βασιλεύς в толпе βασιλῆς, уже выполняет работу Траяна или Фридриха; он сражается за Европу на берегах Азии. Работа греческой колонизации началась; Крит, который много веков спустя снова был отвоеван сарацинами, уже отвоеван у финикийцев; Родос уже принят в эллинское братство, чтобы увидеть, как в последующие дни мощь Антигона и Магомета была сокрушена под его стенами. Южное побережье Азии все еще нетронуто; Милетос - варварский город; но Ахилл завоевал Лесбос в качестве собственного приза, а на материке продолжается работа, которая должна была превратить побережья Геллеспонта и Пропонтиды в передовой форпост Греции и Европы, землю, которой предстояло стать свидетелем первых подвигов первых крестоносцев и увидеть, как Восточный Рим возрождается к новой жизни под твердым правлением императоров Никеи. Полагайте, что мы можем вдаваться в мельчайшие детали, поскольку в поэмах Гомера мы впервые видим арийское общество в мирное и военное время, поэтому в них мы имеем наше первое свидетельство, пусть только в поэтической форме, об одном этапе великой борьбы, превратившей варварский полуостров Азия в прочный дом греческой речи и римского права, которые веками противостояли непрерывным набегам арабских завоевателей. На западе, на севере наш диапазон обзора уже. Ни один колонист из Аргоса и его островов не добрался до Италии или Сицилии; Акарнания по-прежнему остается частью распычатого *Материка*, все еще неопределенного *Эпейроса*; Коркира по-прежнему остается легендарной землей, на которую не ступала нога поселенца из Коринфа. Но есть признаки, которые уже указывают на родство народов по обе стороны Ионического моря. Сикель обитает на обоих побережьях; даже

о более загадочном Сикане мы имеем мимолетное представление. Северное побережье Эгейского моря известно, но это побережье еще не эллинское; оно, как известно, посылает своих воинов сражаться на азиатской стороне. Дальше на север, дальше на запад все является чудом и тайной; мы можем с таким же успехом спросить, имел ли поэт какое-либо представление о месте Лондона, как и о том, имел ли он какое-либо представление о месте Рима. Взор юной Греции все еще прикован к Востоку; до нее доходили смутные вести о чудесах страны у реки Египет; мужчины Сидона были ее посетителями, ее торговцами, в некотором роде ее учителями. Но осторожные сыны Ханаана были слишком мудры, чтобы рассказать все, что им было известно о западных землях и Западных морях. Золото Тартесса пока принадлежало только им; только для них было драгоценным знанием того, что столпы Эраклеса — если Греция еще слышала их название — открывались не в океанский поток, разделяющий земли живых и мертвых, а в бескрайние воды, над которыми только они могли расправить свои паруса.

Давайте еще раз взглянем на средиземноморский мир в более позднее время, когда наши исторические свидетельства все еще скудны и разрозненны, но когда мы начали оставлять после себя лишь легенды. Одно из приобретений или потерь более широкого изучения истории состоит в том, что оно часто учит нас смотреть на тот или период иными глазами, чем те, которыми мы обычно смотрим на них, когда занимаемся только более узким изучением особых времен и мест. Я хорошо помню, как учился, и я хорошо помню, как был поражен, когда узнал из учения мистера Финли, что эпоха, которую мы обычно считаем самой славной в истории Греции, пятый век до Рождества Христова, на самом деле была эпохой упадка Греции. Правда в том, что это была величайшая эпоха в истории Афин, и множество причин постоянно приводят нас к тому, что мы ошибочно принимаем историю Афин за историю Греции. То, чего мы иногда не замечаем, Геродот видел ясно. Он видел, что в общей мировой истории эпоха персидских войн была для греческого народа в целом, для греческого народа, разбросанного по всему миру, эпохой упадка. Того факта, что была персидская война, персидская война, которая велась в Греции, достаточно, чтобы доказать это высказывание. Этот факт сам по себе показывает, что уже начался тот процесс, который до сих пор не закончился, долгая и мрачная работа, в ходе которой Финли заставил себя написать историю, Историю Греции под иностранным господством. Этого достаточно, чтобы доказать точку зрения Финли, что Милетос научился стонать, как трижды преданная Джоаннина стонет до сих пор под гнетом варвара. Периодов, когда греческое влияние имело наибольшее влияние на весь мир, два, один более ранний, другой более поздний, чем более блестящие времена наших обычных исследований. Чем раньше, тем значительнее; ибо это время, когда Эллада росла и распространялась и расширила свои границы между народами своей собственной силой без посторонней помощи, время, когда эллинская колонизация распространила повсюду не только эллинскую речь и эллинское искусство, но и высшее благо свободной эллинской политической жизни. В более поздний период эллинская речь и эллинское искусство распространились более широко, чем когда-либо прежде; но эллинская политическая жизнь больше не сопровождалась ими. Внешняя мощь Греции обеспечивается для нее царями принятых земель; мы перешли от эллинской колонизации к македонскому завоеванию. Ни в один из этих периодов в самой древней Греции не было самой бурной греческой жизни; самый блестящий зарегистрированный период древней Греции - это период между этими двумя периодами, период наших самых обычных греческих исследований. Но оно было самым блестящим, потому что внешние границы Эллады отступили перед победоносными варварами, и потому что древняя Греция восстала с новой силой, чтобы отомстить за обиды, причиненные ее колониям,

и избавить себя от подобного рабства. Греция пятого века до Рождества Христова похожа на Рим четвертого века после Рождества Христова. Ее война, по сути, оборонительная; она редко завоевывает новые территории; ей приходится много суетиться, чтобы защитить старые. Она одерживает победы; она завоевывает территории; но победы одерживаются над угрожающими захватчиками, завоеванные территории отвоевываются у этих захватчиков. Работа Кимона, работа Агесилая, скорее соответствует работе Галерия и Валентиниана, чем работе тех завоевателей совершенно новых царств, которые сделали Сицилию греческой, а Галлию римской землей.

Трудно точно определить момент, когда свободная и независимая Эллада — ибо помните, что везде, где живут эллины, есть Эллада, — наиболее широко распространилась по побережью Средиземного моря. Ибо границы изменчивы, и Эллада все еще продвигалась вперед в одних точках после того, как начала отступать в других. Но мы не можем сильно ошибиться, выбрав какое-то время недалеко от начала шестого века до Рождества Христова как самое блестящее время свободных эллинов во всем мире. Тогда, как пишет Геродот, все греки все еще были свободны; только в течение следующего столетия некоторые греки оказались под властью варварских хозяев. Если какие-то греческие колонии еще предстояло основать, то все поля греческой колонизации уже были открыты. И в большинстве из них греческие города были на пике своей мощи и величия, положительного и относительного; они были больше, чем в последующие дни, больше, чем были города древней Греции в то же время. Одна из истин, которую труднее всего принять, заключается в том, что было время, когда Милетос, Сибарис и Акрагас, а не Афины или Спарта, были величайшими городами с эллинским названием. Подобное повторилось позже, когда величайшими из греческих городов были Александрия и Антиохия. То, что жизнь в Афинах и Спарте была более спокойной, доказывает, что грек, в конце концов, чувствовал себя как дома на земле, на которой он вырос греком; но тот факт, что в одно время колониальные, а в другое — македонские города в целом затмевали более древнюю и истинную Элладу, — это факт, который следует всегда иметь в виду. В великие времена греческих колоний большая часть средиземноморского побережья была разделена между поселенцами из Греции и Финикии. В восточных морях греки имели превосходство; истинная жизнь и сила людей Ханаана перешли из Сидона и Тира в финикийские города западного Средиземноморья, в Панормос на большом центральном острове, в Гадейру на Океане, в Утику на ливийском побережье, в Новый Город, затмивший своих родителей и старших сестер, в могущественный Карфаген, вождя и со временем повелителя своих братьев. С Эгейских островов финикийцы отступили раньше греков; даже на более отдаленном Кипре греки одержали верх. Далеко на юге, на материковой части Ливии, на плодородном побережье между Египтом и Карфагеном, росли Кирена и ее сестры из греческого Пентаполиса. Греческие города Азии были одними из самых процветающих в мире; ворота Босфора были распахнуты; Понт был уже не Негостеприимным, а Гостеприимным морем; если еще не возникло самое прочное средоточие эллинской свободы, Херсонес на ее Таврическом полуострове, то, по крайней мере, путь для нее был открыт. На западной стороне ее собственного полуострова Греция ползла вверх по Адриатическому побережью; оставляя в стороне более поздние поселения, отбрасывая сомнительные рассказы о более ранних поселениях, Акарнания теперь была частью материковой Греции, Коркира числилась среди греческих островов, Амбракия, возможно, Эпидамнос и Аполлония начали свой путь; Греческая культура распространялась среди родственных народов; если более узкие эллинские чувства запрещали феспотианцам и

молоттианцам носить эллинское имя, более широкие и либеральные исследователи не отрицали их права. Но, прежде всего, это эпоха величия греческого народа в землях к западу от Адрианополя, того величия, которое так скоро угасло и которое предприимчивые короли из Спарты и Эпейроса тщетно пытались восстановить. Финикийский народ, чьи поселения когда-то усеивали восточное и южное побережья Сицилии, теперь вытеснен в северо-западный угол острова; сицилийские города являются одними из первых, носящих греческое название; если Сиракузы менее велики, чем были в последующие дни, то это потому, что Акрагас и Гела еще не утратили своего былого величия. В южной Италии, одинокая на землях вне старой родины, на полуострове, напоминающем о старой родине, Эллада простирается от моря до моря; Великая Греция прочно удерживает землю своими великими городами; Сибарис достигла величия, от которого ей вскоре предстоит кануть в полное небытие; Тарас, еще не латинский Тарент, начал долгую жизнь, некоторые следы которой сохранились в ней даже в наши дни. Что касается греческих городов Западного Средиземноморья, Массалии и ей подобных, то день их полного расцвета, день их широчайшего влияния на соседей-варваров еще не наступил. Но это приближалось; работа была начата. В те дни эллинская жизнь в западных землях была столь же энергичной и процветающей, как и в восточных. Непрерывная Эллада лежит между двумя, на мгновение менее блестящими, менее влиятельными в мире, чем два великих ареала греческой колонизации по обе стороны от нее. Но когда может показаться, что все средиземноморское побережье разделено между греками и финикийцами, две земли отмечены как не давшие пристанища ни тем, ни другим поселениям. Там была земля, день величия которой прошел, и земля, день величия которой приближался. Александрия на берегах Нила все еще стояла незамеченной всей мудростью тысячи фараонов; грек уже был известен в Египте как наемник; он еще не пришел править как Хранитель и Благодетель. На берегах Тибра Рим, возможно, уже глава Лациума, еще не претендующий на то, чтобы стать главой мира или Италии, выжидал своего часа; сам он еще не был завоевателем или колонизатором, но достаточно силен вместе со своими доблестными соседями, чтобы сохранить центральную Италию как итальянскую землю, в которой не должны были поселиться ни мужчины Эллады, ни мужчины Ханаана.

Таким образом, с точки зрения вселенской истории, это время, когда был достигнут полный расцвет чисто эллинского величия, величия эллинских содружеств, величия государств, которые были греческими по рождению, а не только греческими по усыновлению. Давайте перейдем к следующему ярко выраженному периоду, дням, растянувшимся немногим более чем на полтора столетия, которые, несомненно, являются самыми блестящими днями в жизни некоторых из величайших городов древней Эллады, и которые поэтому часто ошибочно принимают за всю историю греческого народа. Теперь, как говорит Геродот, мы больше не можем говорить, что все греки свободны. В шестом веке до нашей эры начинается работа Муммия и Магомета; теперь греки становятся подданными иностранных правителей. На Востоке и Западе возникли варварские державы, с которыми грекам еще никогда не приходилось иметь дела. Две такие сверхдержавы вышли на передний план, могущественная империя на Востоке, могущественное содружество на Западе, империя и содружество, названия которых на протяжении нескольких поколений должны были вызывать страх во всем эллинском мире. С одной стороны, старые варварские державы Азии, державы, которые лежали за пределами европейской истории, уступили место новой варварской державе, которая вторглась в пределы европейского ареала и которая, можно сказать, имела право навязывать себя. Борьба должна была вестись не против хеттов или ассирийцев, а против родственных им персов. Арийский народ был введен в заблуждение в ходе своих скитаний; они забрели в страну утра; теперь они

повернули свои лица к заходящему солнцу, но они повернули их только тогда, когда было уже слишком поздно, когда они уже облеклись в обличье стран своего пребывания и могли показаться среди своих европейских сородичей только в свете варваров-захватчиков. И все же мы должны отдать должное долголетней национальной жизни и национальной энергии, которые так часто могли вновь проявиться в полной свежести после веков рабства. Это были не подлые люди, которые могли дважды воспрянуть духом при проповеди национальной религии. На самом деле это была немалая миссия в мировой истории, выпавшая на долю персидского арийца. Когда-то достойный соперник Греции, он снова поднялся, чтобы стать достойным соперником Рима; подобно греку, он мог вести в плен сменявших друг друга завоевателей; в руках сарацин, в руках турок его старая жизнь все еще могла сохраняться, и, если он склонился перед вероучением Аравии, то только изменив его в новой форме, которая сделала его прежде всего вероучением Персии. Лидиец пожинал первые плоды греческого подчинения; перс угрожал превратить всю восточную половину Эллады, непрерывную и разрозненную, в часть всемирного владычества. Царь — βασιλεύς - предвосхитивший этим простым словом титулы и споры грядущих дней, действительно был изгнан из древней Эллады; он был изгнан из Европы; он был на некоторое время вынужден отвести свои флоты и армии от эллинских берегов Азии. Но тот факт, что его пришлось отогнать от всех них, сам по себе показывал, с каким врагом Греции теперь предстояло бороться. На мгновение Фивы были добровольным союзником, Афины - беззащитным завоевателем владыки Сузов и Экбатаны. И, в конце концов, перс действительно отрезал Элладу от Азии; он даже провозгласил свою волю в качестве хозяина на советах Европы. Не прошло и столетия со дня Саламина, когда по Анталкидасовскому миру, ниспосланному царем, греческие города Азии, греческие города Кипра были официально признаны царскими.

Тем временем на Западе Элладе пришлось бороться с соперником, еще более достойным ее соперничества, не с варварской империей, а с варварским содружеством. Древняя Финикия на сирийском побережье утратила свою славу; ее государства, все еще богатые и процветающие, оказались в зависимости от персидской державы. Великое поле деятельности финикийцев теперь лежало в западных морях. Один финикийский город, самый молодой из великих финикийских городов, занял в мире и мировой истории такое место, какого города древнего Ханаана никогда не достигали. Новый город, Карфаген, теперь был центром и представителем финикийской жизни в гораздо большей степени, чем Сидон или Тир. Карфаген, в последующие дни соперничавший с Римом, теперь был прежде всего соперником Греции. Ей предстояло подвести Рим ближе к разрушению, чем когда-либо это удавалось какой-либо другой державе средиземноморского мира; ей предстояло разрушить на время, ослабить навсегда больше, чем одному из величайших среди западных городов Эллады. Возглавляя могущественную армию зависимых представителей своей собственной расы, пополняемую подданными-варварами и наемниками всех рас, азиатский город, основанный на берегах Африки, подошел ближе, чем любая другая держава тех дней, к тому, чтобы возродить древнюю жизнь Европы, центром которой была сначала Греция, а затем Италия. Мы неправильно осознаем все значение борьбы, через которую прошла Греция в начале пятого века до нашей эры, если мы не будем каждый момент помнить о том, как весь греческий народ подвергался нападениям с обеих сторон одновременно. Может быть, верно, а может и нет, что Ксеркс вступил в настоящий союз с Карфагеном; может быть, верно, а может и нет, что битва при Саламине и битва при Химере произошли в один и тот же день. Истинные или ложные, оба убеждения отражают истинное положение греческих государств в тот момент, которым угрожали Персия с одной стороны и

Карфаген - с другой. Перс был отброшен назад; с настоящей земли непрерывной Эллады он был отброшен навсегда. Карфагенянин был отброшен назад лишь на мгновение; он все еще удерживал контроль над Сицилией; ему еще предстояло уничтожить Селиноус и Акрагас, оказаться на волосок от уничтожения Сиракуз. В прежние времена разрозненные финикийские поселения на восточной Сицилии отступили перед приходом греческих колонистов; но теперь финикийская держава находилась в руках единого могущественного государства, которое удерживало несколько своих сильнейших форпостов, во главе с Панормосом, в северо-западной части большого острова. На Сицилии, похоже, все изменилось; европеец удерживает восточное, азиат - западное побережье. И теперь хозяева западного побережья угрожают восточному.

Но персы и финикийцы были не единственными врагами, с которыми приходилось бороться разрозненному греческому народу. Враги, более близкие к грекам по расе, чем финикийцы, менее удаленные по политическим и социальным институтам, чем персы, угрожали могуществу и существованию одной великой ветви греческого имени. Второй из великих полуостровов южной Европы, центральный из трех, полуостров, на котором располагались Рим, Капуя и города этрусков, начинал выходить на передний план в исторической драме. Пока еще не было никаких признаков того, что Италии суждено стать страной-правителем мира; но были признаки того, что Италии больше не суждено быть страной, на которой поселенцы чужеземных рас могли бы строить себе дома по своему усмотрению. Имя Рима начинало звучать в ушах эллинов, но это еще едва ли было именем страха. Греческие города все еще должны были опасаться коренных народов южной Италии, и Рим некоторое время был врагом их врагов. Перс и карфагенянин были строго внешними врагами; перс был во всех смыслах захватчиком земли древнейшей Эллады; карфагенянин в лучшем случае отвоевывал землю, на которой другие ветви его расы когда-то основывали поселения; но луканцы и другие народы южной Италии в самом строгом смысле отвоевывали свою собственную землю у чужаков. Когда Кима и Посейдония перестали быть городами Эллады, в одном смысле границы цивилизованного мира отодвинулись; в другом мы можем сказать, что они расширились, поскольку народы Италии начали показывать, что пришло время людям центрального полуострова сыграть свою роль в мировой истории так же, как людям более древнего полуострова к востоку от них.

Даже при самом поверхностном рассмотрении можно предположить, что к середине четвертого века до нашей эры начался упадок Греции. Но обычно считается, что это началось просто потому, что Македонское царство начало занимать то главенствующее положение среди греческих держав, которое в разное время занимали города Аргос, Спарта, Афины и Фивы. А что касается политической жизни великих греческих городов, прежде всего, что касается политической жизни тех Афин, которые мы так часто склонны принимать за Грецию, то перемена была действительно большой, действительно печальной. Но мы не должны забывать, что политический упадок великих городов древней Греции был лишь частью общего политического упадка эллинского народа, а также что значительная часть самой древней Греции смотрела на перемены в совершенно ином свете, чем тот, в котором мы привыкли смотреть на это с чисто афинской точки зрения. Когда в наших ушах звучит голос Демосфена, трудно слушать спокойные комментарии Полибия, когда он рассказывает нам о традициях Мегалополиса и многих других городов, в которых Филипп считался другом и избавителем, благочестивым крестоносцем против святотатственного фокийца. Но еще важнее помнить, что

если старая Эллада многое потеряла из-за наступления македонян, то молодая Эллада за пределами Адриатики потеряла неизмеримо больше из-за наступления финикийцев и коренных итальянцев. Крик за криком о помощи раздавался из Италии и Сицилии на родину в Грецию. Группа авантюристов, республиканцев и принцев, пересекла море, чтобы оказать помощь своим братьям, которым угрожала опасность, или создать для себя доминион. Одни отправились освобождать греческие города от домашних тиранов, другие - освобождать их от ига наступающих варваров. То, что люди с родины были нужны и для той, и для другой работы, показывает, что великие времена западных греков прошли, что они больше не могли сохранять ни внутреннюю свободу, ни внешнюю независимость собственными силами. И какой бы мрачной ни была история Дионисия и Агафокла, мы не можем полностью упустить из виду, что даже у них была светлая сторона, как у своего рода защитников Эллады от варваров. Мы не должны забывать Дионисия как основателя греческих колоний по обе стороны Адриатики, ни Агафоклеса как человека, который перенес оружие Европы к берегам Африки, предшественника Регула и Сципиона, Рожера Сицилийского и Карла Австрийского. Но миссия Диона и более благородного Тимолеона, война спартанца и эпейрота, Архидамоса, Александра и Пирра показали, что греки Запада больше не могли устоять, даже с помощью греков старых эллинских земель или земель, которые стали эллинскими в результате усыновления. Их судьба была предрешена; так что вскоре была предрешена судьба всех стран, земель македонян и карфагенян не меньше, чем земель сицилийцев и итальянских греков. Но падение Македонии и Карфагена было еще далеко; эти земли достигли высшей точки своего величия в тот момент, когда стало ясно, что все, что осталось западным грекам, - это стать подданными или зависимыми от итальянской державы.

Еще один момент, на который следует обратить внимание, - это тесная связь между судьбами восточных и западных греков. Спартанские принцы стремились сделать карьеру в Италии, потому что перед лицом наступления Македонии для них не осталось карьеры в древней Греции. Более того, эпейротские цари Александр и Пирр сами являются частью *эллинизма*; они являются одними из главных признаков того, что эллинское имя и культура распространились за генеалогические границы эллинской нации. Их народ мог иметь древнее родство с греками; в них самих могла течь кровь Ахиллея; но в более широком аспекте того времени они все еще оставались греками только по усыновлению. А карьера эпейротских царей на Западе была прямо намекнута на карьеру македонских царей на Востоке. Их земля смотрела в сторону Италии и Сицилии, но более прямо, чем Македония смотрела в сторону Азии; и, возможно, Александр, и уж точно Пирр, стремились основать за пределами Адриатики западное греческое владычество, чтобы уравновесить восточное греческое владычество, которое македонцы основали за пределами Эгейского моря. Так что этому не суждено было сбыться. Вышел указ о том, что Греция в ее новом обличье должна была стать закваской Востока, чтобы некоторое время править Востоком, но что на Западе политическая власть греческой расы должна была угаснуть, что даже ее интеллектуальное влияние должно было быть косвенным, влияние, которое должно было принять римских учителей и учеников в качестве своих инструментов.

И все же приближался день, когда Риму предстояло править как на Востоке, так и на Западе; он шаг за шагом вовлекал все греческие державы, те, которые были греками по усыновлению, а также те, которые мы можем назвать греками по рождению, в сферу того влияния, которое незаметно переходило от союза к подчинению. Детали этого процесса, картина мира, в которую

Рим ворвался как бы в одно мгновение, история в целом третьего и второго веков, в обычном курсе так называемых классических исследований столкнулись с пренебрежением, которое может быть измерено только их первостепенной важностью во всеобщей истории. Об отличительном аспекте той эпохи мне еще придется поговорить. Теперь я хочу указать, насколько богата политическими наставлениями любого рода, возможно, богаче, чем любая другая эпоха так называемых классических времен, эпоха Полибия на самом деле. Греческий мир его времени состоял из множества государств со всеми степенями власти и всеми формами политического устройства. Ничего подобного не было в прежние дни Греции; ничего подобного не было и в последующие дни, когда Рим практически стал миром. Но греческий мир тех дней дает нам живое представление о политическом состоянии современной Европы в течение нескольких прошедших веков. Политический опыт Полибия был неизмеримо шире, чем у Фукидида; на самом деле он обладал опытом столь же широким и разнообразным, как у любого современного государственного деятеля. Фукидид знал только независимый город, олигархический или демократический, и город, который хотел бы стать независимым, но не стал. В его дни царствование и федерация — федерация, достойная того, чтобы так называться, — все еще были на заднем плане; они едва выделялись на политической сцене; царствование не было конституцией какой-либо признанной греческой державы; федерация не была конституцией какой-либо греческой державы первого или даже второго ранга. Но Полибий мог изучать в пределах греческих или грекоязычных держав все формы правления и все формы содружества. Существовало национальное правление Македонии, царь, правящий своим собственным народом. Существовало местное царствование Египта, правление греческих царей над чужой нацией. Там было владычество Селевкидов, действительно утратившее свое бывшее величие, но цари которого все еще сохраняли некоторую память о положении Кира и Александра, положении Великого царя, Царя царей, правившего землями и городами, греческими и варварскими, всеми языками, всеми формами жизни, всеми видами отношений с центральной властью. И греческое городское содружество, полностью свободное и независимое, все еще было знакомой формой политической жизни; нас не должно шокировать, что самый чистый и благородный пример греческой демократии теперь можно было найти не в Афинах, а на Родосе. Но высшую политическую жизнь Греции, прежде всего всей древней европейской Греции, теперь можно было найти в федеральных государствах, в Ахайе, принадлежащей Полибию, в доблестной и верной Акарнании, в принятой греками земле Эпейрос, а также в последующие дни за морем, среди достойных подражателей эллинским образцам, в той стране Ликий, жители которой, как в самые поздние времена, так и в самые ранние, выступают как достойнейший народ Азии, наряду с жителями Ахайи, достойнейшими людьми Европы. Ахайя, Родос, Пергам; это был неплохой урок для изучения федеративного содружества, содружества единого города, царствования дома, достойного царствовать, причем каждая из этих трех форм правления являлась образцовым примером. В такой системе государств, как эта, вместо более простых отношений прежних дней мы сталкиваемся со всеми сложностями современной международной политики. Пока продолжается старая республиканская жизнь, мы видим рядом с ней действие династических интересов, влияние королей и министров, точно так же, как в современном мире. У дипломатии есть своя работа, и это напряженная и постоянная работа. История этих времен также не является просто историей мелких государств. Не только Македония и Египет, но и Пергам, Ахайя, Родос — все они были великими державами по стандартам любой более ранней эпохи. Они были ведущими государствами своего собственного мира, главными членами устоявшейся системы, в которой каждое занимало свое место точно так же, как государства современного мира. Внезапно к ним

ворвалась чужая сила, сила, намного более могущественная, чем любая из них, сила, пришедшая из другого мира, находящегося за пределами их досягаемости, и которая в одно мгновение изменила облик мира, в который они вошли. Внезапность этого вторжения Рима в греческий мир, скорость, с которой он сразу же занял первое место как на Востоке, так и на Западе, являются одними из самых поразительных моментов истории. Они резко контрастируют как с медленными шагами, которыми Рим продвигался к главенству на Западе, так и с медленными шагами, с помощью которых его лидерство на Востоке сменилось прямым и всеобщим правлением. Рядом с заблуждением о том, что Римской империи пришел конец в 476 году н.э., стоит заблуждение о том, что свободным греческим государствам пришел конец в 146 году до н.э. От этого последнего заблуждения, возможно, легче избавиться, чем от другого. Преимущество третьего и второго веков до нашей эры, по крайней мере, в том, что они оставлены довольно четкими для зубрилки. Легче писать на белой бумаге, чем готовить пергамент для палимпсеста. Возможно, легче изложить истинный аспект эпохи, которая постановила, что Рим должен быть главой мира, чем изложить истинный аспект эпохи, которая отвечает этому, эпохи, которая определила, в какой форме Рим все еще должен оставаться главой мира, хотя его политическое господство над половиной своих провинций было разбито вдребезги.

ЛЕКЦИЯ II. РИМ - ГЛАВА ЕВРОПЫ.

В своей последней лекции я стремился нарисовать картину средиземноморских земель в тот момент, когда греческий мир, сформировавшийся в результате македонского завоевания, мир королевств, федераций и отдельных городов, оживленная и запутанная система, полная глубочайших политических уроков на каждом шагу, был внезапно поражен вторжением державы с Запада. Эта держава уже медленно поднялась на первое место в своем собственном западном мире; теперь она в одно мгновение поднялась на первое место на Востоке; но, поднявшись таким образом на первое место, она была довольна тем, что вернулась к своему прежнему медленному и поэтапному пути. Должны были пройти поколения, прежде чем первостепенное влияние в греческом мире, которое Рим завоевал одним махом, было полностью преобразовано в непосредственное господство над каждой страной и городом, на которые распространялось его влияние. В самом начале второго века до нашей эры Рим уже был первостепенной державой в греческом мире. У нее не было ни одной провинции к востоку от Адрианы; но города, конфедерации, королевства - все знали, что она практически была их хозяйкой. В конце первого века нашей эры у Рима было много провинций к востоку от Адриатики; ее непосредственное господство стало правилом, и даже номинальная независимость была исключением; но все еще оставались свободные греческие города, которые Веспасиан считал благоразумным подчинить своему непосредственному владычеству, и было немало других свободных греческих городов, которые Веспасиан оставил, чтобы дать Траяну возможность уважать международные договоры. Короче говоря, первый шаг был внезапным и стремительным; каждый последующий шаг был медленным; но первый шаг влек за

собой все последующие шаги как неизбежное следствие. В промежутке между Первой и Второй Пуническими войнами Рим появился к востоку от Адриатики как освободитель греческих городов от иллирийских пиратов. По правде говоря, это был первый шаг в том продвижении на восток, которым пятьсот пятьдесят лет спустя сам Рим в своем собственном лице последовал вслед за своим владычеством и перенес свою резиденцию с семи холмов у Тибра на семь холмов у Босфора. Или мы должны сказать, что первый шаг был сделан гораздо раньше? Положение Рима как итальянского государства, правящего греческими союзниками и подданными, но в свою очередь глубоко подверженного греческому влиянию любого рода, началось, когда Рим все еще жил на своем собственном полуострове. Еще до того, как она пересекла Адриатику, она начала приобретать характер той сложной силы, политически римской, интеллектуально греческой, призванием которой было заквасивать мир. Расширение, отмеченное во второй половине III века союзом Рима с Аполлонией, Эпидамносом и Коркирой, было расширением только географическим. Союзница или владычица, какое бы имя мы ни выбрали, Неаполя, Тарента и Сиракуз, несомненная владычица большей половины Сицилии, уже начала приобретать облик греческой державы, прежде чем обнажила меч за или против какого-либо города древней Греции. Рим вступил в ряды *эллинистов* до того, как Коринф допустил своих граждан к соревнованиям на Истмose, до того, как Афины почтили их посвящением в святейшие обряды Деметры и ее Ребенка.

В лекции моего предыдущего курса я указал на некоторые физические условия, которые позволили Риму подняться до главенства в мире. Тогда я осмелился сказать, что ход всей истории был определен геологическим фактом, что некоторые холмы у Тибра были ниже и располагались ближе друг к другу, чем другие холмы Лация. Если бы я читал лекцию по римской истории как таковой, вместо того чтобы бросить краткий взгляд всего лишь на тысячу лет или около того на Рим в его историческом положении, я мог бы развить эту мысль в мельчайших деталях. Для моей нынешней цели достаточно сказать, что центральное место на центральном полуострове, естественно, было призвано к главенству. Мы могли бы указать, что процесс, превративший Лугубалиум и Нисибис в оплоты Рима, начался, когда Палатинский и Капитолийский холмы были окружены единой стеной. Но нам достаточно отметить великие шаги в развитии римской державы, шаги, которые сделали ее главой Лация, главой Италии, главой Запада, главой и, в конце концов, владычицей средиземноморского мира. На всех этих этапах мы должны всегда иметь в виду, что правление Рима было в самом полном смысле правлением города, правлением, по существу, того же рода, что и правление других правящих городов до и после. Оно отличалось от правления Афин, Спарты, Карфагена, Берна и Венеции только масштабностью, до которой распространилось правление римского города, и процессом, не имеющим аналогов в истории ни одного другого города, посредством которого избирательное право правящего содружества постепенно распространялось на всех его союзников и подданных. Лаций, Италия, средиземноморский мир постепенно входили в состав не только римского владычества, но и римского города, пока каждый союзник Италии, каждый греческий союзник, даже каждая провинция-варвар не стали гражданами Рима. Это правда, что последняя стадия процесса не наступала до тех пор, пока быть гражданином Рима не означало просто быть подданным хозяина Рима. Не без оснований высказывались сомнения в том, что эдикт Антонина Каракаллы не был скорее немедленной потерей, чем непосредственным приобретением для тех, кого он признавал всеми почестями римского имени. Но взгляд всемирной истории смотрит на эти перемены в другом свете. Эдикт Антонина,

каковы бы ни были его непосредственные мотивы, каковы бы ни были его непосредственные результаты, в конце концов создал искусственную римскую нацию по всему римскому владычеству, во всяком случае, от океана до горы Тавр. Каждый свободный человек по всей империи теперь имел право на имя и традиции Рима. Мы видим результаты этой перемены в людях пятого и шестого веков, в тех римлянах Галлии и Испании, которые не знали ни национального названия, ни национального существа, кроме названия города, которому поклонились их предки. Мы видим его еще более длительные результаты у римлян и Румынии Востока, у грекоязычного народа, от которого римское имя еще не полностью ушло, у латиноязычного народа, для которого в наши дни римское имя снова стало живым знаком их возрождения.

Таким образом, на Рим как главу Европы в том смысле, в каком ни одна другая европейская держава никогда не достигала этого главенства, были возложены две обязанности великой европейской державы в такой полноте, в какой они никогда не возлагались ни на кого другого. Рим был призван прежде всех других быть учителем народов своего европейского происхождения, защитником Европы от нашествия варваров извне. В первом случае ее учение иногда должно было быть резким; ей часто приходилось применять жезл такой же суровой дисциплины, как та, с помощью которой Гидеон обучал жителей Суккота. Миссией Рима было сделать галлию приобщенной к своему языку и культуре. Ее миссией было сделать германца наследником половины ее политической власти. Она должна была создать на основе его запасов и своих собственных третья положение вещей, отличное от любого из составляющих его элементов. Из союза германцев и римлян возник мир современной Европы. Но для этого союза нациям пришлось выждать свое время; как и на играх Эллады, те, кто поднялся до счастливого момента, были отброшены назад плетью. С теми, кто пришел как захватчики, нужно было обращаться только как с захватчиками, а не как с учениками. Галл, пришедший раньше времени, подвергся бичеванию в Сентинуме; германец, пришедший раньше времени, подвергся бичеванию в Акве Секстии и Верцелле. Но насколько хорошо была проделана работа с галлами и германцами, которые лучше знали свое время и место, мы видим, когда галл Сидоний рисует в своей римской речи портрет некоего Теодориха, готского владыки римского королевства; мы видим это, когда более великий Теодорих, готский владыка более могущественного римского королевства, издает законы со своего трона в Равенне о благополучии самой ранней галльской провинции Рима. В этом заключалась одна из сторон миссии главы Европы, учителя родственных народов. Другая ее сторона, как чемпиона Европы, как выдающегося представителя Вечного дела, проявила себя в ее долгой войне с карфагенянами, персами, арабами и турками. И обе стороны выступают вместе, когда Рим, владычица народов, выступает со своим тевтонским *комитатусом* навстречу войскам Аттилы. Работа шла успешно, когда Аниан смотрел со стен Орлеана на знамена освобождения, римские и готские, слившиеся бок о бок в борьбе, когда римляне, готы и франки, католики, арийцы и язычники объединились, чтобы нанести последний удар по общеевропейской земле в день резни на полях Каталонии.

Как латинский город Рим пришел к власти в Лациуме, как глава Лациума пришел к власти в Италии - это вопросы скорее римской, чем всеобщей истории. Вселенское призвание Рима приходит к ней, как только она становится главой Италии, возможно, точнее, в тот самый момент, когда она становится таковой. Она не является полноправным главой Италии до тех пор, пока не отбросит захватчика из Эпейроса от берегов своего полуострова. Но война с Пирром привела ее в самую гущу греческого мира со всеми его сложностями. Если мы не

примем рассказы о ее прежних отношениях с Массалией, Рим пока не искал ни греческих союзников, ни греческих врагов за пределами Италии. Но Греция в лице своего главного защитника пришла искать встречи с Римом в этих пределах. Битва при Беневенте постановила, что Италия должна быть итальянской; она постановила, что никакая греческая держава не должна возникать в Западной Европе, чтобы уравновесить владения Птолемея и Селевкоса на Востоке. Короче говоря, он постановил, что главой Италии должен быть Рим. Войны, которые Рим вел против самнитов и галлов, сделали его, вне всякого сравнения, первой державой в Италии. Война с Пирром, война, которая угрожала сделать Италию, подобно Азии или Египту, частью греческих владений, сделала ее несомненной главой.

Глава Италии теперь выступал как одна из великих держав мира. Одно из отличий политического состояния тех дней от нашего заключается в том, что Рим, несомненно, не успел подняться до этого положения, как оказался вовлеченным в борьбу, борьбу почти не на жизнь, а на смерть, с другой великой державой Западного Средиземноморья. В современном мире, какие бы ни возникали зависти, противоречия, войны между любой из великих держав Европы, ни одна из них не стремится к полному уничтожению какой-либо другой, ни одна не стремится к постоянному ослаблению какой-либо другой, к ее понижению в звании великой державы. Но установление Рима как несомненной главы Италии, как одной из двух величайших держав Запада, сразу же обрекло ее на постоянное соперничество с другой державой, соперничество, которое могло быть смягчено тем или иным периодом мира, но которое означало, что рано или поздно либо Рим, либо Карфаген должны были погибнуть. Мы должны помнить, что, в то время как между любыми другими великими войнами Рима был небольшой мирный промежуток, за войной с Пирром и итальянскими союзниками Пирра без какого-либо перерыва последовала первая война с Карфагеном. Эта война была Войной за Сицилию. Согласно любой теории естественных границ, держава, стоявшая во главе Италии, могла бы разумно, насколько это возможно в таких вопросах, ожидать распространения своего господства на земли в пределах Альп и на три больших острова, которые выглядят как естественные придатки к итальянскому полуострову. И держава, которая распространилась на земли в пределах Альп, держава, которая со своих собственных берегов могла любоваться горами Иллирии, вряд ли могла рассчитывать на то, что останется совершенно не вовлеченной в дела земель по другую сторону Адриатики. Рим тогда едва успел стать главой Италии, как перед ней открылись два поля деятельности без малейшей передышки. Ей пришлось бороться с другой великой державой Запада, и не было никаких признаков того, что вскоре ее судьба призовет ее также вмешаться в распри Восточной Европы.

Западный зов был более ранним и близким. Непосредственно за войной с Пирром последовала война за Сицилию, более чем двадцатилетняя война, которая велась в основном на водах флотах Рима и Карфагена. Как война за Сицилию, как одна из величайших из многих войн за Сицилию, она занимает свое место в длинном ряду циклов, составляющих историю этого прославленного острова. Теперь Рим впервые пристегнула ремни безопасности, чтобы сыграть свою роль в решении Вечного Вопросы. Должен ли был величайший из средиземноморских островов быть частью Европы или Африки, принадлежать арийцу или семиту, быть домом богов Альбы и Олимпа или Молоха и Ваалима у людей Ханаана? Грек вел войну веками; судьба была против него; царство Иерона было лишь небольшим пережитком тех дней, когда Сицилия была так близка к тому, чтобы стать чисто эллинским островом. Призвание, для которого Сиракузы были слишком слабы, перешло в более сильную руку Рима. Панормос, завоеванный Европой на одиннадцать столетий, был немалым первым плодом борьбы. После почти целого поколения

войн Рим вышел победителем, став владычицей Сицилии, а ныне Сардинии и Корсики, захватив свои первые провинциальные владения, богатый благодаря верному союзу первого и достойнейшего из своей длинной череды зависимых королей. Соперничающая держава вышла из борьбы не сокрушенной, едва ли ослабленной, но вынужденной перенести свою энергию в новую сферу, искать на новой земле средства нанести удар Риму в сердце ее собственной Италии.

Выбор этой новой сферы карфагенской энергии, подвигов дома Гамилькаров, линии сынов Грома, сам по себе открывает новую и важную, хотя пока и второстепенную страницу в истории Европы. Пришло время самому западному из трех ее полуостровов сыграть свою роль в общих делах мира. Но полуострову, который не был полностью Средиземноморским, две из трех сторон которого омывались внешним океаном, никогда не суждено было играть такой роли, как более старым полуостровам, которые ощущали только воды внутреннего моря. В еще далеких веках должен был наступить день, когда Испания станет правящей державой в Италии и Греции. Но Испании никогда не суждено было стать ни тем, чем была Италия, ни тем, чем была Греция, ни тем, чем Италии суждено было стать снова. В течение нескольких столетий ее судьбой было стать великой и процветающей зависимостью от Рима, который, когда он однажды полностью принял зависимые отношения, должен был меньше страдать ни от гражданских войн, ни от иностранного вторжения, чем любая другая провинция Запада. И теперь ее судьба была странной, но судьба, которую удивительные циклы истории вернули снова спустя более чем девятьсот лет. Испания должна была стать Сицилией. Один из этапов Вечного вопроса дважды заключался в том, должна ли самая западная земля Европы быть частью западного или Восточного мира. Риму пришлось отвоевывать эту землю у финикийцев; его собственным сыновьям пришлось спустя века отвоевывать ее у сарацин. На данный момент третий из великих полуостровов должен был, в свою очередь, стать оплотом обеих сторон, арсеналом, где Карфаген впервые собрал свои силы для попытки свержения Рима, и где Рим затем собрал свои силы для более чем попытки свержения Карфагена.

Пунические войны образуют своего рода эпизод в истории Европы, точно так же, как присутствие пунического народа в Западном Средиземноморье само по себе является аномалией и в некотором роде эпизодом. Существование карфагенской державы препятствовало тому, что мы могли бы считать естественным ходом истории трех великих европейских полуостровов. Когда Рим стал бесспорным главой Италии, следующий рост ее могущества можно было ожидать в направлении галлии и Греции. Главенство в Италии было завоевано путем отражения греческого вторжения, вторжения из греческой земли, находящейся в пределах видимости Италии, и это главенство могло считаться несовершенным, пока оно не распространилось дальше на Сицилию с одной стороны и Цизальпинскую Галлию - с другой. За Сицилию сразу же начали сражаться и в конце концов победили; но ее пришлось отвоевывать у вторгшихся карфагенян. Когда закончилась первая Пуническая война, взоры Рима снова устремились за пределы По и Адриатики. Началось завоевание Цизальпинской Галлии; иллирийские войны привели к первому утверждению Рима как влияния, как державы на Восточном полуострове. Защитник, повелитель во всем, кроме названия, Коркиры, Эпидамноса и Аполлонии, Рим стал элементом в делах самой Греции, а также в делах греческих колоний в Италии, Сицилии, Испании и Галлии. Она завоевала зависть Македонии, добрую волю

свободных государств Греции. То есть она предприняла первые шаги к тому, чтобы привести как греческих друзей, так и греческих врагов сначала под свое влияние, а затем и под свою власть.

Если первая Пуническая война была в некотором роде эпизодом в европейской истории, остановкой ожидаемого марша Рима, то еще вернее это можно сказать о второй.

Ганнибалианская война стоит особняком в мировой истории, как прежде всего борьба между человеком и государством, борьба между первым из людей и первым из содружеств. И все же, если Ганнибал затмевает Карфаген, если Карфаген кажется всего лишь инструментом в его руках, мы должны помнить, что Ганнибал не существует отдельно от Карфагена, что работа, которую он выполняет, - это работа не Ганнибала, а Карфагена. Мы также не должны позволить славе Ганнибала полностью погасить славу других членов его дома. Риму пришлось бороться против целого ряда героев, против всего львиного выводка дома Барака. Один сын Грома приходил за другим; то, с чего началась Милость Ваала, укрепляла Помощь Ваала. Но в нашем кратком обзоре истории мы должны быть осторожны, не задерживаясь на том, чтобы воздать должное даже величайшим отдельным людям. Мы должны иметь дело с результатами их действий. Целью Ганнибалианской войны было унижение, разрушение Рима. Его результатом было то, что он поднял Рим выше, чем когда-либо, сделал его за одно поколение главой всего Запада, а вскоре и главой Востока. Это включило, как мы видели, западный полуостров в поток европейских дел; это включило его в это течение в качестве оплота римского владычества; это сделало Рим европейской державой; она вышла из борьбы более чем когда-либо главой Италии, владычицей всей Сицилии, продвинулась вперед, чтобы стать владычицей Испании, получив главенствующее влияние в Африке. Если она и потеряла Цизальпинскую Галлию на сезон, то только на сезон; работу можно было продолжить, и Рим завоевал влияние в Галлии за Альпами, которое вскоре сослужило ему хорошую службу. От Восточной Европы ее взгляд на мгновение отворачивается, чтобы в следующий момент снова быть обращенным туда с гораздо большей непоколебимостью. То, что, если бы не проверка, данная ходу событий эпизодом с великим Ганнибалом, мы могли бы ожидать как следующую сцену драмы, теперь на самом деле выходит на сцену как эпизод в эпизоде. Как бы прикрываясь войной с Ганнибалом, Рим впервые ведет войну к востоку от Адриатического моря как союзник одной из главных греческих держав и как враг другой. Но если та первая война между Римом и Македонией выглядит как эпизод, если она кажется незначительной по сравнению с великой борьбой с Ганнибалом, то это было просто потому, что македонский царь не смог сделать то, что по здравому смыслу он должен был сделать, если он вообще начал войну. Фаланга и осадный обоз Филиппа не смогли занять свое место рядом с всадниками и слонами Ганнибала. Тем не менее, первая македонская война знаменует собой важнейший этап в продвижении Рима на Восток. Теперь Рим впервые сравнял себя с ресурсами великого королевства, как в войне с Карфагеном он впервые сравнил себя с ресурсами великого государства. Рим, Карфаген и Македония теперь были тремя великими державами Европы, и Риму приходилось бороться против двух других сразу. Для Рима действительно было хорошо, что Македония так и не проявила всей своей силы, в то время как мощь Карфагена все еще была несломлена. Как бы то ни было, Ганнибал в одиночку, без союзников, кроме варваров, которых он собрал под свои знамена, после ужасающих потерь в Пиренейском и альпийском походах, смог выиграть каждое крупномасштабное сражение, в котором он участвовал, и подвести Рим так близко к разрушению, что никакая держава, кроме Рима, не смогла бы выйти живой из этого испытания.

По правде говоря, никогда еще Вечный Вопрос не был так близок к своему разрешению, так близок к решению, которое могло бы навсегда подавить жизнь Европы, как тогда, когда

Ганнибал размышлял, стоит ли ему идти прямо с поля Канн к воротам Рима. Это был похожий момент, когда от голосования полемарха Каллимаха зависело, должны ли тысячи Афин встретиться с десятками тысяч Персии в день Маратона. Не нам судить, изменил бы ли бы такой марш судьбу мира навсегда; достаточно того, что все, что составляло жизнь Европы, все, что должно было формировать жизнь христианского мира, казалось в тот момент висющим на волоске. Трудность состоит в том, чтобы полностью осознать, что Ганнибал и его родственники, великий дом и величайший из его сыновей, на самом деле сражались за то же дело, что и простые варвары-разрушители, против которых борьба должна была вестись на других этапах длинной истории. И все же это так; когда мы увидим Рим с его гражданами, колонистами и союзниками, противостоящими наемникам Карфагена, когда мы противопоставим приверженца Юпитера приверженцу Молоха, мы скоро увидим, на чьей стороне в действительности были интересы человечества. В конце концов, это было самое достойное дело, по которому первый из городов был сражен против первого из людей. Свержение Карфагена позволило Риму перейти к свержению Греции; но если Греции суждено было обрести завоевателя, то хорошо, что у нее был завоеватель, который мог стать учеником таким образом, каким финикиец никогда не смог бы стать. Трудно поставить Ганнибала в один ряд с Аттилой или даже с Абд-ар-Рахманом, но день Замы, или, скорее, долгая выдержка, которая сделала возможным день Замы, должна быть отмечена все еще живущим миром Европы как великое спасение, высшая милость, наряду с работой Аэция и Теодориха и работой Карла старшего.

Как получилось, что Рим и Европа пережили такое испытание, каковы были особые причины, которые дали Риму силы выстоять перед самыми страшными опасностями, об этом должны рассказать специальные историки Рима. Для нас достаточно того, что Рим вышел из борьбы владычицей Запада, а Карфагену было позволено прожить в римской зависимости более пятидесяти лет. Затем ей предстояло погибнуть; ее земля должна была стать римской провинцией; ей самой после ста лет запустения предстояло снова подняться как римскому городу, главе одной из величайших римских земель, средоточию особой и неизменной формы римской жизни, жизни, длившейся более семисот лет, пока власть Рима в Африке не уступила место семитским захватчикам, более ужасным, чем древние финикийцы. Битва при Заме положила конец долгому и замечательному периоду финикийского могущества в Западных морях; это дало Риму время продолжить свою работу в качестве завоевателя и учителя в Западной Европе, в качестве завоевателя и ученика за пределами Адриатики. Было бы пустой тратой времени гадать, смогли ли бы они с Ганнибалом вместе свергнуть Рим, если бы Филипп задействовал всю мощь своего королевства и его союзников. Нам достаточно знать и радоваться, что этого не было; Филипп не смог действовать вместе с Ганнибалом, и Рим мог свергнуть Ганнибала и Филиппа, каждого по очереди. Первая македонская война втянула Рим в гущу греческих событий. Греческие государства внезапно узнали, кем Рим может быть - другом или врагом. Но они не сразу поняли, насколько на самом деле отношение друга или врага Рима было всего лишь шагом к отношению сначала римской зависимости, а затем римского подданного. Вряд ли они усвоили этот урок; ни принцы, ни государства содружества никогда не усваивают такие уроки быстро. Греки того времени не больше представляли себе, что означало вмешательство Рима, чем греки полутораста пятидесяти лет назад представляли, что означало вмешательство Македонии. Ни принц, ни народ никогда в таких случаях полностью не понимают, что грядет. Но, видя, что Рим в целом потерпел непосредственное поражение в первой македонской войне, греки того времени еще менее склонны были видеть, насколько

сильно Рим выиграл, участвуя в какой-либо македонской войне вообще. Люди, выросшие в качестве лидеров нескольких греческих государств, которые привыкли смотреть на Грецию и соседние державы как на создание собственного мира, мира, в котором вмешательство Рима ожидалось так же мало, как вмешательство с другой планеты, вряд ли могли предвидеть дни, которые должны были наступить до того, как оборвется их собственная жизнь. Филопоимен еще не мечтал о тех днях, когда ни один греческий государственный деятель не осмеливался нанести удар или произнести ни слова без доброй воли варварского содружества, которое стало практически владычицей над всеми ними. То, что они не предвидели тех дней, не было особой близорукостью греков или государств содружества; это была обычная близорукость просто человеческих государственных деятелей, у которых не было, подобно их критикам, средств воспользоваться опытом веков, которые еще не родились.

В начале второго века до нашей эры фактические владения Рима были действительно невелики по сравнению с тем, какими они были к его концу. Когда начался новый век, Рим, несомненно, был главой Запада; отнюдь не было ясно, станет ли он когда-нибудь главой и Востока. Управлять тем, какой она должна была быть, было работой того чрезвычайно важного и заброшенного века. Вначале Рим был главой Италии; она отвоевывала владычество в Цизальпинской Галлии, которого ей стоила Ганнибалианская война; но у нее не было провинций, которые она могла бы завоевать отдельно; у нее были только земли на Сицилии, Сардинии и в Испании, которые она отняла у Карфагена, земли, которые в Испании, по крайней мере, нуждались в частых ожесточенных боях, чтобы расширить или даже сохранить. В Трансальпийской Галлии у нее пока еще не было владений; Массалия все еще была независимым и особенно желанным союзником. В Африке Карфаген находился в невольной зависимости; Массинисса Нумидийский был верным и ревностным царем-вассалом, которого следовало оберегать и укреплять до тех пор, пока Карфагену позволялось жить. В Восточной Европе Рим действительно начал свое владычество за пределами Адриатики, пока еще над союзниками, а не над признанными подданными. Но это были владения, которые не простирались дальше определенных точек побережья, непосредственно противоположных итальянскому полуострову. Рим проявил себя разрушителем более чем на одном острове и в одном городе в сердце Греции; но он совершил свою разрушительную работу в содружестве с греческими союзниками, и, если он вообще проявил себя в греческой войне, это было только потому, что Филипп предпочел быть союзником Ганнибала, но не быть его союзником в том смысле, чтобы нанести удар по Риму на его собственной территории. На дальнем Востоке Пергам уже был союзником Рима; Аттал и Эвмен должны были быть Массиниссой до тех пор, пока Македония или держава Селевкидов нуждались в присмотре со стороны Рима. Держава Селевкидов все еще не была ни другом, ни врагом; Египет был связан с Римом определенной дружбой, но дружба еще не принесла с собой зависимости.

Давайте посмотрим только двадцать лет спустя. Рим не увеличил свою непосредственную территорию на восточном материке ни на один район или город. Но Кефалония и Закинф присоединились к компании Коркиры и Эпидамноса; Этолия вступила в формальные отношения римской зависимости; Македония опустилась до этого в наказание за войну с Римом; она снова обрела, по крайней мере, формальную независимость в награду за хорошую службу правящему содружеству. Помимо своих небольших владений в Западной Греции, Рим не имеет в восточном мире никакого господства, кроме влияния; но благодаря этому господству он является верховным. Обширное владычество Антиоха, Великого царя, преемника в равной степени Кира и Александра, было прервано; оттесненный за пределы Тавроса, он почти

удалился из эллинского мира; владыка Азии, стремившийся на мгновение стать владыкой Европы, опустился до того, что стал владыкой только Сирии и тех земель к востоку от Сирии, которые он мог удержать от посягательств парфян. Вместо него царственный Пергам, демократический Родос, толпа более мелких держав, готовых принять щедроты Рима, разделили между собой солидный полуостров Азия. Римский сенат, который так недавно заседал, разрабатывая средства, с помощью которых Рим мог бы спастись от рук Ганнибала, теперь заседает как Международный суд для всего цивилизованного мира, готовый выслушать интересы каждого короля или государства, которые имеют какие-либо претензии к любому другому королю или государству, готовый даже прислушаться к голосу каждой партии, каждого человека, который имеет какие-либо претензии к любой другой партии или любому другому человеку в самом маленьком государстве. Отцы Рима судят о причинах действий держав, которые теоретически являются равными союзниками Рима; они судят не на основании закона, не на основании договора; они судят потому, что общий инстинкт человечества видит единого универсального судью в единой державе, которая обладает силой приводить в исполнение свои решения. Когда говорит Рим, все повинуются; короли падают ниц у порога здания Сената, как перед собранием богов; они смиренно держатся в пределах черты, которую проводит вокруг них римский жезл, даже на земле, которую они сделали своей. Рим, по правде говоря, правит от Адриатики до Евфрата не меньше, чем от океана до Адриатики; но за исключением старой римской земли, которая является его собственностью, за исключением нескольких провинций, которые он захватил как часть добычи Карфагена, его власть по-прежнему повсюду является силой влияния и нигде не имеет прямого подчинения.

Работа ста пятидесяти лет, которые должны были пройти, прежде чем Рим стал подчиняться правлению одного человека, заключалась в основном в том, чтобы превратить эту силу влияния в силу прямого господства, одним словом, превратить союзные и зависимые государства в подчиненные провинции. Давайте снова заглянем в последние годы того же второго столетия. Италия распространилась, если не в формальном языке, если не в юридическом праве, то все же в обычной речи людей, по всем землям в пределах Альп. Галлия - это теперь земля за Альпами, где Рим, ныне покровитель Массалии, завоевал могущественную провинцию, провинцию, объединяющую Италию и Испанию и держащую своего старого союзника как бы под опекой. Испания в значительной степени стала римской землей; она полностью стала римским владением, за исключением только тех горных районов, которые стольким завоевателям, каждому по очереди, было так трудно завоевать. Африка - провинция; Карфаген - дикая местность; Нумидия и Мавритания - беспомощные зависимости. К востоку от Адриатики немало земель и городов, Афины, Спарта, Родос, Византия, мудрые союзники Ликии, все еще сохраняют свою формальную независимость. Но прямое владычество широко распространилось; если еще не фактическое правление, то все же это судьба, которая сокрушила величайшие державы; Македонское царство теперь является провинцией Македонии; Пергамское царство, так недавно расширенное за счет добычи Селевкидов, теперь является провинцией Азии; Ахайя с опустошенным Коринфом, формально провинция или нет, по крайней мере, настолько зависима, что вопрос о ее политическом состоянии является вопросом чисто формальным. Сирия, Египет, все королевства Азии должны считаться вассалами Рима. Если абсолютная свобода и существует где-либо в Средиземноморском мире, то только там, где свобода является позором Рима, а не его славой; независимость, которую Родос и Афины сохраняют лишь номинально, во всей ее полноте защищают пираты Крита и пираты Киликии.

Таким образом, главенство Рима было завоевано над Италией и средиземноморским миром. Выросло государство, подобного которому человечество никогда не видело. Ни один царь царей никогда не был так близок к всеобщему правлению, как этот город городов. И теперь, в последние годы второго столетия и в первые годы первого, возник вопрос, сможет ли Рим сохранить то, что он завоевал, вопрос, можно сказать, сможет ли Рим сохранить свое собственное независимое существование. Возникли новые силы, оспаривающие ее притязания на то, чтобы быть главой Запада, быть главой Востока, быть главой ее собственной Италии. Гай Марий сошел со своей триумфальной колесницы над Югуртой, чтобы выступить в поход в новом консульстве, в новых консульствах, теснящихся одно за другим, чтобы спасти Галлию, спасти Италию, спасти сам Рим от нападений тевтонских захватчиков, пришедших раньше времени. Невелики те останки, которые Акве Секстия может показать нам в напоминание об этом великом избавлении; и все же мы смотрим на гору Победы и чувствуем, что волею судеб кости наших сородичей должны были покоиться на виноградниках Массалиота; еще не настал день, когда Готия и Румыния будут свободно соединены в счастливом нарбоннском пиве невесты. День Секстовой Аквы, день раудийских полей, подтвердил главенство Рима на Западе на пятьсот лет. Требовалась более длительная борьба с восточными державами, усиленными искусством Греции — когда Греция и Азия, союзники и подданные, были подстрекаемы к восстанию злодеяниями правящего города, — чтобы обеспечить римское главенство на Востоке не только на пятьсот лет, но и на трижды больший срок. А еще ближе, на своей собственной земле, у своих собственных ворот, в своих будущих стенах, Риму снова предстояло сражаться не на жизнь, а на смерть с итальянскими врагами. Другой Понтий пришел с самнитских холмов, чтобы выкорчевать лес, который укрывал волков Италии. Нужна была счастливая звезда Луция Суллы, нужна была последняя страстная молитва Феликса, Эпафродита, к разгневанным богам Греции, чтобы сохранить не только господство над Галлией и Азией, но и саму жизнь Рима как единого итальянского города на собственных холмах.

Однако тщетной была борьба кимвров и тевтонов, марсиан и самнитов, понтийского царя и его союзников в Азии и Европе. Рим вышел из своего тройственного испытания бесспорной владычицей всего. Ни в одном уголке средиземноморской земли не осталось силы, которая действительно могла бы оспорить ее волю. Первого столетия до и после нашей эры было достаточно, чтобы собрать добычу. Враги и союзники, независимые и зависимые, должны были превратиться в подданных; королевства должны были превратиться в провинции; и если некоторые города, бывшие когда-то больше, чем под скипетром, все еще сохраняли формы свободы, все же цепи действительно звенели над ними, когда Сенат и народ независимого государства осмеливались издавать только такие указы, которые могли доставить удовольствие ближайшему проконсулу. Из двух великих соперничавших лидеров Рима один должен был распространить свое владычество до Евфрата, другой - до Ла-Манша и Северного моря. Сирия Гнея Помпея стала богатейшей провинцией Рима; но земля старого Дамаска и молодой Антиохии никогда не могла стать римской землей. Галлия Гая Цезаря действительно стала римской землей, постоянным домом римской жизни и римской культуры, землей, города которой воспевал Авзоний Бордосский, а вся ее жизнь была полностью расписана для нас карандашом Сидония Овернского. И, прежде всего, обладание Сирией и Галлией дало Риму новое положение и возложило на него новые обязанности. Одним из аспектов второго столетия до нашей эры является то, что варварские державы Востока снова угрожают. Работа

Александра и Селевка кажется наполовину незавершенной. Рим ослабил руки их преемников, не взвалив их призвание на свои плечи. Как это было с пиратами, так было и с парфянами; так было даже с варварами к северу от Македонии. В то время, когда греческие государства и царства перестали быть действительно независимыми, но когда они еще формально не опустились до состояния римских провинций, ни одна из этих границ цивилизованного мира не охранялась должным образом. Таким образом, второе столетие до Рождества Христова было великой эпохой наступления варваров. Опять же, как говорит Моммзен, у мира было два владыки. На восточной границе выросла держава, перед которой уступили македонские цари Сирии и против которой сам Рим мог сделать немногим больше, чем стоять на своем. То, что Сулла был первым римлянином, имевшим прямые отношения с парфянами, указывает на ход событий. Парфия набирала силу, в то время как Рим ослаблял королевства, которые могли бы остановить рост Парфии. Новая варварская держава прожила триста лет после правления Суллы и была равным соперником Рима, в борьбе которого с Римом обе стороны могли похвастаться победами и сиюминутными походами, в то время как ни одна из них не могла похвастаться сколько-нибудь длительным ослаблением своего соперника. И настал день, когда парфянам, оказавшимся в зоне влияния Греции, чьи цари хвастались тем, что они были φιλέλληνες, пришлось уступить место более энергичным сторонникам азиатской стороны в Вечном Вопросе. В ходе долгого четырехсотлетнего соперничества возрожденный перс, сильный в своей национальной жизни и национальной религии, оставался самым верным и достойным соперником Рима. И снова каждая держава ощутила мощь другой на своих границах; то, что Галерий завоевал, Юпитер должен был вернуть. Наконец, когда главный удар был нанесен обоим одинаково, каждый выслал вперед как бы своего собственного Ганнибала, чтобы нанести удар по жизненно важным органам врага. Хосров расположился лагерем в пределах видимости Константинополя; Ираклий установил закон для персов в сердце своего собственного царства. Возможно, кому-то было бы любопытно узнать, как выглядит эта великая сторона мировой истории в глазах тех, кто проводит мистическую черту в патрициате Одовакар. Юлиан, конечно, стоит впереди всех; но писания, повествующие о деяниях Юлиана, являются запечатанной книгой — неклассической, я полагаю, не золотого и даже не серебряного века. Что касается Велисария и Ираклия, то они, несомненно, сойдут, как на Востоке, так и на Западе, за греков Нижней Империи, таких же трусливых и изнеженных, как и все их собратья.

Но рост парфянского могущества, продолжавшийся, насколько это касается всеобщей истории, во власти возрождающегося перса, в конце концов, является лишь одним аспектом цепи событий, которая тогда была уже древней и которая сохраняется до сих пор. Это всего лишь поставило Вечный Вопрос в новые условия и дало обеим сторонам новых и более сильных чемпионов. Тем временем в обширных регионах Запада, в одном памятном уголке Востока, возникли совершенно новые условия. Помпей, завоеватель Сирии, заставил земли Рима выступить в поход на парфян; Цезарь, завоеватель Галлии, заставил земли Рима выступить в поход на германию. Один дал ей соседа, который мог быть только постоянным соперником; другой дал ей соседа, который не был бы подданным, но который в свое время должен был вступить в свое двойное призвание как завоеватель и ученик. И теперь начинается наша собственная история, история тевтонской расы в ее трех великих домах: на материковой части Европы, на великом острове в океане, на еще более обширном материке за океаном. Мне нет нужды говорить здесь кому-либо, что во времена Цезаря, через столетия после Цезаря, историю нас самих, в отличие от истории нашего будущего дома, следует искать не у Темзы и Северна, а у Рейна и Везера. Нам осталось недолго ждать, прежде чем одна строка Тацита

раскроет существование Англа, прежде чем одна строка Птолемея раскроет существование сакса. Но пока мы ничем не выделяемся среди массы наших братьев. Все, что принадлежит им, принадлежит и нам. Мы сыграли свою роль в великом освобождении в Тевтобургском лесу; Арминий, “освободитель Германии”, - лишь первый в списке, который дошел до Хэмпдена и Вашингтона. На Рейне и Дунае Рим наконец нашел свой Конечный пункт; распространить его на Эльбу или Эйдер было делом не Друза или Германика, а первого германца, который надел ее корону.

Таким образом, завоевания Цезаря, сделавшие римлян и германцев соседями, присутствие которых не могло не произвести глубочайшего впечатления друг на друга, открыли одну сторону более поздней истории. Тогдашний мир, мир римского владычества, смягченный греческим влиянием, теперь имел рядом с собой нации, которые не были ни подданными, ни пока еще соперниками, нации, чье смешение с тем древним миром во многих формах и на многих этапах должно было вызвать к жизни мир, в котором мы живем. Но римские и тевтонские элементы, из которых должен был сформироваться мир современной Европы и европейских колоний, не были римлянами и тевтонцами в первом состоянии, в котором их показывает история. Их слияние не наступало до тех пор, пока оба не были приведены под общее влияние. И это было влияние, место рождения которого снова возвращает нас от завоеваний Цезаря к завоеваниям Помпея, от завоеваний Помпея к более ранней стадии могущества Селевкидов. Когда эта власть была ослаблена в великий день Магнезии, ее слабость заключалась не только в том, что она открыла путь для наступления Парфии с Востока. Местные державы, скованные персидским и македонским господством, возродились к новой жизни. Величайшая из существующих семитских держав была унижена; вскоре она должна была быть стерта с лица земли; но неизменная жизнь семитской расы проявила себя в новых формах, в той форме, которая была обречена быть более прочной, чем могущество Сидона и Карфагена. Эта форма семитского влияния должна была так тесно переплестись с могуществом Рима, что они никогда больше не могли быть разделены. Арабские владыки Дамаска предвосхитили дни, когда более могущественные арабские владыки Дамаска будут править от Инда до океана. Еврейские владыки Иерусалима вызвали в памяти те дни, когда более могущественные еврейские владыки Иерусалима правили на западе от реки до Великого моря. Ганнибал мог умереть в изгнании; его город мог превратиться в груды развалин, подобных древней Ниневии; но люди, говорящие на языке Ганнибала, хотя и не поклонялись богам Ганнибала, с того дня, как святое рвение Мататъи сразило отступника, стали одной из величайших движущих сил во всей будущей истории. Если грек должен был просвещать мир, если римлянин должен был править миром, если германец должен был быть общим учеником и миссионером обоих, то именно из древнееврейского языка все должны были узнавать то, что принадлежит другому миру. В высшем из всех учений римляне и готы должны были стать учениками еврея, но еврея, говорящего только устами греческого переводчика. Прежде чем арийский мир Европы смог по-настоящему выполнить свою работу, он должен был принять семитское вероучение. Оно должно было принять это семитское вероучение настолько полно, настолько исключительно, чтобы сделать его, приняв, вероучением Европы, сделать его прежде всего вероучением Рима. За последние двенадцать столетий Вечный Вопрос принял форму непрекращающейся борьбы между двумя похожими вероучениями семитского происхождения. Но из этих двух вероучений одно стало арийским путем усыновления; младшие расы приняли дар, от которого отказались старшие; как право первородства в Эдоме перешло к Израилю, так и право первородства в

Израиле стало общим наследием греков, римлян и германцев. Рим - это не Рим во всей его полноте, он не поднялся на истинную высоту своей миссии в мире, он не является в полной мере владычицей и учителем народов, пока не отбросил своих старых богов и не склонился перед духовным господством презируемой секты из презируемого уголка своих владений. Чудо из чудес, более великое, чем высохшие моря и расколотые скалы, более великое, чем мертвые, воскресающие к жизни, произошло, когда Август на своем троне, Первосвященник богов Рима, сам бог для подданных Рима, склонился к поклонению распятому провинциалу своей Империи. Обращение нашего собственного народа, обращение любого другого варварского народа Европы не было чудом. Куда вел Рим, все должны следовать, кельт, германец, Раб, каждый в свою очередь. То, что христианство стало религией Римской империи, является чудом истории; но то, что оно стало таковым, является ведущим фактом всей истории с того дня и далее. Объясняйте этот факт так, как мы пожелаем, христианство - это религия Римской империи, и вряд ли это что-то большее. Она была принята каждой страной, которая либо вошла в состав Империи, либо попала под ее влияние; то есть она стала кредо Европы и европейских колоний. За этими пределами она совершала завоевания, но они редко оставались постоянными; такие случаи, как Абиссиния, являются исключительными, и, в конце концов, они происходят из-за римского влияния, более распространенного, чем обычно. Христианство никогда не было вероучением какой-либо великой державы за пределами европейского мира. Великие народы Азии и Африки либо сохранили свое древнее язычество, либо стали более отчетливо враждебны вере Рима, приняв веру Аравии. С другой стороны, нельзя сказать, что ни одна нация в пределах черты римской империи не отпала от христианского мира. Народы христианских земель были поработаны или сметены; отступников было много; целые племена, как в Албании, становились отступниками, но целые нации - никогда. В ушах Нерона или Траяна прозвучало бы странно услышать, что настанет день, когда о правлении Рима можно будет говорить как о совместном "правлении Христа и цезаря"; услышать, что их преемники должны быть допущены к своим обязанностям по обрядам, заимствованным из священных книг древнееврейского языка, от главы секты, приверженцев которой они отправили на съедение львам или на пламя. В очень глубоком и живом смысле исполнились слова, гласившие, что царства мира стали царствами нашего Господа и Его Христа. Но наивысшим их достижением было то, что Империя Цезаря возликовала в своем христианском стиле Святости; когда Император, Защитник Вселенской Церкви, счел еще большей честью носить это одеяние и участвовать в служении христианского священства; когда Данте приложил свой гений, чтобы показать, что рост римского могущества был особым делом Божиим и что глава римской державы был во всех земных делах непосредственным наместником Бога на земле. Можно сказать, что это теория, которую ни одна эпоха не применяла на практике. Действительно так, и главным образом потому, что власть Рима раскололась, потому что наследование ее цезаря оспаривалось между босфорским князем и князем с Рейна. Те дни все еще далеки от нас; мы достигнем их в ходе нашего повествования; здесь достаточно сказать, что сама приверженность римским титулам и традициям со стороны держав, от которых ушло все истинно римское, была, по правде говоря, самым красноречивым свидетельством глубокого и прочного впечатления, произведенного на умы людей учением о том, что править и судить народы - дело Рима, и только Рима.

Переход от содружества к Римской империи на самом деле был постепенным процессом, посредством которого отдельный гражданин Рима, наделенный специальным поручением,

которому позволялось объединять должности и полномочия, призванные сдерживать друг друга, постепенно превращался сначала в практического, а затем и в признанного хозяина Рима и всего, что подчинялось Риму. Это изменение, столь поразительно аналогичное постепенному процессу, посредством которого сам Рим переходил от влияния к господству, в нашем кратком обзоре имеет гораздо менее непосредственное значение, чем в конституционной истории самого Рима. Нам приходится иметь дело с вселенским главенством Рима, какую бы форму ни приняло правительство самого Рима. Но косвенные вселенские результаты перехода от содружества к Империи были действительно огромны. Для римского города перемена была политической смертью; для провинций это было началом новой жизни. При империи не только уменьшились многие практические проблемы в подвластных землях, но и процесс слияния между подвластными землями и правящим городом шел с гораздо большей скоростью, чем это могло продолжаться до тех пор, пока римский город был занят тщетной задачей объединения *либертас* у себя дома с *империумом* в других землях. *Император* пришел, потому что *империум* был там, чтобы позвать его, потому что для подвластных земель один хозяин был менее тяжел, чем многие. Не без оснований жители провинций воздвигали свои алтари более чем одному принцу, для которого горожане, также не без оснований, точили свои кинжалы. При империи семьи, города, целые земли в провинциях одна за другой признавались за римлянами в полном объеме. Наконец вышел указ, о котором мы уже говорили, указ, который дал всем им права или, по крайней мере, название римлян. С того дня наиболее полно на Западе, возможно, более полно, чем мы себе представляем, даже на Востоке, выросла искусственная нация, нация, чья кровь смешалась с кровью всех народов Европы, но нация римская по названию, римская по чувствам, римская по культуре и, за исключением самых незначительных пережитков, римская по речи. До того, как началась миграция тевтонов, Рим завершил свою работу на Западе. Галлия и Испания были землями не менее римскими, чем Италия. Если римлянин из Галлии не всегда стремился сражаться за цезаря, то и римлянин из Италии тоже; но римлянин из Галлии был так же мало склонен, как римлянин из Италии, присоединяться к варварам или отстаивать свою позицию. Я говорю о землях в целом; об особой судьбе Британии и уголка Арморики у нас, возможно, будут другие поводы поразмыслить. Если европейскому миру суждено было идти своим предначертанным курсом, было необходимо, чтобы земли, в которые должны были проникнуть тевтонские завоеватели материка, были полностью римскими землями, землями, где захватчики нашли бы ту полностью развитую римскую культуру, которая была необходима для будущего человечества. Эта работа не могла бы быть выполнена, если бы земли, в которые вторглись готы и бургундцы, все еще были иберийскими и кельтскими, а не римскими. Процесс превращения их в римлян шел при Империи быстрее, устойчивее и основательнее, чем это когда-либо могло быть при Речи Посполитой. Таким образом, не разделяя модного восхищения успешным преступлением, не присоединяясь к низменным и мелким насмешкам, которые даже великие ученые опускались до того, чтобы бросать в адрес патриотов, чья ценность выше их морального уровня, мы все же можем видеть, что свержение свободы римского города было необходимым шагом в прогрессе римского мира. Это был один из этапов к свадьбе Готии и Румынии, результатом которой стал мир, в котором мы живем.

ЛЕКЦИЯ III. РИМ И НОВЫЕ НАЦИИ.

Мы видели, как Рим шаг за шагом поднимался к главенству в Лации, к главенству на Западе, к главенству в средиземноморском мире. На большинстве этапов своего курса она продвигалась медленно; только на одном этапе она поднимается на новую позицию, как в одно мгновение. Именно тогда, будучи остановлен на своем восточном пути войной с Ганнибалом, город, свергнувший восточных хозяев Запада, сразу же стал главенствовать как в Восточном, так и в западном мире. Сила, которая растоптала сынов Грома, имела право сделать свой следующий шаг со скоростью молнии. Но, когда-то возглавлявший Восточное Средиземноморье, со своим Сенатом, некогда назначенным судьей во всех делах от Адриатики до Евфрата, Рим не спешил менять свое господство на власть признанного господства. В самом деле, если бы ее более позднее стремление к провинциям началось раньше, возможно, ей было бы лучше сдерживать продвижение владык Парфии и Понта. Как бы то ни было, действительно, постепенно города и королевства, долгое время сохранявшие номинальную свободу, были формально переданы в руки ее вселенского суверенитета. И как формы ее *империи* росли очень медленно, так и формы ее *свобод* вымирали очень медленно. Медленно и незаметно Рим шел к признанному суверенитету своего собственного мира; медленно и незаметно гражданин, которого Рим поставил во главе своего содружества, шел к признанному суверенитету самого Рима и подвластных ему земель. Почти в тот же момент власть *императора* и его армии окончательно вытеснила власть принца, Сената и народа, и все свободные жители римского мира были приняты в ранг римлян. То есть они стали равноправными подданными *Императора*, в то время как каждый мужчина среди них, который мог умело и удачно владеть своим мечом, получал шанс самому стать *Императором*. Теперь была создана искусственная римская нация, *цыгане* Запада, *Ῥωμαῖ* От Востока. Следующим шагом мастер этой нации признал свое мастерство. Диадема Иовия и Геркулеса, гордый стиль Владык Всего Сущего, преклонение колен, весь церемониал, окружавший нового Августа, действительно контрастировали с простым превосходством первого из граждан, высшего из должностных лиц, которому это священное имя было присвоено впервые. Глава римской нации, римлян как на Евфрате, так и на Океане, император никоим образом не был связан Тибром с местным Римом. Должны ли мы сказать, что Рим был поглощен Румынией, или, вернее, что вся Румыния стала Римом? Императоры теперь чувствовали себя как дома в Никомедее и в Антиохии, в Милане и Равенне, в Йорке, Трире, Арле и настоящей Вене на берегу Роны, как когда-то в скромной *regia* древнего Рима или в его более гордом Септизониуме. Неудивительно, что в последующие годы императоры чувствовали себя как дома в Ингельхайме, Ахене и Гельнхаузене, в Никее, Фессалониках и Скоупи, а также в фальшивой Вене на берегу Дуная. Но избранный слуга Юпитера на своем троне в Никомедее лишь открыл путь для еще более масштабных перемен. Человек, родившийся в Иллирии, пришедший к власти в Британии, обученный в Галлии имперскому искусству, завоевавший Рим своей правой рукой, но только для того, чтобы перенести саму жизнь Рима в более прочное место правления. Диоклетиан, первый из признанных владык римского мира, много лет не спал в своем мавзолее в Спалато, прежде чем на Босфоре возник Новый Рим, прежде чем храмы нового культа на холме Ватикана и во дворце Латерани начали угрожать владычеству Юпитера Наилучшего на его собственном Капитолии.

Новый Рим, Рим Константина, город Константина, город императоров, βασιλεύουσα греков, *Цариград* рабов, — и, что еще гордо, просто Город, ἡ πόλις, название, которое сохранилось в

Стамбуле ее иноземных владык, — был городом-христианином с самого своего рождения. Рим Ромула какое-то время оставался более языческим, чем любой другой город Империи, за исключением одних Афин. Между тем, на своем новом месте Империя была Святой с самого начала. Великий вопрос о разделенной империи возник лишь столетия спустя. В грядущие дни люди спорили, кто был истинным Августом: тот ли, кто получил свое помазание среди колонн Святого Петра в Старом Риме, или тот, кто получил его под куполом Божественной Мудрости в Новом? До сих пор елей Ветхого Завета не был пролит ни на одну императорскую голову; и хотя два или три августа могли править бок о бок, Империя не считалась таким образом разделенной. И все же определенное превосходство в результате своего рода естественного отбора досталось императорам, правившим в восточной части Империи. В переходные времена, в настоящее средневековье, в дни, когда римляне и германцы стояли бок о бок, готовые слиться, но еще не слившиеся, в составное существо современного мира, каждая причина, каждая случайность всеми способами стремились сделать Восточный Рим самым верным и наиболее стойким представителем, на самом деле, не морального влияния Рима, но его неизменной мощи.

Когда начался упадок Римской империи? Ясный инстинкт Гиббона довел его рассказ до падения ее Восточной ветви; официального падения ее западной ветви он не дождался, чтобы увидеть. С нашей точки зрения, эпохи так называемого упадка Империи — это эпохи ее наибольшего влияния; политический упадок Рима, момент, когда его сила непосредственно как державы начала ослабевать, возможно, можно было бы отнести немного раньше даты, выбранной этим великим учителем для всех нас, чью бессмертную историю никто из нас не может надеяться вытеснить. При Траяне империя достигла наибольшего территориального размаха. Но мы можем остановиться и спросить, не были ли завоевания, подобные его, в некотором смысле признаком надвигающейся слабости. Второе столетие нашей эры начинается с кратковременной славы Траяна; прежде чем закончится это столетие, миновал день настоящих завоеваний. Марк несет свою вахту на берегу Дуная с помощью других предметов, отличных от тех, с помощью которых Друз нес свою вахту на берегу Рейна. Работа римского князя сейчас заключается не в том, чтобы продвигать римский терминал вперед, а в том, чтобы удержать его от отступления. Дни побед и триумфов, дни завоеваний в территориальном смысле все еще далеки от прошлого; но от Марка до Стилихона, мы могли бы сказать, от Марка до Велисария и Ираклия, до Никифора и Иоанна Цимискуса, до Палеолога, отвоевавшего Константинополь, и Палеолога, отвоевавшего Пелопоннес, завоевание обычно означало просто восстановление владений, которые когда-то удерживались и которые отпали. Мы можем применить правило, которое мы применяли в нашей первой лекции. Когда греку пришлось изгнать перса с греческой земли, когда римлянину пришлось изгнать германца с римской земли, это был знак того, что величайшие дни каждого народа в том, что касается величия территориального владычества, прошли.

Но, как в случае с греками, так и в случае с римлянами, сам упадок территориального владычества ознаменовал начало нового расширения морального влияния. Ко временам Марка два великих элемента создающего мира уже стояли лицом к лицу. Теперь роли поменялись; германец был захватчиком; римлянин стоял на своей защите. Снова и снова германцы были изгнаны с земли Галлии и даже с земли Италии. Вскоре настали дни, когда его уже нельзя было прогнать назад, дни, когда зачастую было разумнее приветствовать его на римской земле как

подданного, союзника, солдата Империи, обученного охранять границы Империи от братьев, которые приходили с тем же поручением, что и он сам. Воинственные императоры одерживали триумфы во главе тевтонских армий; невоинственные императоры посылали вперед командиров тевтонской крови, чтобы те одерживали для них победы. По приказу таких военачальников назначались и низлагались императоры; люди тевтонского происхождения становились консулами, патрициями, опекунами императорских зятьев; была запрещена только одна награда; сама диадема еще не должна была покоиться на тевтонском челе. И если суверенитет Рима оставался в руках римлян, то только в одном квартале, в том квартале, в котором они, казалось, достигли наибольшего прогресса, территориальная протяженность владычества Рима была формально сокращена. Азиатские завоевания Траяна закончились почти вместе с ним самим; его европейские завоевания, его обширная дакийская провинция, завоеванная последней и ушедшая из жизни первой, были оставлены римским солдатом, едва ли менее прославленным, чем он сам. Аврелиан снова сделал Дунай римской границей; за ним готы могли жить до тех пор, пока не настанет его время, чтобы по своему желанию пройти через три больших полуострова и, наконец, занять трон на самом западном. Но в течение ста пятидесяти лет после капитуляции Дакии, полностью вплоть до конца четвертого века, мы вряд ли можем сказать, что границы империи когда-либо формально возвращались назад. В империи были толпы тевтонских поселенцев; мы вряд ли можем сказать, что в ней еще были какие-либо тевтонские поселения. Всякий, кто жил в пределах римской границы, был либо, по крайней мере, номинально, подданным или солдатом цезаря, либо он был врагом, марширующим туда-сюда по чужой земле. Франки уже обитали в своем отдаленном уголке Галлии; но они жили там как солдаты Империи, на которых была возложена обязанность охранять границы Рима от новых пришельцев, которую они иногда изменяли, а иногда преданно выполняли. Сам гот, маршировавший туда-сюда по греческим, итальянским и галльским землям, удерживавший сам Рим для получения выкупа, проводивший, наконец, свой юбилей грабежа в его стенах, не всегда был формальным врагом его государей; в один момент он принимал почести и командования от законного Августа; в другой раз он стал другом и солдатом Империи, провозгласив собственного императора. Сам Аларих, во всех своих походах, во всех своих осадах, никогда не находил постоянного покоя для своих ног; он так и не стал признанным хозяином ни пяди римской земли. Но прежде чем он упокоился в своей могиле под водами, прежде чем готская труба прозвучала у салирианских ворот, прежде чем он вступил на тот же путь, по которому почти восемьсот лет назад вошел Бренн, путь, с которого свернул Ганнибал, путь, по которому Понтий Телезийский нанес последний удар за свободную и разъединенную Италию, прежде чем в этот день страха и изумления в анналах как убывающей, так и растущей мощи, начался еще один акт великой драмы. Другие тевтонские поселенцы начали прочно обосновываться на римской земле, и вскоре готы должны были последовать по их стопам.

Сейчас мы приземлились в пятом веке нашей эры, веке, который видел самые ранние зародыши наций современной Европы. Это эпоха, которая больше, чем какая-либо другая, соответствует третьему и второму векам до нашей эры. Они перекликаются друг с другом, потому что более поздний период в значительной степени переворачивает работу более раннего. Первый период создал Римскую империю; второй приложил немало усилий, чтобы разрушить ее. Никогда, до дней своего постепенного угасания, она не была так близка, по крайней мере в западных землях, к тому, чтобы развалиться на куски. По правде говоря, мы могли бы сказать, что на Западе Империя распалась на куски в пятом веке, но в значительной

степени она была вновь собрана в шестом благодаря реакции с Востока. Ибо первый аспект той эпохи - это то, на что уже указывалось, а именно тот факт, что, в то время как политическая власть Рима таким образом пошатнулась на Западе, на Востоке она сохраняется, в некоторой степени даже увеличивается. Восточное разделение империи, удел преемников Аркадия, - это то, что действительно поддерживало нерушимые политические традиции Рима. В нем есть свои войны и революции, свои установления и низвержения императоров; он даже видит марширующие туда-сюда тевтонские армии. Но все это кажется незначительным по сравнению с потрясениями на Западе. Война с персами, закончившаяся, наконец, почетным миром, который продлится сто лет, - это совсем другое дело по сравнению с бесконечной борьбой с германцами на каждой границе. Случайные восстания в Константинополе начинаются только во второй половине столетия, и они ничего не значат рядом с чередой тиранов и временных императоров, которые беспокоили Запад почти все это время. Восточный трон был настолько прочнее, что Запад снова и снова был готов принять императора по выбору его восточного коллеги. Прежде всего, восточные провинции не были поделены между тевтонскими правителями. Перемещения Алариха на Восток едва ли достигают пятого века, а походы двух Теодорихов в более позднее время были мелочью по сравнению с великими вторжениями, разделившими Запад на тевтонские королевства. Именно они являются подлинной работой пятого века. В начале своего существования империя, границы которой Валентиниан почти не затрагивал, была разделена между сыновьями Феодосия как коллегами по Империи. В конце концов, в Константинополе правит один Император; но весь Запад, включая сам Рим, отпал от его практического владычества, и большая часть отошла даже от его номинального господства. Могущество Рима сохраняется только в тех восточных землях, в которые он вторгся, когда его могущество на Западе было обеспечено ослаблением могущества Карфагена. Она потеряла плоды сражений при Метавре и Заме, лиги Нового Карфагена и лиги Сиракуз; она сохранила плоды дня Киноскефалы и дня Пидны, дня Фермопил и дня Магнезии. Гений Рима, изгнанный со своего древнего престола у Тибра, наблюдает со своего нового престола у Босфора, пока старый дом не будет отвоеван снова.

Две эпохи, которые мы таким образом случайно свели воедино, эпоха, в которую Восток был завоеван для Рима, и эпоха, в которую Запад отпал от Рима, дают, как уже намекалось, несколько наиболее поучительных точек для сравнения и противопоставления. Эти две эпохи можно сравнивать с двух точек зрения: с одной - в отношении крушения римской державы, с другой - в отношении формирования тевтонских держав, которые в значительной степени заняли ее место. Мы можем сравнить то, как формировалась римская держава, и то, как она разваливалась на куски. Мы также можем сравнить способ, которым формировалась римская власть, и способ, которым формировались власти, занявшие ее место. Мы начнем с первого сравнения, с аналогии, как политического исследования, между тем, как власть Рима объединилась, и тем, как она раскололась на части. Как эта власть решительно не создавалась, а росла, так, не менее решительно, она не была упразднена, а вымерла. Это, конечно, в тех землях, где, как в Галлии и на большей части Испании, она, можно сказать, когда-либо вымерла. В любой стране, попавшей под власть Рима, эта власть устанавливалась шаг за шагом; так и в любой стране, отпавшей от власти Рима, эта власть исчезала шаг за шагом. Промежуточное состояние между полной независимостью и полным подчинением, различные стадии союза и зависимости играют большую роль как в процессе объединения, так и в процессе разделения на части. У Рима снова есть свои союзные и вассальные короли, в некоторых случаях даже союзные и вассальные государства. Они прошли от подчинения к

полной независимости тем же путем, по которому они прошли от независимости к полному подчинению. Но в таких случаях имеет большое значение, в какую сторону повернуты лица мужчин. Формальное отношение может быть тем же самым; реальная позиция иная. В старшем случае альянс - это достойное название для подчинения, которое еще не пришло время доводить до крайней точки. В последнем случае альянс - это достойное название независимости, формально признавать которую еще не пришло время. Иерон, Массинисса, Эвмен, Прусий были королями в союзе с Римом; такими же были Аларих, Атаульф, Одовакар, возможно, сам Хлодовиг. Две вещи подчеркивают разницу между союзником, который движется к подчинению, и союзником, который движется к совершенной независимости. Древний союзник живет за пределами признанных римских владений; его земле суждено однажды стать их частью, но пока это не так. Если он получает титулы и почести от Рима, то это титулы короля в его собственном королевстве. Консульство Иерона, армия римских граждан или италийских союзников, марширующая под командованием Массиниссы, показалось бы действительно странным. Более поздний союзник живет в пределах римских владений; он получает определенные римские земли в качестве права защищать римские земли в целом от новых захватчиков. Уже будучи королем своего собственного народа, он добавляет к титулам варварского короля титулы римских гражданских или военных чинов; он консул, патриций, *военный магистр*. Прежде всего, старый союзник, более слабый союзник более сильной державы, никогда не обнажает меч против своего более могущественного союзника, если только в какой-нибудь безумный момент надежды или отчаяния он не стремится вернуть независимость, которую, как он обнаруживает, он потерял, и тем самым только ускоряет свое подчинение. Союзник более позднего времени, на самом деле более сильный союзник более слабой державы, свободно обнажает свой меч против господ, которому он якобы служит, всякий раз, когда это кажется наиболее удобным способом добиться от него новых даров и почестей. Контраст действительно заметен, но аналогия также очевидна. Рим не завоевал свои провинции, внезапно присоединив земли, которые были полностью независимыми; он не потерял свои провинции, внезапно оторвав их от своей сущности, чтобы сразу же сформировать какую-то совершенно отдельную державу. В обоих случаях была пройдена одна и та же формально промежуточная стадия, стадия союза, зависимости, вассалитета, какое бы название мы ни выбрали для этого. Шаг за шагом мир становился римским; шаг за шагом он переставал быть таковым.

И поразительно, что, насколько мы можем видеть, два процесса - поглощения римским телом и отделения от римского тела - на самом деле происходили в одно и то же время. Я уже намекал на это. Несомненно, и это один из фактов всей истории, который больше всего заставляет нас задуматься, что работа по включению греческих государств в римское тело, начавшаяся за пределами Адрианополя в конце третьего века до Рождества Христова и начавшаяся задолго до этого в Италии и Сицилии, ни в коем случае не была закончена в пятом веке после Рождества Христова. Об этом свидетельствует только история Херсона. Нельзя рассматривать этот отдаленный и долгоживущий форпост Греции и союзника Рима как полностью перешедший из союза в подчинение до тех пор, пока девятый век не пройдет значительную часть своего пути. Работа, начавшаяся, когда Коркира, Аполлония и Эпидамнос стали союзниками Рима, не была закончена до тех пор, пока римская власть не была разделена навсегда и пока на Западе не воцарился Откровенный цезарь. Географическое положение Херсона обеспечивало ей практическую свободу; чтобы обратить ее в рабство, потребовалось бы задействовать всю

мощь Империи. Но отношения, которые Херсон мог действительно поддерживать, были веками формальными отношениями толпы городов, свободы которых могли быть в любой момент растоптаны ближайшим проконсулом. Когда все эти вольные города, права которых Траян уважал, каждый из которых был маленьким Сан-Марино с окружающей его Римской империей, были официально присоединены к этой империи? Или они вообще были когда-либо официально присоединены? Может ли кто-нибудь назвать последний день того афинского государства, которое насчитывало Адриана среди своих архонтов и Константина среди своих генералов? Что, если Сенат и народ Афин все еще жили в своем старом доме после того, как Гонорий попытался собрать в Арле что-то вроде Сената и народа Южной Галлии? Скорее всего, в этом и во множестве других случаев дата не может быть установлена. Старые формы, старые чувства отмирали так постепенно, что было бы невозможно сказать, когда зависимое содружество наконец превратилось в муниципальный город. Когда Теодорих издавал эдикты для готов и римлян в Италии, греческие сенаты и ассамблеи в Азии, возможно, все еще принимали декреты в древней форме. Ясно одно: когда Юстиниан закрыл Афинский университет, генерал, преемник Перикла, исполнявший обязанности его ректора, должно быть, обнаружил, что большая часть его обязанностей ускользает от него.

Но если пятый век был для римской державы временем вымирания или раскола, то для тевтонских поселенцев на римских землях он был превыше всех других эпох временем рождения и роста. И здесь мы переходим к другой стороне сравнения и контрастирования. Процесс римского завоевания на Востоке, хотя и имеет очень много отличий от процесса тевтонского завоевания на Западе, имеет также некоторые черты сходства. В каждом случае менее культурный народ совершал политическое завоевание народа более развитого, чем он сам. И ни в том, ни в другом случае завоевание не привело к каким-либо значительным разрушениям или перемещению древних жителей, или к какой-либо отмене их законов, обычаев или языка. Пришел новый народ и установил некоторые новые законы и обычаи наряду со старыми. Только в случае с римлянами мы вряд ли можем сказать, что действительно пришел новый народ. Многие римляне жили, в общественных или частных целях, в Греции и Азии; некоторые, несомненно, даже обосновались там; но даже в римских колониях, таких как Коринф, не было ни одного настоящего римского поселения, подобного тевтонским в Галлии, Испании и Африке. Тем не менее, в обоих случаях побежденные вели завоевателей в плен. Греческий Восток получил определенное римское вливание, но остался греческим. Римский Запад получил гораздо большее вливание тевтонцев; но, по крайней мере, с двух сторон, с религиозной и языковой, он остался римским.

Другими словами, римское завоевание греческого Востока, не сопровождавшееся каким-либо реальным заселением завоеванных земель, не привело к росту новой нации. Греческая нация в том смысле, в каком мы ее давным-давно определили, искусственная греческая нация, выросшая в результате греческой колонизации и македонского завоевания, прошла через стадии зависимости и подчинения римскому гражданству, таким, каким тогда стало римское гражданство. С того дня грек получил право на римское имя, и наконец настало время, когда греческий и римский языки стали означать одно и то же, когда грек был единственным выжившим политическим представителем римского имени. Но имя Ῥωμαῖος в устах грека никогда не выражало той реальной перемены, которая была выражена именем *Романус* в устах галла. Его значение было чисто политическим. Грек, наследник самой совершенной формы человеческой речи, никогда не отказывался от этой речи ради того, что он считал варварским диалектом своего завоевателя; он лишь ввел в свой официальный язык множество латинских

технических терминов, каждый из которых свидетельствует о том, что греческий снова вытеснил латынь в качестве официального языка Восточной Римской империи. Галл, между тем, действительно не мог обменять своих кельтских предков на старых патрициев или плебеев с римских холмов; но во всем, кроме настоящей крови, он стал таким же чистокровным римлянином, как если бы происходил из рода Фабиев или Лициний. Он говорил на языке Рима, он перенял его обычаи; долгое время после того, как мысль о римской национальности в любом политическом смысле исчезла, когда он давно научился мириться с владычеством своего франкского завоевателя, когда Рим и то, что принадлежало ему, стали для него иностранной державой, франкский завоеватель все еще оставался в его глазах варваром, а он сам - римлянином, как и тогда, когда Хлодовиг вышел на битву с Сиагрием.

Мы уже говорили, что именно в пятом веке появились первые зачатки наций современной Европы. Мы постановили, что, если современная история должна иметь определенное начало, то наиболее удобным началом для нее является великое вторжение тевтонов в Галлию в 407 году. И все же нации современной Европы происходят не от народов, которые тогда пересекли Рейн, и не от какого-либо смешения между ними и римлянами, на землю которых они пришли. Народы, которые затем перешли Рейн, были вандалы, свевы и аланы. Кем были аланы, которые какое-то время играли большую роль в Испании и небольшую роль в Галлии в течение несколько более длительного времени? Скорее всего, они вообще не были тевтонцами по своему происхождению, но были более или менее тевтонизированы в результате длительного контакта с тевтонскими народами. Возможно, в смешанных народностях Галлии и Испании есть несколько капель аланской крови; но аланы, несомненно, не составляют постоянного или видимого элемента в этих землях; нация исчезает из истории еще до окончания пятого века. Также и их несомненно тевтонские товарищи, вандал и свевиян, не основали никаких постоянных поселений в Галлии и не внесли никакого заметного вклада в национальность Франции, Аквитании или Бургундии. На самом деле ни один из этих народов не основал никаких реальных поселений в Галлии; Галлия была для них просто большой дорогой в Испанию. Там они действительно поселились, хотя вандалы вскоре покинули их поселение, а аланы вскоре были вытеснены с их территории. Свевиец удерживал свои позиции гораздо дольше; мы можем, если нам угодно, смотреть на него как на тевтонского праотца Леона, в то время как на гота мы смотрим как на тевтонского праотца Кастилии. Здесь мы коснулись одного из величайших национальных имен в истории; готы, как и франки, играют в Западной Европе совершенно иную роль, чем аланы, свевы и вандалы. И все же он не сыграл той же роли, что Фрэнк. Несколько земель в Европе в то или иное время носили название *Готиум* — я полагаю, никто не нуждается в предупреждении, что их следует искать в Галлии и Испании или далеко в Крымской Татарии, а не на островах или на материковой части Балтийского моря. Но ни одна страна не сохранила это название до наших дней. Но две земли, вернее, два фрагмента одной великой страны, все еще носят название *Франция*, и франкское название, с естественными изменениями в устах современных людей, стало названием одной из передовых современных наций.

Теперь и франки, и готы вошли в состав империи задолго до вторжения 407 года. Одна ветвь франков, как мы уже намекали, на самом деле была расселена на римских землях, и, как римские подданные, они сделали все возможное, чтобы противостоять великому вторжению. Что же тогда делает это вторжение столь знаменательным для эпохи? Можно возразить, что нации, принявшие в этом участие, не являются теми, кто играет какую-либо большую и неизменную роль в европейской истории — вандалы, великие на время, изолированы и велики

только на время; великую и неизменную роль играют нации, которые были в Империи до их прихода. Ответ заключается в том, что вторжение 407 года не только принесло новые элементы, но и поставило существующие элементы в новые отношения друг с другом. Франки и готы обрели новый характер и начали новую жизнь. Бургунды проникают в Галлию не как по дороге в Испанию, а как по земле, в которой можно найти много домов. Они теснят юго-восточный угол страны, в то время как франк больше не удерживается в своем северо-восточном углу, в то время как на юго-западе готы обосновываются на некоторое время в качестве вассала Цезаря, а на северо-западе возникает континентальная Британия. Здесь действительно находятся некоторые из важнейших элементов современного мира, и хотя ни один из них не входит в число народов, переправившихся через Рейн в 407 году, все же новое положение, занятое всеми ними, является прямым следствием этого перехода.

Таким образом, по крайней мере, в Галлии и Испании совместное вторжение вандалов, алан и свевов является началом формирования современных наций, хотя сами вторгшиеся нации не являются элементом более поздней жизни Галлии и лишь второстепенным элементом в более поздней жизни Испании. Более поздняя жизнь этих земель, а также Италии, возникла из поселения тевтонских народов на римской земле и из взаимного влияния, которое римляне и тевтонцы оказывали друг на друга. Римлянин и тевтон жили бок о бок, и из их жизни бок о бок постепенно возникло нечто третье, отличное от того и другого, нечто, что мы не можем назвать ни римским, ни тевтонским, или, что более верно, нечто, что мы можем назвать римским и тевтонским, а также некоторыми другими вещами, в зависимости от того, с какой стороны мы на это смотрим. Это третье - романтический элемент в современной Европе, романские нации и их романские языки. Их рождение, возможно, скорее появление их первых зародышей, приходится на пятое столетие; мы не видим их во всей полноте много веков спустя; но именно тогда начали действовать причины, из которых они возникли. К несчастью, трудно найти страну, в которой стихиям пятого века было позволено течь своим естественным чередом без помех и по сей день. У Италии не было шансов. Если бы система Теодориха не была жестоко разрушена сначала имперским завоеванием, затем вторжением ломбардов, Италия могла бы предоставить лучшее из всех исследований того, как романский народ с романской речью мог вырасти на самой почве Рима. Испания представляла собой более обнадеживающее поле деятельности; положение страны препятствовало появлению более поздних тевтонских поселений; но сарацинский завоеватель пришел до того, как вест-готы и римляне были полностью слиты в один народ. Отсюда проистекал отличительный характер испанской истории, истории народа, национальная жизнь которого была сформирована возложенной на него необходимостью ежедневного решения Вечного Вопросы в его самой суровой форме. Северная Галлия, в отличие от Испании и Италии, была открыта для постоянного усиления тевтонского элемента внутри нее. *Франция* была непрерывной землей, лежащей далеко по обе стороны Рейна, и разделение на *Австрию* и *Нейстрию* предшествует более позднему разделению на *Тевтонскую Францию* и *Латинскую Францию*. Приход к власти австразийских мэров был почти таким же тевтонским завоеванием латинской земли, как и первое завоевание Хлодвигу, а поселение норманнов в десятом веке принесло еще один тевтонский элемент в одну часть страны. Таким образом, Франция в более узком смысле этого названия отличается от Испании и Италии присутствием этих позднейших тевтонских элементов; но в Аквитании и Провансе они не имели большой силы; именно там, а не где-либо еще, можно лучше всего изучить нормальный результат движений пятого века. В современном мире, где эти южно-галльские земли помогли сформировать великую нацию современной Франции, несомненно, именно во

французской нации мы можем лучше всего изучить тройственные элементы романского народа. Доримский, римский, тевтонский элементы - все они присутствуют; целое, как единое целое, не является ни одним из трех, а является результатом их слияния; но целое, рассматриваемое только с особых сторон, вполне может быть названо любым именем из трех. Кровь должна быть в основном кельтской — на юге иберийской и лигурийской, — но с примесью римского и тевтонского настоя. Речь - латинская, но с большим тевтонским налетом, чем можно подумать на первый взгляд. Политическая история - это история тевтонского королевства, но королевства, измененного путем установления своего тевтонского правления среди латиноязычного народа исконно кельтской земли. Элементы слиты в единое целое; и все же они по-прежнему стоят бок о бок; мы не можем сказать, что франк ассимилировал римлянина или что римлянин ассимилировал франка. Франк выучил речь римлянина, но, выучив ее, он изменил ее и дал ей свое собственное имя. Современный француз не является ни римлянином, ни франком; он, скорее, результат поселения этих двоих на земле, в которой элементы, более ранние, чем любой из них, не обошлись без влияния на обоих.

Упоминание о более ранних элементах в Галлии, элементах более ранних, чем римские или германские, наводит на мысль о еще одной аналогии между эпохой, в которую сформировалась римская держава, и эпохой, в которую она была разбита вдребезги. Римлянин был настолько далек от того, чтобы вытеснить греческий язык или греческую жизнь, где бы он ни находил их действительно укоренившимися, что он стал в некотором роде не только их учеником, но и их миссионером. Куда бы ни направлялся римлянин, он нес с собой некоторую долю греческого влияния. Римское завоевание Азии продолжило ту работу по эллинизации Азии, которую начало македонское завоевание. Это многое сделало для искоренения элементов, более древних, чем греческие; это превратило солидный азиатский полуостров, особую Румынию более поздних времен, в землю, куда в более поздние времена пришел турок со своим разрушительным заданием, но где все, что он пощадил, по-прежнему греческое. Как римлянин проделал эту работу на Востоке, так и германец проделал аналогичную работу на Западе; как римлянин повсюду нес за собой Грецию, так и германец повсюду нес за собой Рим; его приход нанес завершающий удар по искоренению всех элементов, более древних, чем римское завоевание. Кое-где до его прихода сохранились старые наречия и верования; но к ним у него не было даже тех слабых следов благоговения, которые, возможно, все еще жили в сознании галльского римлянина. Он с радостью выучил язык римлян; он никогда не изучал язык кельтов или иберов; он с радостью поклонился Богу, которому научился поклоняться Рим; ничто не привлекало его ни к старшим богам Рима, ни к еще более древним богам, которым поклонялись до прихода римлян. Только в двух уголках особые обстоятельства, принявшие форму отчетливой реакции, позволили старшим расам и языкам начать новую жизнь. Гасконцы к северу от Пиренеев и бритты к югу от Ла-Манша восстали снова, когда в других местах все родственные остатки вымирали, и каждый из них сформировал народ, который дожил до наших дней, как пережиток дней не только до Хлодвиг и Атаульфа, но и до Гая Юлия и Гая Секстия.

Так выросли новые нации на западных землях Рима, своего рода плод, можно сказать, союза Готии и Румынии. Но были и другие нации, которые не возникли из этого союза, нации, сохранившие свою нетронутую тевтонскую сущность, нации, которые все еще жили за пределами Империи, которые в некоторых небольших частях Империи расселились в ином виде, чем готы и бургундские нации. Так было на острове, который мы отвоевали не у римлян, а у бриттов; так было и в землях за Рейном и Дунаем, где наши сородичи побеждали почти так же, как и мы. И все же даже на таких землях и народах, как эти, влияние Рима было глубоким и

незыблемым. Шаг за шагом они принимали римскую веру; и, не отказываясь от своих собственных языков, они приняли язык Рима как язык образования и религии. Так было в Германии и Скандинавии; так было во всех землях, религия и культура которых пришли из Германии; — с рабами Северо-Запада, которые вошли в мир западного цезаря и западного понтифика, даже с вторгшимися мадьярами, чей приход расколол на части великую славянскую массу и заставил поляков и венедов смотреть на древний Рим, в то время как сербы и русские смотрели на более молодой. Но великое завоевание — только на чьей стороне был победитель?— было ближе к дому. Это было еще одно партнерство между Готией и Румынией, хотя и совершенно иного рода, чем то, которое должно было сложиться во время бракосочетания в Нарбонне, когда Рим и Германия объединили свое политическое бытие, и Западная Римская империя стала Священной Римской империей Германской нации.

В нашем общем обзоре пятого века на Западе мы лишь слегка коснулись самого поразительного события его ранних лет - взятия римского города готами. Еще до окончания века Рим привык захватывать и грабить. Гейзерих и Рицимер преследовали его более яростно, чем когда-либо Аларих. Как событие, как инцидент, ничто во всей мировой истории не могло произвести более глубокого впечатления на умы людей, чем первое взятие Рима тевтонами. Для целей проповедника и моралиста это было все, что рисовали проповедники и моралисты того времени. Но на реальный ход событий это мало повлияло. И почему? Потому что мир в такой степени превратился в Рим, что сиюминутные беды города, который когда-то был единственным Римом, имели сравнительно небольшое значение. Вторжение Алариха в Италию косвенно привело к вторжениям в Галлию и Испанию, которые заложили основы современного мира; но его фактическое разграбление Рима никак не повлияло на бурную серию революций, последовавших за этими вторжениями. Так было и с другим событием второй половины века, в котором столь многие столь странно усмотрели конец Римской империи, пограничную черту между древней и современной историей. Несомненно, это был впечатляющий факт, мы видим в летописях того времени, что это был впечатляющий факт, когда императоры перестали править либо в Риме, либо в Равенне. Но как известие о том, что Римской империи пришел конец, прозвучало бы очень странно в Константинополе, так и в Суассоне или Салоне оно прозвучало бы не менее странно. Римское королевство Сиагрий в северной Галлии не сильно тронуло то, что Италия признала Зенона единственным императором и что он был представлен в итальянской епархии патрицием Одовакаром. В том, что эти благопристойные формальности прикрывали революцию, в результате которой правящий император был свергнут вождем варварских наемников, не было ничего нового или удивительного. Единственное различие между революцией 476 года и множеством более ранних революций заключалось в том, что Одовакар обнаружил, что его цели соответствуют признанию номинального превосходства отсутствующего монарха, а не правлению от имени нынешней марионетки, созданной им самим. Вскоре в Константинополе сочли удобным заклеить патриция как тирана и предоставить новое поручение другому тевтонскому лидеру сместить его и править вместо него. Личное величие Теодориха затмило императора и Империю; из своего дворца в Равенне, пользуясь тем или иным титулом, прямым владычеством, как опекун, как старший родственник, как представитель римской державы, как глава по естественному отбору всего тевтонского мира, он правил всеми западными землями, кроме одной; и даже франку-победителю он мог сказать: "Так далеко ты зайдешь и не дальше". В истинном величии такое положение было более чем императорским; более того, в правлении Теодориха не было ничего, что касалось

римской жизни Италии. Что могло бы произойти, если бы восточно-готская власть в Италии была такой же прочной, как власть франков в Галлии, или даже как западно-готская власть в Испании, гадать бесполезно. Насколько мы можем видеть, само величие Теодориха не позволяло его власти быть длительной. Как и многие другие величайшие люди, он создал систему, с которой мог работать он сам, но с которой не мог работать никто, кроме него самого. Он стремился создать королевство готов и римлян, при котором две нации жили бы бок о бок, разные, но дружелюбные, каждая соблюдала бы свой закон и выполняла свою работу. И за одну жизнь дело было сделано. Теодорих смог сохранить всю ткань римской жизни нетронутой, а готы стояли рядом в качестве вооруженного защитника. Он мог, как он сказал, оставить римскому консулу почести правления и взять на себя для готского короля только тяжкие труды. Более мелкие люди не могли и не хотели этого делать, и даже преемник Теодориха вряд ли смог бы сохранить на протяжении поколений те особые отношения между готами и римлянами, которые он установил. Его правление было лучшим, в то время как правление франков было едва ли не худшим из всех, которые можно было найти в римской и Тевтонской Европе его времени. И все же слияние между римлянами и тевтонами было самой сутью франкского правления; при системе Теодориха нельзя было сделать ни одного прямого шага к слиянию. Необходимым результатом его положения было то, что он дал Италии на одно поколение мир и процветание, таких, каких не было веками ни по одну сторону от нее, но когда его не стало, структура, не имевшая основы, кроме его личных качеств, с треском рухнула. Затем произошли два события шестого века, на которые мы уже обратили внимание. Италия была опустошена долгой и кровопролитной войной, которая в конце концов стерла с лица земли восточнотетский народ и на мгновение оставила римлянина Августа бесспорным хозяином каждого уголка итальянского полуострова. Затем, прежде чем земля отдохнула от долгой борьбы, произошло еще одно вторжение тевтонов, вторжение народа, гораздо менее затронутого римским учением, чем готы. Лангобарды, установив свое правление и свое имя на двух концах Италии, так и не завоевали всю Италию. Они никогда не царствовали в Риме; только в последние дни своего могущества они воцарились в Равенне. По всей стране, если здесь и было немного Ломбардии, то там было немного нетронутой Румынии, и если римский терминал часто отступал назад, то иногда он также продвигался вперед. Даже после того, как ломбардцы уступили франку, после того, как франк принял на себя титулы и миссию римлянина, значительная часть Южной Италии, некогда греческой земли, где сохранилась и окрепла старая греческая жизнь, которая никогда полностью не угасала, признавала господство не говорящего по-немецки Августа из Старого Рима, а говорящего по-гречески Августа из Нового.

О самой Империи, ее союзах, ее разделениях, об общем положении, которое она занимала в мире, я расскажу в другой лекции. Моя нынешняя тема - влияние Рима на новые нации, которые в течение пятого века нашли себе пристанище в пределах его границ. И это практически означает ее влияние на тевтонские нации континентальной части Западной Европы. Это правда, что величайшее из всех тевтонских переселений, долгие походы готов, восточных и Западных, начались на Востоке. В то время как вандалы, бургунды, франки пришли по Рейну, готы пришли по Дунаю. Их путь по Дунайским землям составляет один из самых ярких фрагментов истории четвертого века и один из самых запутанных фрагментов истории пятого. Но та история готов, которая действительно повлияла на мир, история как вест-готов времен Алариха, так и ост-готов времен Теодориха, была сотворена на Западе. Западные готы, как следует из их названия, пришли раньше восточных и нашли пристанище дальше к Западу. И после ухода Теодориха и ост-готов из Восточных провинций, тех провинций, которые все еще

оставались под непосредственным правлением императоров Нового Рима, можно сказать, что всей деятельности первых тевтонских захватчиков в истории Восточного полуострова пришел конец. На этом полуострове они были всего лишь захватчиками; они не основали никакого важного постоянного поселения. Для них восточные земли были в основном дорогой в Италию, Испанию и Галлию. Роль, которую германцы сыграли на Западе, должна была быть сыграна на Востоке, насколько это вообще было возможно, совсем другой ветвью арийского происхождения.

Мне часто приходилось указывать на аналогию между положением тевтонских поселенцев на Западе и положением славянских поселенцев на Востоке. Восток, главным образом Юго-Восток Европы, является истинным полем для славянского роста. О рабах Северо-Запада мы уже говорили пару слов, поскольку они подпадали под власть и вероучение Западного Рима. Северо-западные рабы были в значительной степени истреблены или ассимилированы тевтонскими завоевателями; даже те, кто избежал этой участи, перешли, благодаря своему союзу с латинской Церковью, в общую группу народов Западной Европы. Историческое призвание славянских народов лежит на Востоке, в пределах досягаемости Восточной империи и Восточной Церкви. Здесь мы можем провести наше сравнение между их положением по отношению к этой стороне римского мира и положением германцев по отношению к его западной стороне. Аналогия между этими двумя реальна и сильна; но это аналогия, которая представляет почти столько же точек контраста, сколько и сходства. Выражаясь фразой, которую мне так часто приходилось использовать, рабы были для восточных земель Рима, как германцы были для Западных, одновременно завоевателями и учениками. Но они не были ни завоевателями, ни учениками в одном и том же смысле. Разница в значительной степени заключалась в различном положении Старого и Нового Рима. На Западе, чем глубже укоренялось римское влияние, тем меньше город Рим проявлял себя как место фактического правления, пока не наступили дни, когда он стал местом вселенского правления другого рода. С третьего по девятнадцатый век Рим никогда не был постоянным местом жительства императоров; где бы они ни жили, для местного Рима они были иногородними. Влияние Рима, использование римского языка не имели ничего общего с какими-либо политическими границами; только кое-где, в экзархате и в имперских владениях в Испании, существовала какая-либо четкая географическая граница между римским и тевтонским правлением. Обладание римским городом не обязательно влекло за собой какое-либо особое господство в других римских землях, а великое господство в других римских землях можно было завоевать и без его обладания. С Восточным Римом дело обстояло совсем иначе; там город был жизнью, душой и центром всего сущего. Слишком проницательный взор его основателя воздвиг свой Новый Рим на стыке двух миров, чтобы продлить существование сменяющих друг друга держав, которые, если бы не его обладание, могли бы скорее исчезнуть. Константинополь никогда не был без императора, живущего в его стенах и владеющего большей или меньшей территорией как фактически, так и номинально. Его границы могли колебаться; положение той или иной земли могло колебаться. В процессе постоянных войн вдоль протяженной и нечетко очерченной границы та или иная земля или город иногда могли находиться под бесспорной властью императора; иногда они могли быть абсолютно отрезаны от Империи и составлять часть варварского королевства; иногда они могли находиться в промежуточном состоянии зависимости, над которой император обладал внешним превосходством, которое он мог применять или нет в зависимости от обстоятельств. Все это имеет свое подобие на Западе; но на Западе нет ничего подобного твердому пребыванию императорской власти в

Константинополе. Каковы бы ни были масштабы или природа владычества Восточного императора, Восточный Рим был его местным центром, местом, на которое каждый уголок этого владычества смотрел как на свою главу. Ни одно славянское воинство не нападало на Восточный Рим так, как многие тевтонские воинства нападали на Западный. Ни один король славянского народа не получал императорскую корону в Святой Софии, как многие короли тевтонского народа получили императорскую корону в соборе Святого Петра. Максимум, что мог сделать такой король, - это основать свой собственный Цариград, надеть корону, которую он любил называть Императорской, в Охриде или в Скопи. Раб во многом стал учеником Восточного Рима, но в некоторых вещах он, возможно, был скорее подражателем, чем учеником. Он всегда оставался аутсайдером, в том смысле, в каком германец не оставался на Западе. Прежде всего, в религиозном богослужении он никогда не перенимал ни один из языков Империи; он мог стать учеником, не становясь подданным. Никакой новый язык, никакая новая национальность не возникли на Востоке из смеси славянских и римских или греческих элементов, отвечая формированию романских языков и наций Запада. Одной из причин, как мы увидим позже, было то, что Восточный Рим говорил на двух языках, в то время как Западный Рим говорил только на одном. На Востоке есть романская нация, но рабство не было одним из ее составных элементов; короче говоря, славянское вторжение нисколько не помешало ее росту. По многим из этих моментов мне, возможно, придется поговорить снова. Основное дело настоящей лекции лежит на Западе, в западных землях континентальной Европы. И все же мы не должны забывать, что рождение нашей собственной нации, поселение наших предков на нашей второй родине произошло в пределах того же столетия, когда в Галлии возникли Бургундское, готское и Франкское королевства. Но мы, в нашем островном доме, на нашем *alter orbis*, стояли в значительной степени в стороне от революций на материке. Наша собственная история должна быть рассказана отдельно, и она не может быть рассказана во всей полноте до тех пор, пока революции на материке не будут полностью поняты. Сегодня нам пришлось иметь дело с поселениями наших сородичей в континентальных провинциях Запада. На Восток мы просто взглянули. Нам придется поговорить об этом более подробно, когда мы перейдем к обсуждению причин, которые навсегда разделили Восток и Запад.

ЛЕКЦИЯ IV. РАЗДЕЛЕННАЯ ИМПЕРИЯ.

Самый известный из моих предшественников на этом посту, разрабатывавший "Историю Рима", которая, к несчастью, осталась фрагментом, но которая подарила миру в своем последнем законченном томе само совершенство исторического повествования, предназначенного для продолжения его работы до коронации Карла Великого. Чтение и размышления на протяжении сорока лет все больше и больше убеждали меня в мудрости выбора Арнольда. 800 год был не более, чем 476 год, концом Римской империи; он не более, чем 476 год, является границей между "Древней" и "Современной" историей. Но это один из самых заметных поворотных моментов в истории Империи и мира, поворотный момент неизмеримо большего значения, чем консульство Василиска и Армата. Избрание первого Карла изменило облик мира гораздо

больше, чем низложение последнего Ромула. Для Истории Рима, такой, какую планировал Арнольд, это был, как видел мудрый инстинкт Арнольда, подходящий финал. Избрание Карла внешне вернуло Старому Риму его прежнее положение. Она снова стала если не жилищем, то, по крайней мере, местом коронации императоров. По правде говоря, Старый Рим никогда прежде не видел древнееврейского обряда, который, начиная с пятого века, стал привычным в Новом. Еще тысячу лет сохранялись титулы ее Империи; еще семьсот лет их можно было получить только перед алтарем Ватиканской базилики. Еще целых пятьсот лет Западная Римская империя была, как таковая, живым существом, тем, что влияло на умы и поступки людей, могущественным фактом и еще более могущественной теорией. Но на Западе римский император имел все меньше и меньше общего со Старым Римом. В своей столице Империи он постепенно становился чужаком, а его столица становилась для него городом незнакомцев. Короче говоря, римская власть на Западе полностью ушла не только из римского города, но и из искусственной римской нации. Когда Рим снова заявил о своем праве выбирать своего суверена, она выбрала, она не могла не выбрать, человека, который не был римлянином даже по усыновлению. Она выбрала франкского короля. Пиппин был патрицием, как и Рицимер, как и Одовакар. Но сын Пиппина носил более возвышенный стиль. Давняя традиция была нарушена; диадему получил варвар; римский понтифик произнес слова, и римский народ повторил их— “Кароло Аугусто, Бог коронации, великий и пацифико Римский Император, жизнь и виктория”. Германец, наконец, стал Августом. Не могло быть лучшего свидетеля морального завоевания, которое каждая раса одержала над другой. Империя, которая сейчас сформировалась, получила наибольшее территориальное расширение. Галлия была отвоевана, и к ней присоединилась Германия. Везде, где франкский король раньше правил как король, теперь он правил как император. Терминус продвинулся к Эльбе и Эйдеру; он был готов продвинуться к Одеру и Висле или, если понадобится, на край света. Все нереально, все номинально, воскликнет какой-нибудь возражающий; наступление не Рима, а Германии, наступление не римского Августа, а франкского короля. И действительно, Империя Карла, а тем более Империя Генрихов и Фредериксов, была нереальной в том смысле, что она, несомненно, сильно отличалась от империи Траяна или Диоклетиана. Она, несомненно, не была римской в том смысле, в каком римской была империя даже Феодосия. Но здесь кроется величайшее доказательство влияния Рима, его магической власти над умами людей, того, что держава, которая практически перестала быть римской, все еще должна быть римской в глазах людей и, как римлянка, должна вызывать почтение, преданность, как бы преклонение всей души, которое нельзя назвать никаким другим именем. Имя может утратить свое первоначальное значение, но до тех пор, пока люди будут сражаться и умирать за это имя, оно действительно остается фактом.

Следует всегда иметь в виду, что акт 800 года был в одном смысле повторением, а в другом - отменой акта 476 года; но это ни в коем случае не было возрождением династии императоров, которая оборвалась в 476 году. Карл, римский император, после долгого перерыва не был преемником ни Ромула Августа, ни Юлия Непота; он был непосредственным преемником Константина Шестого. Императоры утратили всякую практическую власть в Риме в начале столетия; их власть перешла к франкам. Карл Август не получил никаких полномочий, которыми он уже не пользовался как патриций; только до сих пор титулы суверена были оставлены за императором за морем. Теперь название соответствовало реальности; титулы и знаки отличия Империи были переданы новому императору, правящему в Риме, по крайней мере, коронованному и помазанному в Риме. Не было никакой необходимости низлагать какого-либо

правлящего монарха. Рим признал Константина; она отказалась признать Эйрену; Империей не могла управлять женщина, и меньше всего женщина, которая свергла и ослепила своего собственного сына. Снова наступило междуцарствие, подобное тому, которое последовало за смертью Ромула и смертью Аврелиана; это междуцарствие закончилось избранием Карла. В западной теории, без сомнения, сам Карл и каждый из его преемников были избраны верховными правителями всей империи; он должен был править, если сможет, как над Новым Римом, так и над Старым. В восточной теории, без сомнения, выборы и коронация были недействительными; император, помазанный в Святой Софии, имел право, которого никто не мог отнять, править как Старым, так и Новым Римом. Короче говоря, каждый император утверждал, что один из них истинный император, а другой - самозванец или тиран. Этот спор в течение нескольких столетий время от времени возобновлялся в какой-нибудь благоприятный для его обсуждения момент. Для людей, ревностно отстаивающих права Востока, западный претендент был просто ὁ ἀρχηγός; для людей, ревностно отстаивающих права Запада, восточный претендент был не более чем "Король Греческий". Наиболее любопытным фрагментом дискуссии на эту тему является памятный спор, который вели или придумали для него Бэзил с Востока и Льюис с Запада, когда основания для спора были еще свежи. Для самого Карла Великого это был момент гордости, когда Никифор отказался от своих притязаний на всеобщее правление, когда он признал франкского короля равным себе и приказал своим послам поклоняться ему как *императору* и βασιλεύς. Можно было ожидать, что подобный конфликт притязаний, в котором каждый из двух величайших князей христианского мира выдавал себя за единственного главу христианского мира, приведет к чему-то большему, чем постоянные споры и зависть; можно было ожидать, что он приведет к постоянным войнам. На самом деле официальные войны между двумя империями не были обычным явлением; ни одна из сторон мало что могла от них выиграть. Но соперничество и неприязнь продолжались между князьями Запада и Востока, между людьми Запада и не только Востока, к великому ущербу христианского мира более чем в час нужды.

Наиболее верный взгляд на события 800 года состоит в том, что существующая империя была расколота на части, и что западный фрагмент, признавший франкского короля своим императором, был по форме расширен за счет присоединения территорий франкского короля. Теперь Империя действительно была расколота на части; она была расколота между двумя соперниками, каждый из которых считал себя единственным законным представителем своих общих предшественников. Такое положение вещей не следует путать с положением вещей в пятом веке. Теперь империя была разделена совсем не так, как раньше, между сыновьями Феодосия. Разделение между сыновьями Феодосия по форме не отличалось от разделения между сыновьями Константина или более раннего разделения между Диоклетианом и Максимианом. Разделение между Аркадием и Гонорием и императорами, последовавшими за ними в пятом веке, было разделением по обоюдному согласию; управление единой империей было разделено, как это часто бывало раньше, между двумя коллегами-имперцами. Но теперь она была разделена между двумя соперничающими властителями, каждый из которых теоретически был обязан отрицать права другого. Тогда Запад часто был готов принять принца, названного императором, правившим Востоком; теперь, несомненно, ни один принц, названный владыкой Константинополя, "rex Græciae", не был бы допущен к королевскому и императорскому помазанию в Ахене, Милане и Риме. Но заметьте далее, что западная часть, Западная империя, не только отделилась от Восточной, но и расширилась за счет присоединения новых территорий, на значительной части которых прежде не правил ни один

Император. Если бы Карл отделил свои франкское и Ломбардское королевства от своей Римской империи, последняя состояла бы только из Рима и Равенны и земель вокруг этих городов. Никто так не заслуживал несколько гротескного титула своих более поздних преемников “цу аллен цайтен мехрер рейха”, как первый император, который мог понять свое собственное описание на любом тевтонском языке. Карл, как я уже говорил ранее в этих лекциях, аннексировал земли, которые Друзу и Германику не удалось аннексировать. Но к чему он их аннексировал? Несомненно, к чему-то, сильно отличающемуся от Империи первого Августа, к чему-то, сильно отличающемуся от той западной половины Империи Августа, которой правили Максимиан и Валентиниан. И эффект от аннексии сильно отличался от того, каким он был бы, если бы она была произведена Друзом или Валентинианом. Основное различие заключается в том, что все, что было присоединено к империи в любое из предыдущих времен, было немедленно добавлено к искусственной римской нации, которая росла, в то время как включение целых владений Карла в состав империи, хотя оно все еще несло с собой расширение римского влияния, никоим образом не несло с собой какого-либо расширения искусственной римской нации. Новые подданные Римской империи, жители Галлии и Германии, конечно, не чувствовали, что они стали римлянами. Избрание Карла императором, присоединение всех его владений к Империи сделали гораздо больше для того, чтобы сделать Империю немецкой, чем для того, чтобы сделать Германию римской. Римский стиль Империи - это все еще гораздо больше, чем название; ее римские традиции - это все еще гораздо больше, чем просто слова; именно благодаря своему неизменному римскому характеру она по-прежнему сохраняет свое влияние на умы людей. Но теперь она полностью оторвана от какой-либо практической связи с римским городом и римской нацией. В том, что императорами становились не в Риме, а в другом месте, не было ничего нового; это открытие было сделано еще до окончания первого столетия существования Империи. Но созданные таким образом императоры были римлянами, римлянами по речи, римлянами на одном этапе по реальному гражданству, на другом - по искусственному гражданству. Это было что-то новое в том, что Рим должен был стать местом коронации, и только местом коронации, императоров, которые не были римлянами ни в каком смысле, кроме того, что были римскими императорами. Император был *Romanorum Imperator* до последнего; но кем были *цыгане*? Были ли они жителями Империи как единого целого? Большинство из них, несомненно, отказались бы от римского названия. Или название вернулось к своему более древнему и узкому значению, в котором оно означало только жителей римского города? Но в самом Риме власть римского императора скончалась более основательно и более формально, чем где бы то ни было. *Император* и *верховный понтифик* давно перестали быть одним и тем же, и в Риме *Верховный понтифик* новой веры стал истинным местным сувереном. Веками *Император* приезжал в Рим только для того, чтобы стать *императором*, а затем уехать. Наконец, когда наследование престола, начатое Карлом, приближалось к тысячному году, в Рим прибыл *Избранный император* и уехал, так и не добившись права отказаться от своего определяющего прилагательного.

Самое верное описание Западной империи за тысячу лет от первого Карла до последнего Франциска звучит так противоречиво: “священная Римская империя германской нации”. По строжайшей преемственности она оставалась Римской империей; стоит только принять позицию западных императоров по отношению к Восточным, и во всей преемственности нельзя будет найти ни единого изъяна. Но Римская империя стала достоянием германской нации; немецкие избиратели выбрали немецкого короля, и немецкий король имел право получить посвящение в римские императоры без каких-либо дальнейших вопросов.

“Ex quo Romanum nostra virtute redemptum,

Hostibus expulsis, ad nos justissimus ordo

Transtulit imperium, Romani gloria regni

Nos penes est: quemcumque sibi Germania regem

Præficit, hunc dives submisso vertice Roma

Suscipit, et verso Tiberim regit ordine Rhenus.”

Более древняя форма той же идеи содержится во фразе, в которой говорится о переходе Империи от греков к франкам. Переведенная на франков, Империя, что касается Запада, несомненно, была таковой; и, согласно западной теории, можно в некотором смысле сказать, что она была переведена с греческого. Линия императоров, чьей родной речью был немецкий, сменила, согласно западным представлениям, линию императоров, чьей родной речью был греческий. И все же фраза не выдержит всех испытаний. Слова “Греческий” и “Откровенный”, используемые в формуле, не совсем соответствуют друг другу. Человек с Востока, если бы он мог заставить себя допустить, что Империя вообще была переведена с его собственной части Адриатики, сказал бы, что в формуле скорее следовало бы говорить о переводе Империи с римлян на франков. Но никому на Западе не пришло бы в голову сказать, что Империя была переведена с греческого языка на римский. Мы только что услышали, как Западную империю с национальной гордостью называли Священной Римской империей Германской нации. Но никакой национальной гордости нельзя было вызвать, говоря о Восточной империи как о Священной Римской империи греческой нации. Ибо “немец” был национальным именем, которым славились люди Западной империи; “Грек” был именем, которое ни один человек Восточной империи не признавал за собой. Совершенно верно, что две империи в конце концов стали: одна германским, другая греческим государством. Но они стали германией и грецией в разных смыслах и в результате разных процессов. Мы сразу видим, что Западная империя стала немецкой благодаря избранию на ее престол немецкого короля. Кажется нелепым говорить, даже ради того, чтобы подчеркнуть контраст, о том, что Восточная империя стала греческой в результате избрания греческого короля на свою корону. Нечто подобное могло произойти в девятнадцатом веке; этого никак не могло произойти в девятом. Здесь мы можем привести аналогию и контраст, о которых я говорил в конце нашей прошлой лекции. Ближайшая аналогия, которую можно найти на Востоке с империей Карла Франка, была бы, если бы болгарин Симеон или сербин Стефан были коронованы императором римлян в Святой Софии и с этого момента правили Болгарией или Сербией в качестве императора римлян. Но ближе всего к этому подошли, когда царь Симеон и царь Стефан приняли имперский стиль, не входя в стены Цариграда. То, что таков был ближайший подход на Востоке к событию 800 года, является наиболее заметной точкой различия между позициями германцев на Западе и рабов на Востоке. Одна из главных причин, по которой это был ближайший подход, заключается в различном положении, занимаемом Старым и Новым Римом в двух империях. По другой главной причине мы должны заглянуть немного дальше.

Я сказал несколько минут назад, что человек на Востоке, возможно, сказал бы, что Империя была переведена франками с римлян, но что ни один человек на Западе никогда бы не сказал, что Империя была переведена с греков на римлян. Я также говорил в своей последней лекции, что одной из главных причин различия положения, занимаемого германцами на Западе и

рабами на Востоке, было то, что Восточная империя говорила на двух языках, в то время как Западная Империя говорила только на одном. Причину этого различия следует искать на гораздо более ранних этапах изучения нашей темы; это продолжение различия, на которое я указал давным-давно, между положением Рима на Востоке и на Западе; разница в том, что, хотя в обоих случаях Рим был правителем, на Западе он также был учителем, в то время как на Востоке она сама была ученицей. На Западе латынь вытеснила родные языки. Мы можем сказать, что ни один римлянин никогда не изучал кельтский или иберийский. Если какой-либо римлянин когда-либо и изучал, то это могло быть только с какой-то непосредственной практической целью. Но на Востоке латынь никогда не вытесняла греческий; она вряд ли могла вытеснить, да и не было желания, чтобы она вытесняла язык, который каждый образованный римлянин изучал как нечто само собой разумеющееся. Тенденция была скорее в другую сторону. На каком-то этапе, как я указывал в другой серии лекций, греческий язык зашел далеко, вытеснив латынь как литературный язык даже в Риме; более поздние латинские авторы, такие как Аммиан и Клавдиан, на самом деле отмечают латинскую реакцию на греческое влияние. На греческом Востоке греческий язык продолжал жить и процветать; латынь была просто создана рядом с ним для определенных целей. Конечно, Римская империя, будь то Восточная или западная, не знала официального языка, кроме латыни. Таким образом, латынь на протяжении веков оставалась языком правления и ведения войн на Римском Востоке, в то время как греческий был языком обычной речи, литературы и религии. Иными словами, положение, которое принадлежало только латыни на Западе, на Востоке было разделено между латынью и греческим. Следовательно, было невозможно, чтобы какой-либо из этих языков проложил среди других народов тот же путь, который латынь с ее безраздельным господством проложила на Западе. В тех частях Восточной Европы, где греческий язык еще не утвердился, проявились явления Западной Европы. Во внутренней Фракии и Месии, так же как в Галлии и Испании, возникла романская речь, а в более диких землях Иллирии скипетар, современный албанец, все еще сохранял свою собственную речь, подобно баскам и бретонцам Запада. Таким образом, вторгшемуся тевтону культура Империи представлялась только в одной форме, латинской форме, в то время как вторгшийся раб, если бы он хотел перенять культуру Империи, должен был быть озадачен двойной формой, греческой и латинской, в которой она предстала перед ним. Почти неизбежным следствием этого было то, что ни один элемент никогда не оказывал такого влияния на славянских завоевателей Востока, какое единственный латинский элемент оказал на тевтонских завоевателей Запада.

Я сказал, что Римская империя на Западе постепенно превратилась в германскую державу, а Римская империя на Востоке постепенно стала греческой державой. Но я уже говорил также, что они стали такими разными путями. Мы видели, что Западная империя стала германской в процессе избрания германских королей своими императорами и распространения названия Римской империи на их германские владения. Восточная империя стала греческой совсем другим способом. Не было никакой передачи римской власти греческим князьям, никакого распространения римского имени на греческие земли. Любой процесс мог произойти со славянскими князьями и славянскими землями; ни то, ни другое не могло произойти с греческими князьями или греческими землями по той простой причине, что греческих князей и земель, в отличие от римских, не существовало. В Румынии на Востоке, в Восточной Европе и Западной Азии, греческий и римский означали одно и то же. Мы говорили об искусственной греческой нации и об искусственной римской нации; в Восточной Румынии это было одно и то же. Из двух языков восточно-римского мира язык, который был родным для этой земли,

оказался сильнее. Латынь постепенно вымерла даже в своем собственном ареале; она вымерла, то есть как отдельная речь, хотя и не раньше, чем она влила огромное количество латинских слов в официальный греческий словарь. Греческий стал единственным языком Римской империи на Востоке; как на Западе выросли романские языки, в то время как латынь долгое время существовала рядом с ними как официальная, литературная и религиозная речь, так и на Востоке люди говорили на более современной форме греческого языка, в то время как его более старая форма сохранялась как официальная, литературная и религиозная речь. Но вплоть до прихода османской империи, нет, вплоть до движения нашего века, которое в некоторых странах сбросило свое иго, римское имя продолжало жить. Какое имя, вкратце, должно вытеснить его? Название *Эллен* ушло в прошлое; оно стало синонимом *язычества*. Греческое название никогда не использовалось в эллинских землях; это было имя, под которым эллины были известны на Западе, точно так же, как *Deutschen* и *кимры* известны среди других народов под другими именами, кроме тех, которыми они сами себя называют. На самом деле люди, которых латиняне называли *греками*, называли себя на одном этапе *Ἕλληνες*, а на другом *Ῥωμαῖοι*. Римское имя продолжало жить, и вполне могло; изменить его было нечего. В то время как западная часть Империи была сначала объединена с Восточной, а затем отделена от нее, в то время как она была отделена от нее, чтобы перейти к тому, кто был сначала римским патрицием, а затем императором римлян, но кто вряд ли назвал бы себя лично римлянином, восточными землями Рима в непрерывной последовательности правили князья, сменявшие друг друга на одном и том же императорском престоле, любой из которых был бы поистине поражен, если бы его право на римское имя было оспорено. Правитель и народ одинаково цепляются за это имя и не знали другого; и они были римлянами, но не в том смысле, в каком были первые поселенцы на Палатине, даже не в том смысле, в каком вольский Цицерон и испанец Траян; но в том смысле, в каком их предки стали римлянами по эдикту Антонина. Они были римлянами по тому же праву, что и Феодосий, когда он пришел как второй Траян из Испании, как и сам Иовий, когда он пришел из земли, которая должна была стать Цернагорой. Было бы трудно найти римскую родословную для Юстиниана, но и для Аврелиана найти ее было бы нелегко. Грек — не чистый эллин древности, а грек искусственной нации, образованной македонским завоеванием, — имел такое же право на римское имя, какое имел галл; то же самое, несомненно, имели сириец и египтянин. Но тогда вряд ли можно было сказать, что сириец и египтянин приняли этот дар; под видом национальных верований, которые ортодоксальность обоих римлян считала еретическими, они примкнули к более древнему национальному существу, которое не было ни греческим, ни римским, и они отпали от своей римской верности, чтобы стать не совсем невольными подданными сарацин. Сами потери Империи, отрезание ее восточных провинций помогли, на самом деле, не сделать Империю более римской, но сделать римские и греческие слова более полно имеющими одинаковое значение в ее восточных про-традициях. В течение седьмого века восточные земли Сирии и Египта, латинские земли Испании и Африки были окончательно отторгнуты от Империи. Часть Латинской Италии уже перешла к Ломбардии; остальная часть теперь последовала за ней, образовав ядро новой Римской империи на Западе. Результатом всего этого было то, что от Сицилии до Тавроса подданные, оставленные Империи, римляне Востока, были почти полностью людьми греческой речи и того, что мы называли искусственным греческим гражданством. В пределах Восточной империи искусственная греческая нация и искусственная римская нация, казалось, стали одним и тем же. Каждый грек был римлянином; казалось, что каждый римлянин был греком. Это было не совсем так; даже в пределах Восточного полуострова албанцам и румынам еще предстояло проявить себя. Но, судя по всему, римские

земли на Востоке были такими же чисто грекоязычными землями, как римские земли на Западе были латиноязычными землями. Если Западная империя стала Немецкой, то это произошло благодаря выбору немецкого короля и в некотором роде усыновлению его немецких подданных. Если Восточная империя стала греческой, то это произошло потому, что от нее были отторгнуты негреческие части. Завершающий штрих этому процессу был нанесен событиями 800 года. Тогда Латинская Италия даже по названию отказалась от своей верности Восточному Риму. Князь, правивший в Константинополе, был по праву политической преемственности римским императором; но римляне, оставленные ему править, были почти полностью греками.

Таким образом, и в значительной степени в силу того же акта Восточная империя стала Греческой, в то время как Западная империя стала Германской. Один стал греческим благодаря тому, что один из его старых элементов получил исключительное преобладание; другой стал немецким, привнес элемент совершенно новый. Но, став по отдельности немецким и греческим, ни один из них не перестал быть римским. Римский дух мог угаснуть, но римская преемственность продолжалась; римская традиция никогда не нарушалась. На Востоке связь с римским прошлым никогда не прерывалась; если она и прерывалась, то только потому, что римляне Востока, казалось, почти забыли, что когда-либо существовали какие-либо римляне, кроме них самих, или какой-либо Рим, кроме их собственного. С другой стороны, на Западе связь с римским прошлым формально никогда не прерывалась, как и на Востоке; но она исчезла, потому что была омрачена и подавлена не римскими институтами, выросшими рядом с ней. Восточный Август был императором римлян и ничем более; было странно, что диадема Иовия была возложена христианским помазанием, но то, что христианское помазание Востока действительно даровало, было диадемой Иовия и никем другим. Западный Август был также королем Германии, Италии и Бургундии; Ахен, Милан, Арль внесли свою лепту в его создание, как и Вечный город. Уберите германское, итальянское и бургундское королевства, и, возможно, будет трудно найти на карте земли, которыми цезарь правил исключительно в качестве цезаря. Опять же, на Востоке, где бы император ни правил, он действительно правил. Простирались ли Империя еще раз от Истера до Оронта, от Арарата до Этны? Была ли она заключена в уголке Фракии и фрагменте побережья Азии? В любом случае, будь Империя великой или малой, будь ее сувереном могучий Македонянин или дрожащий Палеолог, где бы он ни был сувереном вообще, он был βασιλεὺς и αὐτοκράτωρ в самом полном смысле этого слова. На Западе, благодаря росту нового набора идей и институтов, император, по-прежнему сохраняющий все свои титулы, все свое формальное достоинство, по-прежнему почитаемый с церемониалом, лишь менее величественным, чем у его восточного брата, постепенно превратился в простого вождя непокорных феодалов, в простого президента, как могло показаться, Конфедерации, в которой каждый член был сильнее главы. Восточный император мог ожидать, что его убьют или ослепят, чтобы освободить место для другого; но, пока он сохранял свою жизнь и зрение, его воля была неоспорима. Западный император, как правило, был свободен от таких резких поворотов судьбы. Лишь немногие погибли на поле битвы или в результате частного убийства, и эти немногие, по крайней мере, наслаждались светом небес до своих последних мгновений. Но пока они правили, пока люди называли их Владыками Мира, Наместниками Всемогущего, если бы они любили правду о власти, а не ее демонстрацию, у них мог возникнуть соблазн позавидовать самому маленькому из своих вассалов, который в пределах нескольких кварталов земли беспрепятственно делал то, что было правильным в его собственных глазах.

Меня потянуло, почти помимо моей воли, нарисовать некую картину основных черт, которые отличали Восточную и Западную империи после того, как они были окончательно разделены на части актом 800 года. Но лекция о Разделенной Империи должна была бы сделать нечто большее. Он не должен уклоняться от более прозаической задачи - набросать основные факты истории в их порядке и произнести слово предостережения против некоторых понятий и форм речи, которые могут ввести в заблуждение. Но, может быть, не бесполезно быстрым шагом пробежаться по революциям нескольких столетий и кое-где прибегнуть к необходимой осторожности. И чтобы понять Разделенную Империю, сначала необходимо бросить взгляд на Империю до того, как она была разделена. Мы должны поспешить к тринадцатому веку, веку почти столь же богатому судьбами, как пятый, но сначала мы должны еще раз оглянуться назад. Мы видели, что в начале своего существования формальные границы империи почти не размывались; Феодосий правил по меньшей мере такими же обширными владениями, как и Иовиан; и его власть перешла к его сыновьям, правившим в качестве имперских коллег в Константинополе и Равенне. В течение этого столетия Вандал проходит через Галлию в Испанию; он основывает испанское королевство и вскоре покидает его ради несколько более прочного владычества в Африке. Аланы, шедшие рядом с ним, основали еще более кратковременное владычество в Испании и вскоре исчезли с лица земли. Третий в том великом походе, свевиец, также основывает свое испанское королевство и удерживает его дольше, чем любой из них. В конце столетия он все еще удерживает свой северо-западный угол; но остальная часть полуострова находится в руках вест-готов, чье могущественное королевство простирается по галльской и испанской земле от Луары до Геркулесовых столбов. Бургундец распространился от своей старой резиденции на Рейне до устьев Роны и гавани Массалии. Но римское имя совсем недавно исчезло из центральной и северной Галлии. Отрезанная от обоих центров имперского правления, римская земля, как говорят некоторые, как ни странно звучит это название, римское королевство, задержалась между Сеной и Луарой, чтобы, наконец, уступить наступлению тевтонского народа, который долгое время играл второстепенную роль в делах Галлии, но теперь, при короткой жизни единственного предприимчивого короля, занять место в мире рядом с римлянами и готами. Франк начал свой марш на восток, на запад, на юг, на север. На мгновение он - языческий повелитель католических подданных, который предпочел поклоняющегося Водану последователю Ария; вскоре он превратится в единственную католическую силу всего мира, старшего сына Церкви, на которого вся Галлия смотрела как на избавителя католических земель от еретических правителей. И, что беспокоит нас больше всего, в то время как Галлия, Испания, Африка отошли от Империи, Италия и сам Рим, во всем, кроме названия, отошли вместе с ними. Один варвар-патриций уступил другому; Теодорих следит за Италией так, как ни один цезарь не присматривал за ней в течение многих лет. Еще несколько лет, и его правление простирается, под тем или иным титулом, на всю западную половину мидийскиххтерранских земель Европы. И все же римское имя, римская власть продолжают жить в его восточной половине; единственный император римлян все еще занимает свой трон в Восточном Риме, сохраняя лишь тень бесплодного титула над своей древней столицей, но выжидая подходящего момента, чтобы превратить эту тень в реальность в первый благоприятный момент.

До сих пор мы следили за достопамятным пятым веком, веком, повторяю, в первые годы которого, если вообще когда-либо, начинается современная история, веком, в конце которого существующие нации Европы все еще не существуют, но в начале которого они сделали, так

сказать, первые слабые шаги к возникновению. Давайте теперь взглянем на едва ли менее запоминающийся шестой век, по-другому отличающийся от пятого. Шестой век - это не творческая, а скорее реакционная эпоха, эпоха, которая многое делает для того, чтобы воспрепятствовать росту новых элементов и вернуть старым элементам место и силу, которые они утратили. Из всех эпох в истории шестая - это та, в которой доктрина о том, что Римской империи пришел конец в какой-то момент пятой, звучит наиболее гротескно. И снова римские армии идут к победе, к большему, чем победа, к завоеванию, к завоеваниям более ценным, чем завоевания Цезаря или Траяна, к завоеваниям, которые вернули сам Рим его собственному Августу. Мы снова можем столкнуться с аргументом, который мы сами так часто использовали; то, что Империи пришлось отвоевывать свои потерянные провинции, действительно доказывает, что она их потеряла; но никто не пытается доказать, что провинции не были потеряны; чего мир не хочет понять, так это того, что в римской державе все еще было достаточно жизни, чтобы отвоевать их обратно. Я говорю "римская держава"; а что, если я скажу "Римское содружество"? Некоторых может удивить, что в шестом веке, нет, в седьмом, наиболее распространенным названием Римской империи все еще было "республика". Эпитет не нужен; нет необходимости говорить, что "республика", о которой говорится, - это "римская республика". Именно Республика отвоевывает Италию, Африку и Южную Испанию у их тевтонских хозяев. Именно Республика отражает с выкупленных земель новые нападения франков и аламанов. Если Григорий Великий опускается до того, чтобы льстить убийце Фоке, он также предупреждает его — как ни странно звучат для нас эти слова, — что, в то время как цари народов правят рабами, императоры Республики правят свободными людьми. Мы действительно должны остерегаться привносить идеи, которые полностью принадлежат современной полемике; нет ничего в слове "республика", ничего в слове "содружество", ничего в использовании этих слов вплоть до совсем недавнего времени, что исключало бы возможность того, что в содружестве главным правителем был принц, император или король. Смысл употребления этого слова заключается в том, что оно обозначает нерушимое существование римского государства; в глазах людей шестого века сила, отвоевавшая африканскую провинцию в их дни, была той же самой силой, которая впервые завоевала ее почти семьсот лет назад. Консул Велисарий был истинным преемником консула Сципиона. И снова римская власть простирается от океана до Евфрата; могучий том римского права одинаково развернут для сирийца и испанца. Все средиземноморское побережье снова является побережьем Рима, за исключением тех мест, где западные готы все еще удерживают свою власть в Септимании и Северной Испании, за исключением тех мест, где Империя сама уступила побережье от Роны до Альп франкским владыкам Галлии, которые уничтожили бургундскую власть и пресекли присутствие западных готов на галльской земле. Общепринятое учение по этим вопросам настолько убого, что я полагаю, что все мы испытываем — я сам все еще испытываю — определенное чувство странности и несоответствия при одной только картине возрожденной империи шестого века. Или, если странность и несоответствие - слишком сильные слова, мы, по крайней мере, чувствуем, что это истина, которую нужно утверждать, может быть, до тех пор, пока она не будет умножена на семьдесят семь, в ушах необразованных и неверующих. Смотреть на это так, как смотрели люди того времени, как восстановление законного порядка вещей, который был насильственно прерван, - один из самых трудных исторических уроков.

Но нет ни одного популярного заблуждения, которое не содержало бы некоторой доли истины, какой бы замаскированной и искаженной она ни была. Никакой способ выражения не может

ввести в большее заблуждение, чем тот, которым до сих пор пользуются даже некоторые выдающиеся ученые, называя Империю Юстиниана, армии Юстиниана греческими. Это не только формально неверно, но и никоим образом не отражает факты. Даже до отвоевания Запада греческий элемент был далеко не исключительным, вряд ли он был преобладающим элементом в Империи; и применять это название к расширенной Империи, в основном населенной латинянами, которое Юстиниан передал своим преемникам, еще более вводит в заблуждение. И прежде всего в армии, состоящей из всевозможных воинственных племен внутри Империи и за ее пределами, доля мужчин, которые в каком-либо смысле были греками по происхождению, даже доля мужчин, для которых греческий был родной речью, должна была быть действительно небольшой. И все же мы располагаем памятным фактом, проявляющимся в повествовании Прокопия и в самых зачатках английской литературы, что как на готском, так и в устах англичан о подданных императора, правившего в Константинополе, говорилось как о греках. Неудивительно; готы, маршировавшие взад и вперед по восточному полуострову, должно быть, слышали больше греческой речи, чем на любом другом языке; так же и первые из английских путешественников должны быть путешествиями исполнителя песни, реальными или воображаемыми. И название было дано почти пророческим инстинктом, как будто готы, свободные от римских традиций, видели, что Империя, главой которой была Византия, если и не греческая уже, то когда-нибудь должна стать таковой. Что, если бы Юстиниан увидел этот факт и действовал в соответствии с ним? Что, если бы он осознал свое положение как прежде всего владыки великого восточного полуострова Европы и великого западного полуострова Азии, владыки земель, которые все еще частично латинские, но гораздо шире греческие? Что, если бы он посвятил все свои помыслы защите своей северной границы от славянских и гуннских захватчиков и предоставил тевтонским и латинским элементам в Италии, Испании и Африке устраиваться самим, как они устроились в Галлии? Вполне возможно, что такой ход был бы разумнее; рассматривая этот вопрос в свете тринадцати последующих столетий, мы испытываем сильное искушение сказать, что так оно и было бы. Но мы должны помнить, что свет тех тринадцати последующих столетий ничем не мог помочь умам людей, судьба которых свела их в шестом веке. Как Юстиниан или любой другой человек его возраста, должно быть, смотрел на мир шестого века, римский император, царствующий в Новом Риме, но отрезанный от Старого, должен был не только испытывать всевозможные амбиции, он должен был искренне считать высшей из своих Императорских обязанностей отвоевать утраченные земли Рима, отвоевать сам Рим для римского содружества, главой которого он оказался.

Великое возрождение империи в шестом веке было лишь первым в длинной череде возрождений, которые ознаменовали историю державы, главой которой был Константинополь, вплоть до ее последних этапов. В ее длинных летописях преемники Цезаря и Траяна, люди, которые расширили границы Империи на новые земли, далеко не полностью отсутствуют; преемники Валентиниана и Велизария, люди, которые отвоевали утраченные земли, никогда не испытывали недостатка вплоть до последнего поколения Палеологов. Но первый и величайший всплеск этой силы пробуждения к новой жизни произошел, когда империя еще была единой, когда Велисарий, освободитель Африки и Сицилии, послал ключи от освобожденного Рима ее собственному императору. Правда, как мы видели, большая часть Италии была снова потеряна на исходе столетия; испанская провинция отошла к нам в начале следующего столетия; но преемники Юстиниана все еще правили в Карфагене до последних лет седьмого столетия; они все еще правили, по крайней мере номинально, в Риме до последнего года восьмого. Никакая путаница не может быть большей или вводящей в заблуждение, чем та, которая рассматривает

Империю Тиберия, Маврикия и Ираклия как нечто странное и аномальное, нечто, что следует называть восточным, византийским, возможно, греческим, короче говоря, называть как угодно, но не ее истинным именем Римлянин. Я бы сказал всем вам, никогда не употребляйте слова “Восточный” или “византийский”, пока не будет чего-то Западного, что можно им противопоставить. Вы можете различать Никифора как Восточного императора в противоположность западному императору Карлу; но никогда не говорите о Маврикии или Ираклии иначе, как о единственном римском императоре, которым он был. Еще во времена Ираклия начинается процесс, который должен был превратить империю Никифора если не в греческую державу, то, по крайней мере, в державу, быстро стремящуюся стать греческой. Могушественнейший из воинов Империи, тот, кто превзошел славу Траяна, чтобы возродить славу Александра, освободителя Рима, завоевателя Персии, человека, вернувшего святейшие христианские реликвии из языческого рабства, дожил до того, чтобы стать человеком, который видел, как Сирия и Египет были отторгнуты от его Империи, который видел, как Святой Город, который он искупил, перешел в руки неверующих, еще более ужасных, чем те, кого он сверг. Возможно, Империя выиграла даже от этих ужасающих потерь; очевидно, что после потери своих восточных и латинских провинций она начинает приобретать некоторую силу национальной державы, даже если эта держава и не думала о своей собственной национальности. Возможно даже, что великие исаврийские императоры VIII века позволили остаткам Латинской Италии выскользнуть из их рук почти без усилий, потому что они видели, что владычество, которое становилось чуждым для огромной массы Империи, не было истинным источником силы. Царствовать от Хема до Тавра, быть сеньором Трапезунда и Сиракуз, отбросить болгар в Европе и сарацин в Азии — это была нелегкая задача, выпавшая на долю “изнеженного” “грека из Нижней Империи”; он вполне мог счесть, что у него достаточно работы в землях, которые, естественно, равнялись на Новый Рим, и что он может оставить Старый, чтобы тот снова устроился сам, если таково его собственное желание.

Он был создан для себя, как мы уже видели; но он был создан для себя главным образом для того, чтобы украсить германского короля и германское королевство его собственными римскими воспоминаниями. Карл, как и Теодорих, создал систему, для работы которой требовался он сам. Он мог быть одновременно германским королем и римским цезарем как на деле, так и по названию. Его непосредственным преемникам было трудно быть ни тем, ни другим. К концу IX века великое франкское владычество распалось на куски; корона Западного Рима переходила то к принцу Италии, то к принцу Германии, то к принцу Галлии. При втором Льюисе Италия подошла ближе к образованию единого и отдельного королевства, чем в любой другой момент между Теодорихом и Виктором Эммануилом. В тот момент казалось, что был шанс — то есть мы, спустя тысячу лет после того времени, видим, что был шанс, — что могла бы существовать не Германская, а Итальянская империя Западного Рима, соответствующая Греческой империи Восточного Рима. Но было предначертано, что традиции Западного Рима не должны были ни сохраниться в Италии с Людовиком и Беренгаром, ни перейти в Галлию с Карлом Лысым. Германский король, саксонский король, первый из Оттонов, спустился вниз, чтобы принять римскую корону как освободитель, чтобы передать ее внуку, на мгновение показалось, что у него есть миссия не только возродить римскую державу, но и снова превратить древний Рим в местную резиденцию имперского владычества.

Vivo Ottone tertio,

Salus fuit populo.

Но “мирабилия мунди” рано сошла в могилу; истинной работой его дома было не восстановление местной власти Рима, а установление того, что Западная Римская империя, ныне Священная Римская империя, должна быть, вплоть до момента ее последнего призрачного существования, Римской империей германской нации. Это та Империя, Империя Оттонов, Генрихов и Фредериксов, Империя, достойнейшие вожди которой могли отдать дань уважения обновленной сатурнианской песне;

Princeps terræ principum, Cæsar noster, ave,

Cujus jugum omnibus bonis est suave;

империя, чья истинная мощь и слава были погребены в могиле “Фридриха ступора мунди”, но чья тень продолжала вдохновлять сердце Данте, чьи традиции продолжали жить, чтобы снискать императорскому имени одну вспышку кажущегося могущества во времена Генриха Люксембургского, еще более ослепительную вспышку во времена того Карла, который был последним, кто принял ее корону, хотя и не на старом месте коронации первого, - это великий факт всей европейской истории, факт, величие которого было так хорошо провозглашено ученым и государственным деятелем, о котором говорил мы гордимся этим университетом, который теперь должен разделить наши мысли с той другой стороной разделенной римской державы, чьи анналы, по крайней мере, на протяжении нескольких столь же славных веков, завершились гораздо более славным концом. Как смерть воина последнего Константина - это еще одна история самоуничтожения последнего Франциска, так и в лучшие дни любой из этих держав мы можем претендовать на Македонскую империю, по крайней мере, на равное место в мире рядом с Империей Древних саксов. В то время как третий Оттон мечтал о грядущей славе Старого Рима, второй Василий наполнял Новый трофеями всех земель от Дуная до Оронта, от Фароса Мессанского до корней Кавказа. И давайте остановимся на мгновение, чтобы еще раз подумать о том, что могло бы быть. Что, если бы Убийца болгар потерпел неудачу в своей самой суровой борьбе, когда он и его Империя год за годом сражались в смертельной схватке с достойными их соперниками? Что, если бы Самуил Охридский, а не Балдуин Брюггский или Магомет Бруссский, пробрался в стены Константинополя с поручением, аналогичным поручению первого Оттона на Западе, чтобы Имперский город навсегда остался центром христианского правления, как глава Римской империи славянской нации?

Теперь возникает один вопрос, который вполне мог бы возникнуть раньше. Во времена Разделенной Империи, когда Европа и христианский мир соперничали друг с другом, как один из них продвигался к величайшему делу из всех, к особому призванию Европы и христианского мира? Как цезари Востока и Запада вели себя в Извечном Вопросе мировой истории? Персидские победы Ираклия были последним делом, последней славой, мы могли бы почти сказать величайшей и благороднейшей славой неразделенной Империи. В следующий момент Вечный Вопрос принял ту более устрашающую и устойчивую форму, которую он все еще носит в наши дни. Два семитских вероучения, самые антагонистичные из всех вероучений просто потому, что у них так много общего, вероучение Рима и Запада, вероучение Аравии и Востока, выступили как новые значки для каждой стороны, значки, под которыми каждая сторона черпала новую жизнь для вечной борьбы. Сирия и Египет, которым нечего было терять в

результате отпадения, отпали, как мы видели, в одно мгновение; Латинская Африка, которой было что терять, сражалась шестьдесят лет; римляне более мужественно сражались за Карфаген, чем готы за Испанию и Септиманию. Но Африка была потеряна навсегда; непобедимые земли северной Испании, Цернагора на Западе породили череду героев, отвоевавших свою собственную землю у незваных гостей. Франк с молотом в руке сокрушил врага прежде, чем тот пересек пограничный поток Луары; и первый король новой линии снискал более высокую славу, чем франкский король и римский патриций, положив конец короткому правлению мусульманина вокруг храма и арены в Ниме и на увенчанном башнями холме Каркассона. Не потерпел неудачу в этом и Новый Рим; тщетно пытались последние сподвижники Пророка добиться исполнения его обещания о том, что грехи первой армии верующих, вошедшей в город Цезарей, будут прощены. Как перс был разбит во времена Ираклия, так и араб был разбит во времена его потомков. Он снова пришел; но сильная рука Льва Исаврийского снова спасла Новый Рим и весь христианский мир. Борьба старых времен снова разразилась на Сицилии; снова Европа и Африка, снова арийский и семитский люди — арийцы, говорившие на языке Греции, и семиты, правившие там, где дважды был Карфаген, — боролись в круговороте веков за остров, который был призван стать местом встречи, полем битвы вероучений, языков и наций. Сицилия была потеряна, и все же Тавроменион на своей высоте, взирающий сверху вниз на отлив эллинской Сицилии, продержался почти сто лет; поистине короткими были те два промежутка, когда неверный мог похвастаться тем, что он хозяин всего этого достопамятного острова. Если Тауроменион и Раметта наконец падут, меч Георгия Маниакеса вскоре будет заточен; если Сиракузы будут завоеваны и снова потеряны, меч норманнского Рожера уже будет заточен для более прочного избавления.

Действительно, долгой и суровой была борьба, которую римлянам Востока пришлось вести, чтобы защитить Тавроса от сарацин, в то время как им пришлось вести не менее упорную борьбу, чтобы защитить Хема от болгар. Но пока приходилось бороться только с сарацинами, дело было сделано. Затем наступил день отвоевания, дни Никифора Фоки, Иоанна Цимискеша, самого ужасного Василия. Одиннадцатый век начинается как величайший век византийской истории; перед его концом появился новый враг; азиатская сторона Извечного Вопросы перешла к новому защитнику; то, что не удалось сделать арабу, действительно начал делать турок. Азиатская Румыния перестала быть христианской страной Империи; но римской землей она, похоже, быть не перестанет, в то время как Никая, родина христианской ортодоксии, которой в последующие времена суждено было стать резиденцией самого сильного из восточных пережитков римской власти, занимает трон мусульманина, трон турка, но мусульманина и турчанки, стиль которой - султан Рима.

Действительно, поспешный взгляд - это все, что мы можем бросить на Империю, таким образом расколотую на части между двумя соперниками. Истинная сила и величие обоих подошли к концу в великую эпоху созидания и разрушения, в тринадцатом веке нашей эры. На Западе Римская империя и Германское королевство действительно не приходят к формальному концу, но они теряют свое древнее место рядом с могилой Фридриха Второго. На Востоке Империя, как местная держава, вновь обретает национальную мощь, но она теряет свое светское положение, когда в Константинополе воцаряется латынь, когдашній ос, как бы мы ни переводили его имя, царствует за Босфором в Никее. До сих пор нам все еще приходилось иметь дело с истинной и древней сущностью Империи, даже если она была разделена на два тела. Далее нам придется

поговорить о силах, которые сохранили свое название и свои традиции, но на которые, по трезвой правде говоря, мы вряд ли можем смотреть как на нечто большее, чем на их тени и пережитки.

ЛЕКЦИЯ V. ПЕРЕЖИТКИ ИМПЕРИИ.

В своей последней лекции я провел различие между двумя этапами отмирания римской державы и ее традиций. Были времена, когда две империи, Восточная и Западная, как бы ни изменили свой характер по сравнению с тем, каким он был в прежние времена, как бы далеко они ни зашли, одна стала греческой, другая - германской, все еще можно было считать, что они сохранили суть своего старого римского существования. И были более поздние времена, когда имена и традиции Рима все еще сохранялись, но когда на них нельзя было смотреть как на нечто большее, чем на тени и пережитки. Я, конечно, хочу, чтобы вы поняли, что это разделение между этими временами является произвольной линией моего собственного рисунка. На Западе, по крайней мере, это не соответствует ни одной такой знаменательной эпохе, как событие 800 года, событие 1453 года, событие 1806 года. Я подвел черту под смертью Фридриха Второго. Я думаю, мы все согласимся с тем, что, если Фридрих Второй представляет положение вещей, которое стало очень непохожим на положение вещей при Траяне или даже при Константине, Франциск Второй представляет положение вещей, по крайней мере, столь же непохожее на положение вещей при Фридрихе. Но из этого не следует, что если уж нужно провести черту, то каждый должен провести ее после смерти Фредерика. Можно было бы сказать, что Империя стала простым немецким государством еще до него, что положение Фридриха было исключительным, что его значение в итальянских делах на самом деле принадлежало королю Сицилии, а не императору римлян, что карьера даже его деда показала, что в его время римские притязания германских королей стали совершенно нереальными и полностью зависели от силы их германских армий. Другой мог бы подвести черту гораздо позже; он мог бы сказать, что истинная Империя скончалась, когда император, третий Фридрих, совершенно непохожий на Первого и Второго, в последний раз принял свою корону перед алтарем старого собора Святого Петра. Он мог бы нарисовать его, когда сын этого Фридриха выбрал имперский стиль, хотя, конечно, с определяющим прилагательным, без какой-либо демонстрации императорской короны. Или он мог бы нарисовать его, когда последний *император*, преемник первого *избранного* императора, принял корону Империи не перед алтарем Святого Петра в Риме, а перед алтарем святого Петрония в Болонье. Последнее действительно является эпохальным моментом; Карл Пятый, похоже, действительно с подобающим достоинством завершает ту имперскую линию, которая началась с Карла Великого. И как последний император, в отличие от избранных императоров, он действительно доводит дело до конца. Разрыв между Карлом и Фердинандом действительно велик. Но, несомненно, существует еще большая пропасть между Фридрихом Чудом Света и такими принцами, как Вильгельм Голландский, Ричард Корнуолльский и даже, если смотреть со стороны Империи, Рудольфом Габсбургским. Рудольф действительно отличается от Вильгельма

и Ричарда; он велик и знаменит как немецкий король; но линия императоров не знает его. Тот факт, что человек, которого мы можем назвать восстановителем германского королевства, никогда не стремился к императорской короне, кажется, сам по себе указывает на правление последнего императора до него, даже если бы этим императором не был Фридрих Второй, как на время, когда Империи, как державе самой по себе, а не просто как высокому титулу, могущественному воспоминанию, пришел конец. При Карле Пятом империя, кажется, снова обрела полноту своего древнего могущества; но его отречение и смерть открыли истину. Когда его имперские титулы перешли к Фердинанду, а его европейское положение - к Филиппу, стало ясно, что, как бы имперские титулы ни делали положение Карла более блестящим, на самом деле его могущество было не могуществом Империи, а могуществом Бургундии и Кастилии. Линия, где бы мы ее ни провели, является произвольной, не отмеченной ни формальными изменениями, ни событиями первого величия. Я думаю, мы все согласимся с тем, что Констанцкий и Вестфальский мир являются актами державы, которая в прежние времена все еще сохраняла большую часть истинно римского положения, в то время как в более поздние времена весь истинно римский характер покинул ее. Изменение между двумя состояниями вещей происходит постепенно; в какой точке между ними мы решаем провести черту, в значительной степени зависит от мнения, можно сказать, скорее от вкуса или чувств.

На Востоке наш случай гораздо яснее. Событие 1204 года выделяется гораздо большей отчетливостью, чем событие 1250 года. Нет более почетных лет в византийских летописях, чем те, когда они на некоторое время перестают быть византийскими. Когда Ῥωμαῖοι снова становятся византийскими, они снова вырождаются. Если считать имя Роман почетным эпитетом, то никогда князь и народ так не заслуживали этого имени, как в то время, когда они были изгнаны из Нового Рима. Невзгоды действительно выявили сильные качества в императорах Никеи и их подданных. Однако тот факт, что они были императорами Никеи, а не Константинополя, ставит широкий барьер между ними и их предшественниками. Жизнь Восточной империи была настолько тесно связана с владением Восточным Римом, что никакая перемена не могла показаться столь значительной, как та, которая отдала Восточный Рим иностранцу-латинянину. Никейская империя в конце концов оказалась самой энергичной и стойкой среди своих собратьев; но у нее были собратья. Это было всего лишь одно из множества государств, греческих и латинских, на которые была разбита Восточная Римская империя. О том, что старая империя была полностью разбита на куски, что ее прежнее положение полностью исчезло, свидетельствуют неизбежные изменения в языке. Сейчас действительно трудно избежать употребления слова *греческий*. Безусловно, ни один ортодоксальный носитель греческого языка — таково теперь определение искусственной греческой нации — не мечтал называть себя Ἕλλην; греки, грифоны, западные носители языка по-прежнему повсюду были Ῥωμαῖοι в своих собственных глазах. Действительно, странным является противопоставление имен в наши дни. Когда мы находим Ῥωμαῖοι и Λατῖνοι против, мы, кажется, отнесли к консульства в Manlius и Деция; когда несколько ранее мы найдем разнь между Ῥωμαῖοι и Ἀβανοί, мы, кажется, нес на спине со страницы Анны на страницах Дионисия, от царствования Алексея царствования Tullus. Но теперь, когда императоров, королей, деспотов, герцогов, великих серов, отдаленных владений итальянских государств и итальянских семей стало много на земле и еще больше на воде, мы вряд ли можем использовать какое-либо другое имя, кроме *греческого*, чтобы отличить князя или народ, говорящий на более поздней форме языка Эллады, от князей и людей, говорящих на более поздней форме языка Лация. Когда мы вступаем в круг богословских споров, наши трудности становятся еще больше. Если

мы будем придерживаться нашего древнего языка, особым признаком римлянина будет то, что он отрицает авторитет Римской церкви. Римское имя, как официальное название державы, прекратило свое существование только в 1453 году, или, скорее, в 1461 году. Вряд ли можно сказать, что римское имя, как название народа, даже сейчас ушло в прошлое. Но начиная с 800 года мы можем справедливо использовать такие отличительные формы, как “Восточный” и “византийский”; начиная с 1204 года мы с трудом удерживаемся от того, чтобы не перенимать западный язык того времени и не говорить о тех разрозненных фрагментах Восточной империи, которые ее собственный народ все еще называл “греческими”.

Может показаться, что Никейская империя хорошо доказала свое право считаться истинной преемницей старой империи великим подвигом по возвращению Имперского города. На протяжении восьмисот лет нам приходилось иметь дело с державами, которые чаще отыгрывались, чем с державами, о которых можно строго сказать, что они продвигаются вперед; но отвоевать Константинополь в тринадцатом веке означало получить более богатую награду, чем даже отвоевать Рим в шестом. Без Константинополя могло показаться, что Восточно-Римская или Греческая империя не имеет никакого положения перед лицом мира. Овладев Константинополем, она, казалось бы, вернулась к чему-то вроде своего прежнего места среди держав и наций. И все же Империя Палеологов была лишь слабым представителем, всего лишь тенью и пережитком не только Империи македонян, но и Империи Комнатных. Какое-то время это была развивающаяся держава в Европе; даже когда ее северные границы отступили перед болгарами, сербами, самими османами, она все еще могла продвигаться на старых греческих землях. Это продемонстрировало византийскую силу возрождения в ее последней и самой странной форме, когда весь Пелопоннес, проигнорировав пункты, удерживаемые Венецией, снова объединился под властью греческого князя. В те дни Римской империи было важно пережить Ахайское княжество, дни, когда остров Пелопс составлял основную часть Империи, отдаленной главой которой был город Константин. Если последний император Запада принял свою корону в Болонье, то последний император Востока принял свою на месте, которое когда-то было Спартой. Но “Императором Востока” я бы не сказал. Это один из многих общепринятых способов описания князей Восточного Рима, использование которого иногда может помочь перевернуть предложение. Но ни один принц, правивший в Константинополе, никогда не называл себя императором Востока, и был другой принц, который так и делал. В те дни в восточном мире быстро возникали и рушились империи. Еще до 1204 года иностранец, родившийся на английской земле, граф Пуату, которого странная случайность сделала также королем Англии, имел привилегию свергнуть римского императора, Империя которого была ограничена островом Кипр. Хозяину этого острова, этого древнего поля битвы арийцев и семитов, хватило мудрости избавиться от бесполезного владения и даровать его как королевство своему собственному вассалу, который недавно был королем Иерусалима. Итак, после великого краха латинского завоевания в Эпейросе и Фессалониках правили временные императоры. Но был еще один императорский претендент, чья власть, как и у него в Никее, была более чем сиюминутной. Никогда не следует забывать, что последний осколок грекоязычного римского могущества, который видел мир, сохранился не в мегарской Византии, а в Аркадском Трапезунде. Как северный берег Эвксинского моря видел последнее греческое содружество, так и его южный берег видел последнюю Греческую империю. По-гречески мы должны называть это. Комнен в Трапезунде, признавая превосходство Палеолога в Константинополе, отбросил свой римский стиль и назвал себя среди других титулов императором Востока. Запад давно уже слышал, императора Британии и император из

Испании; но теперь, впервые на Востоке, был найден мужчина, называющий себя βασιλεὺς и αὐτοκράτωρ, но βασιλεὺς и αὐτοκράτωρ-то еще и не Ῥωμαίων. Но император Востока, Император всего Востока, πάσης τῆς ἀνατολῆς, все еще хранит в себе нечто от возвышенности неопределенности; его имперский стиль звучит лучше, чем имперский стиль немецкого герцогства или негритянского острова; император Востока, кажется, не загнан в кабину, не заперт, не заключен в таком ничтожном пространстве, как император Хайти или император Австрии. Все еще принц, который называл себя императором, но не осмеливался называть себя императором римлян, самым своим стилем провозглашал себя, выражаясь самыми вежливыми словами, тенью и средством выживания. Действительно, существует любопытная аналогия между выживанием в Трапезунде и выживанием в Вене. И Комнены, и лотарингцы отбросили свой римский стиль, чтобы продолжить дело, как выражается наш собственный толкователь вещей Имперских, под другим именем.

Но, если мы не можем допустить, чтобы так называемые Империи Кипра, Эпейроса и Трапезунда или даже восстановленная Византийская империя Палеологов были чем-то большим, чем тенями и пережитками старой Римской империи на Востоке, они, по крайней мере, продолжали ее в том смысле, в каком можно сказать, что любое целое продолжается в своих фрагментах. Вряд ли можно сказать, что эта Империя имела такое же продолжение либо в Турецком султанате *Рум*, либо в Латинской империи *Румыния*. Воистину, это тени и пережитки старой Империи; но тени и пережитки иного рода, чем в Эпейросе и Трапезунде. То, что сельджукские владыки Никаи должны были называться султанами *Рима*, что османский владыка Константинополя и его народ должны были носить то же римское имя среди народов дальнего Востока, что до того, как османский владыка стал Константинополем, Баязет должен был называться Тимуром *кайзером Рима*, все это странная и поразительная дань постоянству римского имени, но немногим больше, чем само название. Латинская империя Румынии более примечательна. Двумя или тремя столетиями ранее, если бы отряд западных воинов пробился в Константинополь, их самым очевидным юридическим предлогом, если бы они искали законный предлог, было бы установление власти императора, коронованного в Риме, как над Восточной, так и над западной частью Империи. Немецким крестоносцам такая мысль, возможно, пришла бы в голову еще в XIII веке; Константинополь мог бы претендовать на Священную Римскую империю Германской нации с большим основанием, чем Пруссия или Ливония. Но вряд ли такая мысль могла прийти в голову французам, фламандцам, венецианцам, еще недавно бывшим вассалами Восточного императора, итальянцам, за исключением самых ревностных гибеллинов. Ранее крестоносцы соглашались стать вассалами Алексея Комненова, и если кто-то отказывался или медлил, то это, конечно, было не из лояльности Генриху Франконийскому. Жители Пизы, твердо стоявшие на позициях цезаря на Западе, без колебаний сражались на стороне его восточного соперника против латинских захватчиков. То, что глава завоевателей принял титул императора, само по себе было признанием того, что Константинополь был законной резиденцией Империи; но трудности с обеих сторон могли помешать авторам нового имперского стиля буквально перевести Ῥωμαίων βασιλεὺς как описание латинского властелина. Стиль стал территориальным; Болдуин и Генрих воздержались, и не без оснований, от того, чтобы называть себя императорами римского народа, но они не побоялись провозгласить себя императорами римской земли. Странную позицию занимали латинские императоры Румынии на протяжении двух поколений своего правления в Константинополе. Едва ли не более странным является долгое прилепление

западного общественного мнения к их предполагаемым правам после того, как греческие князья и народ снова заняли свой старый дом.

Тогда, я думаю, мы можем с некоторой уверенностью определить 1204 год как время, когда истинной Римской империи на Востоке пришел конец. Различные греческие державы продолжают ее, но они продолжают ее лишь фрагментами; ни одна из них не может претендовать на то, чтобы быть самой вещью, какой бы короткой она ни была. Но это подлинные фрагменты; если не сама вещь, то ее части. На Востоке *Ῥωμαῖοι* стало названием нации, отчетливым и легко узнаваемым, хотя и искусственным, а Трапезунд и Эпейрос, не в меньшей степени, чем Константинополь, приютили осколки этой разделенной нации. Западная империя в ее более поздней, чисто германской форме не продолжает таким же образом национальное существование ни одного народа, который можно было бы назвать даже искусственными римлянами. Это продолжение римских титулов и воспоминаний; таким образом, это истинное наследие римской державы, но оно ушло из всей римской национальной жизни, чтобы стать немаловажным элементом национальной жизни другого народа. Она стала Священной Римской империей Германской нации, и германская нация почувствовала себя возвышенной, имея под своим началом Священную Римскую империю. После 1250 года мы начинаем чувствовать, что даже в императорской коронации есть что-то неуместное. Личное достоинство Генриха Люксембургского скрывает тот факт, что даже он не был похож на франков и швабов; Людовик Баварский скорее великий субъект имперских теорий, чем исполнитель каких-либо имперских деяний. Мы переходим к Карлу Четвертому и Фридриху Третьему; коронация Карла в Риме может быть заключена в квадратные скобки с его коронацией в Арле, и Фридрих вызовет улыбку на самых гибеллиновых губах, поскольку мы видим его в "ризе и короне", "Августе" и "*Отце Патриции*", а также в чем-то вроде *понтифекса*, в том странном собрании мужчин всех возрастов, которое присматривает за его сыном без гроша в кармане в Иннсбруке. С другой стороны, если восточные пережитки, в отличие от западных, сохраняли национальное бытие, которое в некотором роде можно было бы назвать римским, то западная, германская тень Империи имела преимущество единства. Это был один выживший, а не многие. Официального перерыва между 800 и 1806 годами нет. Разница - это разница между вещью, которая полностью разбита на куски, но каждый фрагмент которой сохраняет, насколько это возможно для фрагмента, характер целого, и вещью, которая продолжает жить, которая никогда не теряет своей индивидуальности, которая никогда не разбивается на куски, но которая настолько меняет свой характер, что говорить о ней как об одной и той же вещи, хотя и технически точной, кажется нам уже не выражающей реальных фактов. Во многих отношениях разница между Империей первых цезарей и Империей Гогенштауфенов больше, чем между Империей Гогенштауфенов и Империей австрийцев и лотарингцев. Но императоры Гогенштауфенов все еще чувствовали себя императорами и действовали как императоры; были ли их цели мудрыми или глупыми, возможными или невозможными, они все равно оставались имперскими целями, целями, которые простирались далеко за пределы Швабии или Германии. Среди других князей Запада они имели нечто большее, чем просто прецедент. Короли Франции, Британии, Испании могли отрицать свое превосходство, но они отрицали это как то, что нужно было отрицать; они могли отказываться признавать императора своим господином, но они все еще чувствовали, что единый Император был существом другого класса, отличным от королей вокруг него, которые могли быть, а могли и не быть его людьми. Все их положение было не немецким, а европейским; если и не монархами, то, по крайней мере, главами всего Западного христианского мира. Но австрийские императоры

опустились до того, что стали королями Германии, сохранив титулы Империи, и королями Германии, которые имели гораздо меньше власти в своем собственном королевстве, чем другие короли. Ибо на самом деле германское королевство пало под тяжестью Римской империи. Имперская традиция сначала разделила королевство на части, а затем сохранила эти части от полного развала. Император был поставлен слишком высоко по официальному статусу, чтобы пользоваться обычной властью младших королей. Мы не можем говорить об австрийских императорах как о главах Западного христианского мира, хотя, обладая не имперским характером, они иногда могли становиться его поборниками. Швабские императоры были если не выше, то, по крайней мере, раньше всех других князей; австрийцы едва могут отстоять свое право быть первыми среди них. Они сохраняют в лучшем случае бесплодный прецедент, и даже он не всегда бесспорен. Их политика не европейская; ее трудно назвать немецкой; она направлена только на развитие их собственного дома в Германии и за ее пределами. В конце концов они, кажется, совсем забывают, кто и что они такое. Когда избранный император римлян, король Германии и Иерусалима, смог отбросить свой римско-немецкий стиль, свою римско-немецкую речь и мог называть себя “Императором Аллемана и д’Отриша” в договоре с тем, кто называл себя “Императором Франции”, пришло время использовать древние титулы еще в одном документе, в том, который должен был объявить миру, что, поскольку титулы теперь перестали иметь значение, то и то, что они описывали, перестало существовать.

Из двух мужчин, которые по этим странным и новым описаниям подписали Прессбургский мирный договор, если один забыл, кто и что он такое, то другой прекрасно знал, кто и что он такое. Первый буонапартэ не так, как писатели и ораторы теперь-дней, используйте слова “император” и “Империи” просто для того, чтобы казаться прекрасным. Когда он называл себя “Императором французов”, он прекрасно знал, что подразумевал под этим именем. То, что он имел в виду, включало, конечно, несколько искажений истории, но это были искажения, которые были очень удобны для его целей. Стоит только допустить, что австразиец Чарльз и корсиканец Буонапарте были похожими французами, и эта теория не так уж плохо согласуется друг с другом. Господство над миром, на самом низком уровне - господство Западной Европы, было перенесено из Рима и Германии во Францию. Правитель Франции занимал положение в мире, которое когда-то занимали правители Рима и Германии. Так оно и было на самом деле; стиль 1804 года лишь облек этот факт в очень выразительные слова. Снова был Император, βασιλεὺς сүүес вокруг него; только этот βασιλεὺς больше не был римлянином, греком или немцем, а, по крайней мере, благодаря завоеванию, французом. Это могло бы даже придать злонамеренную сладость новой имперской позиции - считать Рим и Германию подвластными Франции землями. Первая Французская империя не была простым продолжением Римской империи на каком-либо из ее этапов; и это не было простой аналогией, как когда мы применяем императорское имя к варварским князьям, занимающим имперское положение в своем собственном мире. Империя Великих Моголов во многом повторяла Империю Цезарей; но она повторяла это бессознательно. Но во Французской империи все было осознанным; каждая деталь обмана имела значение. Это ни в коем случае не было выживанием, равно как и истинным возрождением; это была своего рода насмешка, в некотором роде имитация, ложная ветвь того же рода, пародия на старую Империю, основанная в каком-то странном соперничестве на почве старой Империи. Но старая Империя не создавалась, а росла; потребовалось много времени даже для того, чтобы развалиться на куски. Новая Империя, созданная одним человеком, стремительно росла в течение нескольких лет, а затем в одно мгновение распалась на части. И все же новому Цивилису, человеку, создавшему Империю

галлов, следует признать сомнительное превосходство бытия, если не какоῦράμην, то, по крайней мере, и μεγαλοπράμην. Излишне говорить о гротескном подражании его творчеству, перед которым некоторые преклонялись менее двадцати лет назад.

Я только что говорил о документе, Прессбургском мирном договоре, который был подписан двумя персонами, названными “императором Франции” и “Императором Германии и Австрии”. Никогда не следует забывать, что титул “император Австрии” датируется не 1806 годом, а 1804 годом. Король Германии, избранный римлянами император, пока он все еще занимал самое высокое положение на земле, считал за благо называть себя “Наследственным императором Австрии” - *Эрбкайзером фон Остеррайхом*. Что означали эти два титула бок о бок, никто не может сказать; но когда римские и немецкие титулы были отменены, так называемая “Австрийская империя” сохранилась как самостоятельный пережиток старой империи, и к тому же очень напоминающий пережиток. Ибо это самый успешный обман за всю историю наблюдений. Такое использование имперского стиля привело к тому, что власть, которая сама по себе является современной, выскочкой и революционером, стала рассматриваться как древняя, почтенная и консервативная. Вчерашняя власть, которая жила только за счет попрания всех исторических прав и каждой национальной памяти, каким-то образом стала рассматриваться как само воплощение достойной и консервативной древности. Но особый способ, которым самозванец преуспел, - это самое замечательное из всех. В прошлом веке среди нас Смитсон считал за благо называть себя Перси, и мир верит, что он и есть Перси. Но мир верит, что Смитсон - это Перси; он не верит, что старые Перси были Смитсонами. Это последнее, во что верят в случае с Австрией. Никто не верит, что нынешний король Венгрии и эрцгерцог Австрии является императором римлян и королем Германии. Но многие считают, что настоящими императорами римлян и королями Германии были те, кем он себя называет, императоры Австрии. Я видел, как Фридриха Барбароссу называли “императором Австрии”; половина мира верит, что Прагматическая санкция Карла Шестого возложила Австрийскую империю на Марию Терезию; я видел книгу восемнадцатого века, в которой об Иосифе Втором, конечно, говорилось просто как об “Императоре”, но редактор девятнадцатого века считал необходимым пояснить, что упомянутый “Император” был “Императором Австрии”. Я встречал на их территории уроженцев Швейцарии, которые верили, что императорский орел, вырезанный на том или ином древнем здании, был символом Австрии, а не Рима. Да, никогда еще обман не был более успешным; никогда еще правда истории не была так тщательно перевернута. Было бы несколько тяжело вынести, если бы Франциска Лотарингского считали чем-то вроде Фридриха Гогенштауфена; но мертвые могут перевернуться в своих могилах, когда Фридриха Гогенштауфена считают чем-то вроде Франциска Лотарингского.

Правда в том, что странное пренебрежение, в которое впала имперская история, общая неспособность или нежелание осознать ведущий факт всей истории Европы, в значительной степени объясняется существованием и успехом великого австрийского самозванца. Но есть две другие европейские державы, которые также придерживаются имперского стиля, и каждая из которых в определенном смысле является возрождением старой империи. Нельзя допустить, чтобы ни Российская, ни Германская империи были чем-то большим, чем пережитком истинной Империи; но ни одна из них не является таким явным обманом, как так называемая Австрийская империя. Германская империя, возникшая вчера, - это настоящее новое рождение старого германского королевства. Его глава, не претендующий на то, чтобы представлять имперскую позицию Карла и Оттона, является реальным представителем Генриха Саксонского и Рудольфа Габсбургского. Но так много королей Германии были императорами, что могло показаться

странным провозгласить короля Германии и не называть его императором. И было бы трудно найти более низкий титул для главы Конфедерации, среди членов которой есть и другие короли. Такой человек действительно занимает в некотором роде Императорское положение; он тоже, подобно Агамемнону или Этельстану, является βασιλεύς со своим γένος вокруг него. Древняя Российская империя стоит совсем на другой почве. Поскольку это пережиток Империи, это пережиток Империи Востока. Московский царь принадлежит к тому же классу, что и цари Болгарии и Сербии. Мы видели, как славянские державы, которые, нападая на Империю, преклонялись перед величием Империи, присвоили себе ее имперские титулы и носили за пределами Цариграда тот возвышенный стиль, который им было бы приятнее носить в ее стенах. И после падения Константинополя русские князья, не говоря уже о каком-то предполагаемом родстве с последним императорским домом, как самые могущественные князья Восточной Церкви заняли нечто вроде общего положения в мире, которое принадлежало восточным императорам. Несмотря на меньшую географическую привязанность, они, безусловно, представляют Восточную империю с гораздо большей долей правды, чем любая современная западная держава может претендовать на то, чтобы представлять Западную империю. Только титул “Император всея Руси” вряд ли может быть принят за истину, пока две русские земли, земли Галича и Владимира, привязаны к австрийскому герцогству на том основании, что в далекие века были завоеваны венгерским королем.

Таким образом, во всех этих державах, носящих или носивших имперский стиль, - России, Германии, Австрии, Франции при первом Бонапарте - мы можем видеть отчетливую связь с римской державой. Мысль о римской власти в некоторых ее формах и стадиях присутствовала в умах тех, кто воспринял имперский стиль. Но применение этого стиля к столь многим державам зашло слишком далеко, чтобы отнять у него какой-либо отчетливый смысл. Я не буду говорить, что в дни моей молодости слова “Империя” и “Имперский” всегда употреблялись с сознательной отсылкой к Риму и ее воспоминаниям; но я скажу, что они использовались не совсем так, как сейчас, просто для того, чтобы красиво звучать. Поэт или оратор мог бы использовать их в каком-нибудь страстном тоне; люди не в повседневной речи говорили об “Империи” так фамильярно, как о “приходе”. Некоторое время назад, в противовес этой новой островной прихоти, “Империя” всегда означала что-то сугубо французское. Я подозреваю, что даже банальная фраза “вторая империя”, означающая владычество последнего Бонапарта, затмила великие истины истории; все мы знаем, что человек, написавший много томов на великую историческую тему, считал само собой разумеющимся, что “принц Империи”, прежде всего принц Оранский, должен что-то значить во Франции. Тем, чьи исследования заставляют их смотреть на *Imperator* и βασιλεύς как на слова, которые переводят друг друга, будет жаль, если стиль Emperor станет просто английским эквивалентом τύραννος.

Но если оставить в стороне подобные мелкие вопросы, то действительно есть один пережиток древней империи, перед могучей историей которого все умы должны преклоняться в благоговейном страхе, пережиток, почти более великий и запоминающийся, чем тот, выживанием которого она является. Когда Грациан, христианский *император*, отложил в сторону знаки отличия языческого *Верховного понтифика*, он действительно не предвидел того дня, когда христианский *Верховный понтифик* возложит корону *Императора* на свое чело и даже заявит о праве забрать то, что он, казалось бы, в некотором роде дал. Христианские

цезари действительно могли повторить то, что языческий цезарь сказал в бессознательном пророчестве, что он лучше перенесет провозглашение императора-соперника, чем избрание христианского епископа в имперском городе. Должен был наступить день, когда, если бы люди считали, что на христианском небосводе зажглись два великих светила, все же это была луна Цезаря, которая сияла более слабым и отраженным светом, светом, которого могло быть достаточно, чтобы править ночью земных вещей, в то время как солнце Понтифика сияло светом, который исходил прямо из руки Создателя, более великим светом, чтобы править днем духовного бытия человека. Все еще можно было бы утверждать, что у Бога было два земных наместника, что по Его милости были вложены два меча, каждый в руку, избранную для владения им; но меч, которым владел преемник Августа, был сделан из более низкого металла и с более тупым лезвием, чем меч, которым владел преемник Петра. Велики и могущественны были эти притязания, и когда-то великими и могущественными были люди, которые их выдвигали. Даже гибеллины в душе, исторические вассалы Цезаря, должны стоять в стороне и гадать, не могут ли они одобрить, когда цезарь стоит некоронованный, раздетый, никем не замеченный у ворот понтифика, низвергнутый с трона мира словом, посланным из Рима в новом облике Рима. В один момент повелитель пятидесяти легионов остался по приказу безоружного человека, без единого меча, готового покинуть ножны по его зову. В другой момент тот, чье слово сотворило такие чудеса, сам, в свою очередь, изгнанный со своей церкви и престола, покидает мир с протестом, что именно потому, что он возлюбил праведность и возненавидел беззаконие, он умирает в изгнании, и в свой смертный час утешается ответом, что в изгнании он не может умереть, поскольку Бог дал ему народы в наследие и крайние части земли в его владение. Рим снова правит миром, и снова правит им с помощью моральной силы; он правит миром настолько уверенно, что снова может как бы повернуться спиной к самому себе; голос его понтифика может звучать из Авиньона так же, как голос его Августа когда-то звучал из Равенны. Но мы должны иметь в виду, что просто потому, что ее императоры приезжали говорить из Равенны и из множества других мест, кроме Рима, голос, который показался бы Константину столь же странным, как и Траяну, научился звучать, возможно, из Рима, возможно, из Клермона или из Лиона. Давайте посмотрим на этот случай спокойным взглядом истории. История ничего не знает о теориях, в которых римский епископ фигурирует как центр духовного единства, уполномоченный Богом глава Вселенской Церкви. История знает так же мало теорий, в которых римский епископ предстает как антихрист и Человек Греха. Возможно, действительно, задачей истории является проследить этапы, по которым та или иная теория возникла в умах людей; но не в свете таких теорий, подобных этой, она будет рассматривать факты своей собственной науки. В глазах истории могущество Римской церкви росло просто потому, что это была Римская церковь и Церковь не более захудалого города. Церковь, основанная в матери и главе всех городов, не могла не считаться матерью и главой всех церквей. Рим, местный Рим, все еще жил в ней, чтобы править, и если ее император откажется от своего призвания в местном центре правления, ее епископ будет там, чтобы занять его место. Когда меч Валентиниана был бессилен против гуннов, голос Льва был готов очаровать всей своей мудростью. Клавдий и Веспасиан привели старейший народ Британии под земное иго Рима; когда их минутная работа закончилась, Григорию предстояло привести другой народ Британии в качестве более постоянных обитателей в ее призрачное лоно. Цезарь за цезарем раздавали и забирали короны вассальных королей; когда имя цезаря стало всего лишь тенью в западных землях, римский понтифик должен был приказать остричь локоны последнему дегенерату Мервингу, чтобы впервые возложить королевское помазание на голову франка. Во всех этих случаях, как и в сотне других, Рим по-прежнему выступает как глава и учитель народов;

он вынужден говорить голосом своего Епископа просто потому, что его Император оставил его. Насколько истинно, насколько полно именно постоянное отсутствие, частая слабость Императора способствовали росту власти понтифика, можно увидеть, сравнив историю Старого Рима с историей Нового. В Константинополе император всегда присутствовал, всегда царствовал; там, где он жил и царствовал, не было места для какой-либо другой власти, которая могла бы присвоить себе малейший фрагмент имперского правления. Никогда ни на одну династию государей религиозный характер не производил более глубокого впечатления, чем на восточных цезарей; никто так постоянно не делал Веру, продвижение Веры, унижение ее врагов неизменными объектами своей политики; их стилем был “Верный император”; их боевым кличем был “Победа на кресте”. Нигде Церковь и государство не были более истинно едины; но нигде временный правитель не был более отчетливо виден во всех делах и над всеми людьми в пределах своих владений верховным. На Западе нынешний Патриарх почти занял место отсутствующего императора; на Востоке нынешний Император почти взял на себя функции Патриарха, который в его присутствии был всего лишь его творением. Как и его языческие предшественники, именно он, а не священник, которого он назначил и низложил, был истинным *Большим понтификом*, а также *Отцом Отечества*. Данте десятого или одиннадцатого века мог бы найти высший идеал гибеллинов - Августа, коронованного Богом, правящего от имени Бога как Наместник Бога, но не знающего ни отца, ни повелителя на земле, - в могущественных императорах того времени, в людях, которые отказались от походных забот и великолепия двора, чтобы укротить свои тела с твердостью отшельника в его пещере, в Никифоре, ищущем покоя на своей медвежьей шкуре на земле для могучих конечностей, сразивших сарацин, в Василии с его могучими руками и ногами. железный пояс на его чреслах, марширующий вперед, чтобы растоптать ногами всех, кто выступал либо как враг Христа, либо как враг Рима.

Поистине могущественны и прекрасны те самые блистательные дни в долгой летописи Восточной империи. Крит, Кипр, Киликия, отвоеванные у неверующих — римский орел снова расправляет крылья над Евфратом и Тигром — крест, снова установленный в том, что может показаться его особым домом в Антиохии и Эдессе, — все это показывает роль, которую Восточный Рим в дни своей наивысшей гордости мог сыграть в этом Вечном Вопросе, который на самом деле является самой сутью всей его истории. Расположенный на стыке двух миров, призванный к существованию своим основателем как особый хранитель Европы и тех земель Азии, которые Европа сделала своими, как только борьба Запада и Востока превратилась в борьбу христианства и ислама, Восточный Рим был обречен на лидерство в этой борьбе, иначе он был неверен цели своего собственного существования. Римлянин с Востока, как и испанец с Запада, по необходимости был крестоносцем до того, как были проповеданы крестовые походы; для них обоих религия и патриотизм были, по сути, одним и тем же; люди не могли нанести удар от имени своей страны, который не был бы также ударом, нанесенным от имени их веры. Мы уже рассматривали этот величайший из многих примеров возрождения византийской силы, великие дни македонских императоров. Я снова возвращаю ваши мысли к ним, чтобы полнее представить контраст между Востоком, борющимся за само свое существование против неверующего врага, сражающимся под руководством своего все еще нынешнего главы Империи, и Западом, где глава Империи отошел от общей работы для всех и предоставил руководство Империей и королевствами Запада духовной силе, которая была готова выполнить за него высочайший из его обязанностей. Когда Запад впервые выступил за освобождение

Востока, это произошло не по приказу цезаря, а по приказу понтифика. В прежние времена, когда опасность была у их собственных ворот, когда год за годом приходили новые Аттилы со старым заданием сеять хаос, у Германии действительно были готовы люди, чтобы еще раз выполнить работу Аэция и первого Теодориха. Саксонские короли, отец и сын, знали, как нанести мадьярам удары более сокрушительные, чем гунны нанесли на каталаунских полях. И так, столетия спустя не было недостатка в людях, чтобы разбить монголов при Лигнице, как до него были разбиты гунны и мадьяры. Но в этих войнах люди сражались за свои дома и за свою жизнь, за свою веру только как часть своих домов и своей жизни. Когда раздался всеобщий великий клич, когда сражаться за веру означало сражаться не за собственные дома и жизни людей, а за дома и жизни других, тогда заговоривший голос был голосом не римского императора, а ее епископа. Несколько месяцев назад я попытался нарисовать для вас картину великого дня, в который прозвучал этот голос, как часть рассказа о достопамятной стране и городе, которые его слышали. На Сияющей горе арвернийской земли, в доме Сидония и Григория, было произнесено слово, по приказу которого люди любого звания, кроме королевского, выступили в бой за гроб Христов. Человек, произносящий слово, должен был быть наместником Бога в земных делах; тот, кто велел людям обнажить меч, должен был быть тем, кто мог бы призвать их следовать за собой как за своим самым возвышенным лидером; призыв к Священной Войне должен был прозвучать на Западе, как это всегда было на Востоке, указом, исходившим от цезаря Августа. Но два меча столкнулись в гневе, два света засияли враждебным блеском; прошли дни, когда третий Оттон и пятый Григорий могли стоять бок о бок на подобном собрании; тот, кто сейчас обнажил меч по приказу римского императора, мог сделать это, только рискуя попасть под запрет часто изгоняемого римского епископа. Алексей Комненос, энергичный основатель энергичной династии, все еще не был Ираклием или Василием; но на Востоке император все еще был готов на своем месте заниматься своим делом; он не исчез в какой-то стране за горой Хемус и не оставил Патриарха, который признал, что он не выполняет вместо него первостепенный долг Империи.

На более поздних этапах борьбы крестоносцев короли и императоры римлян действительно внесли свой вклад; и величайший успех, одержанный крестоносцами со времен первого, выпал на долю императора, который больше, чем кто-либо другой, навлек на свою голову проклятия духовного Рима. Конрад ушел и вернулся; старший Фридрих погиб в походе; но второй Фридрих, единственный из императоров, единственный из европейских королей, пробился сквозь стены, за которые так долго боролись, и надел королевскую корону в городе Годфри и Давида. Сначала проклятый за то, что не пошел в крестовый поход, затем снова проклятый за то, что пошел, проклятый больше всего за то, что действительно выиграл приз в стольких битвах, король Салима был вынужден вернуться к традициям, более древним, чем Годфри, более древним, чем Давид; он должен был вернуться к царству Мелхиседека, возложить на свою голову корону, которую не возложила бы туда рука священника. То, что епископ Западного Рима стремился помешать императору Западного Рима получить самую благородную награду, которую получал любой император со времен Ираклия, показывает больше, чем любая другая история в истории, какая сила возникла в недрах Империи, чтобы вытеснить саму Империю. Король Франции, сын короля Англии, мог бы отправиться на теперь уже безнадежное дело; ни один император, ни один германский король, скорее всего, не отправился бы искать неверующих в восточных землях с памятью о Фридрихе перед глазами. Должен был наступить день, когда неверующие придут и будут угрожать императорам и германским королям в их собственном королевстве. Но прежде чем этот день настал, одному императору, сражавшемуся за последний осколок

могущества Рима на Востоке, предстояло завоевать своим падением такую славу, какой ни один император на протяжении веков не завоевывал своими триумфами. И даже в момент этого славного падения он был обречен показать, что епископы Западного Рима могут быть столь же смертельно опасны в своей дружбе с восточными цезарями, сколь они могут быть опасны во вражде со своими собственными суверенами, будь то на троне Карла или на троне Давида.

Я уже говорил о событии 1204 года, взятии Константинополя латинянами, как о точке, в которую мы должны поместить конец старой и нерушимой Империи Рима на Востоке. Поистине, на первое место среди преступлений и безумств зарегистрированной истории мы должны поставить подвиг знатных флибустьеров в одежде крестоносцев, которые вдребезги разбили древний оплот христианского мира и оставили лишь жалкие осколки, которые не могли не быть поглощены один за другим наступающими неверными. Люди с крестом на плечах, с мечами, освященными для служения вере, отказались от своего призвания создавать для себя царства за счет своих братьев-христиан и, таким образом, выполнять работу неверующего более тщательно, чем он когда-либо смог бы сделать это для себя. В начале XIII века пути восточных и западных императоров разошлись настолько, что соперничающие притязания греческих и германских представителей Рима вполне могли кануть в лету. Но у Западного Рима теперь был другой представитель, чьи притязания не могли угаснуть. Если ее император больше не стремился отстаивать свое право на владычество над миром, ее епископ всегда был готов заявить о своих правах. Людей Запады учили смотреть на христианский Восток как на раскольническую землю, которую нужно вернуть к истинному послушанию; их учили, что это достойное дело - свергнуть пасторов Восточных Церквей с их престолов и поставить на их место иждивенцев посягающего епископа Запады. Вассалы Рима в своем новом обличье, духовный Пруссий, духовный Ирод, должны были еще раз преподать урок рабства Греции и Азии, призвать все страны снова взиать на древний Рим как на судью, который один выносил решения, которые никто не мог оспорить. Действительно, в память о великом Иннокентии следует помнить, что Франк и венецианец обратили свои мечи против Константинополя, вместо того чтобы использовать их для защиты Иерусалима, не по его приказу, а в прямом неповиновении его строжайшему приказу. Не по его слову и не с его одобрения люди, призванием которых было спасать Храм Господень от неверующих учителей, осквернили церковь Божественной Мудрости так, как ни один неверующий учитель никогда не осквернял ее. Но Иннокентий без колебаний воспользовался преступлениями, которые он запретил, и расширил свое духовное владычество с помощью грабителей, которых он не смог оторвать от их грабительского дела. И вот разобщенный Восток, христианский мир, в котором христиане перестали быть братьями, стал легкой добычей для неверных, сильных в своем единстве, сильных под руководством самого могущественного рода князей, которым когда-либо принадлежало первенство азиатской, а ныне мусульманской стороны в Вечном Вопросе.

Ибо мы добрались до времен Османской империи. Европе и христианскому миру предстояло теперь сражаться с врагом более ужасным, чем Карфаген или Персия, более ужасным, чем сарацины Востока или Запады, более ужасным, чем гунны, авары, мадьяры или более ранние племена его собственного турецкого происхождения. Араб сократил Империю; но, сокращая Империю, он освободил ее от провинций, которые не были источником истинной силы, и тем самым он впервые дал ей часть жизни и энергии нации. Турок-сельджук завоевал земли, которые араб опустошил, но никогда не смог завоевать; но он завоевал их только тем, что

превратил в дикую местность. Он установил свой трон в Никею, но установил его там только для того, чтобы снова откатиться назад. Если римский султан когда-либо мечтал о том, что сам Восточный Рим будет принадлежать ему, то его мечта была из тех, что приходят от ворот из слоновой кости. Но видение Османа было видением провидца, которому было открыто будущее. Его и его дом нельзя было отбросить назад, пока они не воздвигнут владычество на христианской, на европейской земле, что с лихвой перевешивало отвоевание самых западных земель Европы у восточных хозяев. Османам предстояло стать тем, кем никогда не становился ни один другой из многих более ранних захватчиков его племени, - не просто мимоходом, но постоянным угнетателем христианских и европейских земель. Гунны и авары были отброшены назад или сметены с лица земли. Болгарин склонился перед христианским учением; он отбросил свою варварскую речь и слил свое национальное существо с национальным существом европейского народа. Магьяр сохранил свое имя и свой язык; но он проложил себе путь в сообщество христианского мира и Европы; только, к вящей потере народов Юго-Восточной Европы, его христианское учение пришло из Западного Рима. Монгол отправился в дальний поход по Европе и Азии, чтобы оттуда установить господство над самой отдаленной и наименее известной из европейских держав. Османам предстояло сделать нечто большее. Он должен был сделать то, к чему тщетно стремились араб и сельджук; он должен был занять свое место в самом Новом Риме. Более того, он должен был завоевать Новый Рим в качестве европейской державы и штурмовать его стены руками солдат европейского происхождения. Когда Магамет разбил свой лагерь перед Константинополем, он не был, подобно сарацинам, пришедшим до него, в образе повелителя Азии, вторгшегося в Европу; он пришел как человек, чье обширное господство на европейской земле долгое время ограничивало римский мир в том уголке Фракии, который он держал почти как последний кусок для поглощения. Завоеватель Константинополя пришел как человек, который уже правил на Дунае, но еще не правил на Ниле или Евфрате. И он пришел как человек, который знал, как привлечь к своей службе отборный ум и сильнейшее оружие всех земель от Дуная до Пропонтиды, а также земель от Пропонтиды до Галиса. Институт янычар, это самое жестокое ответвление мудрости змея, обратил силу каждого покоренного народа против него самого и превратил тех, кто должен был быть избавителями от угнетения, в самые надежные орудия угнетателя. Крепостные стены Константинополя штурмовали воины греческой, славянской и албанской крови; владениями хозяев Константинополя управляли государственные деятели европейского происхождения, некогда исповедовавшие христианскую веру; будь то человеческие жертвы, похищенные в детстве, или низшие отродья, которые тогда, как и сейчас, продали свои души за наемничество варваров. На всех бесконечных этапах решения Вечного Вопроса силы зла еще никогда не изобретали такого оружия, как это, удерживающего народы в рабстве руками самых отборных представителей их собственной плоти и крови.

Я хотел бы спросить, много ли среди тех, кто меня окружает, тех, кто помнит, что этот день, в который мы собрались вместе,^[1] - годовщина самого мрачного дня в истории христианского мира. Двадцать девятое мая, день, который так долго и так странно почитался среди нас как день рождения и возвращения Карла Второго, несет в себе в других странах память о событиях, имеющих большое значение в мировой истории. Это день падения Восточного Рима, день рождения мученика ее последнего императора. Именно в этот день варвар впервые воссел на трон цезарей, неверный впервые водрузил знак Антихриста на самый славный из христианских храмов. С этого дня христианский Восток пребывает в трауре, в трауре по дому своей Империи, по святому месту своей веры. В такой день, как этот, не должен звучать гимн радости, а

печальная мелодия еврейского певчего, который видел день не менее мрачный: “О Боже, язычники вступили в наследие Твое; они осквернили святой храм Твой и превратили Иерусалим в груды камней”. Но для евреев были назначены семьдесят лет только скорби; наше пленение — ибо пленение Восточного Рима есть пленение всего христианского мира — длится уже четыреста два с половиной года, как и по сей день. Сейчас, как и тогда, варвары сидят лагерем, как истощающая орда, в прекраснейших регионах земли; сейчас, как и тогда, исповедание христианской веры влечет за собой постоянное мученичество народов на их собственной земле. И еще тяжелее мысль о том, что многим в христианских странах нравится, когда это так. Мы ежедневно слышим странный урок о том, что “британские интересы”, “имперские интересы” — возможно, интересы ростовщика, выжимающего из жизни кровь своей жертвы, — требуют, чтобы мы делали все, что в наших силах, чтобы продлить правление угнетателя, продлить рабство угнетенных. Мы видели странное зрелище английских государственных деятелей, радующихся, как какому-то достойному деянию своих рук, тому, что они вернули под власть султана, то есть в рабство неверующих чужеземцев на их собственной земле, мужчин, женщин, детей, для которых мечи людей более достойных, чем они, принесли освобождение. С таким позором, как этот, совершенным в наши дни, мы едва ли можем повернуться и бросать камни даже в людей Четвертого крестового похода. Они, по крайней мере, согрешили по человеческим мотивам своей собственной вины; это то, для чего не может быть найдено никаких человеческих мотивов, когда люди радуются горестям беспомощных стран, которые после проблеска света свободы снова были низвергнуты в ночь рабства, которую этот короткий проблеск света сделал еще более черной.

Итак, давайте вспомним, когда наш рассказ подводит итог истории Восточного Рима, что как бы в только что прошедшую ночь под куполом Святой Софии было совершено последнее христианское богослужение, что как бы при утреннем свете этого самого дня последний Константин занял свой пост у ворот Святого Романо, чтобы умереть, когда умереть было все, что он мог сделать для своей Империи и своей веры. И все же есть одна мысль, которая бросает тень на конец героя и его могущество. Последнее христианское богослужение под куполом Святой Софии было богослужением, совершаемым по иностранным обрядам, богослужением, от которого люди христианского Востока шарахались, как от скверны. Призрачная власть Западного Рима так далеко распространила свою тень на все земли, что временную помощь Запада можно было получить только, или, скорее, только обещанную, но никогда не полученную, изменой старым религиозным традициям Востока. Это был самый яркий момент в памяти наших отцов, момент, равного которому нет в нашей собственной памяти, когда три великие державы Востока и Запада, представляющие три великие расы Европы, три величайших подразделения христианского мира, православную Россию, католическую Францию, протестантскую Англию, сражались бок о бок, чтобы сокрушить власть варваров в великий день Наваринской битвы.

От последнего европейского выживания Восточного Рима — никогда не забывайте, что более прочное выживание все еще сохранялось некоторое время в Азии — давайте обратимся к другой державе, на которую мы теперь можем смотреть не более чем как на выживание, последнее прямое выживание Западного Рима. От Константинополя давайте обратимся к Вене, от Палеолога к Габсбургу, от последнего Константина к первому Леопольду. В течение двухсот тридцати лет продолжался поток османских завоеваний; наконец-то его нужно было

остановить. Турок появился, как он уже появлялся, перед тем, что мы теперь, возможно, должны назвать Имперским городом Запада. Но его жизнь отличалась от той, что была у него до прихода в Имперский город Востока. Он добрался до Константинополя; он не мог пробиться в Вену. Он пробрался в Константинополь по трупу убитого императора; из Вены его отбросили, но отбили его не рукой Императора. Ни один король другой страны не пришел на помощь Константину; король другой страны действительно пришел на помощь Леопольду. Константин пал от меча врага, который был слишком силен для него; Леопольд нашел помощника, который был сильнее своего врага, и посвятил все усилия императорскому разуму, чтобы выяснить, насколько малой жертвой императорского достоинства он мог бы отблагодарить человека, спасшего его трон и жизнь. Вена была спасена для христианского мира; она никогда не разделяла судьбу Белграда и Буды. Но ее спас меч Раба, меч поляка. Посмотрим на сто лет, и долг будет выплачен сполна. Польша вычеркнута из списка наций, а дом, который спас поляк, получает свою долю добычи своего избавителя.

Я закончил свой рассказ о Риме, мой рассказ о Риме в его многочисленных формах и стадиях, о последних слабых остатках его могущества, о еще более странных остатках его простого стиля. Я должен встретиться с тобой еще раз, прежде чем год, поскольку годы в этом месте считаются, подойдет к концу. Поскольку я начал с рассказа о мире, в котором Рим еще не поднялся, я должен закончить рассказом о мире, из которого Рим ушел.

ЛЕКЦИЯ VI. МИР БЕЗ РИМА.

Во вступительной лекции этого цикла я сказал, что одной из самых замечательных особенностей эпохи, в которую мы живем, эпохи, которая, несомненно, займет свое место во Всемирной истории грядущих времен как одна из самых запоминающихся эпох, является то, что в мире нет Рима. Я также сказал, что эта особенность самого нового времени является, в силу одного из великих циклов истории, особенностью, которая возвращает нас к самым ранним дням европейской жизни. Мир, из которого ушел Рим, имеет нечто общее с миром, в котором Рим никогда себя не проявлял. У него есть нечто общее с ней, чего у него нет с более поздними эпохами, в течение которых Рим, в той или иной форме, под той или иной формой влияния, был признанным центром всех европейских и христианских земель. Но это одна из тех многих истин, которые могут быть поняты только теми, кто смотрит на европейскую историю в целом и кого не уводят в сторону обманчивые голоса, которые учат их, что тот или иной фрагмент непрерывной истории может быть освоен сам по себе, отдельно от других актов единой драмы. Тот, кто закрывает свои книги, и тот, кто открывает их в любой произвольный момент долгой истории Рима, одинаково отстранены от любого истинного представления о месте Рима в мировой истории; они отстранены от понимания разницы между эпохой, в которой Рим существует, и эпохой, в которой Рима нет. В их глазах тот факт, что в мире нет рима, не покажется им чем-то чудесным, чем-то особенным, потому что они никогда не смотрели испытующим взглядом на

эпохи, в которые мир был иным. Такой человек никогда не увидит, что величайшей чертой современности, чертой, достигшей своего расцвета во времена, в которые мы сами живем, является отсутствие какого-либо такого центра, вокруг которого так долго собирался мир. И если он не увидит, что в мире нет цыган, то еще меньше он увидит, что даже мир без цыган не такой, как если бы Рима никогда не было. Рим все еще вечен в своем влиянии; по правде говоря, мир на протяжении веков был настолько пропитан римскими влияниями, что эти влияния перестали быть римскими. Но Рим, как видимый и признанный центр, ушел в прошлое. Неразделенный мир больше не смотрит на единый Рим как на своего единственного несомненного главу. Разделенный мир больше не смотрит на Восточный и западный Рим как на несомненных глав половины цивилизованного мира. Рим, имеющий значение в любом из своих местопребываний, стал тем, чего больше нет. Молодой Рим ушел от нас, чтобы стать добычей варваров. Старейшина, волею судьбы одновременно более и менее обнадеживающей, стал местной столицей единственного европейского королевства. У младшей, в ее нынешнем бедственном положении, больше надежд на будущее. Сами ее угнетатели в некотором роде придерживались ее традиций; они удерживали ее на ее старом месте в качестве главы чего-то большего, чем просто местное царство. У нас гораздо больше шансов увидеть, как христианский Константинополь снова вступит в свое старое наследие в качестве главы Восточного христианского мира, чем увидеть, как земли Запада снова признают главенство древнего Рима у Тибра. Род ее цезарей прерван, прерван, мы можем быть уверены, навсегда. Ее понтификам не хватает мудрости, чтобы понять, насколько повысилось их вселенское положение благодаря освобождению от оков местного суверенитета. Но для того, кто начинает с середины или с конца, для того, кто останавливается на середине - для того, кто под влиянием любой ошибки не посвятил свой разум тому, чтобы охватить всю историю от царствования на Палатине до царствования на Квиринале, — вещи, которые делают наш век таким чудесным, лишены смысла. Тот, кто тщетно мечтает, что он лучше поймет свое время, начав свою историческую работу со времен, непосредственно предшествовавших им, — тот, кто прислушивается к лживым заклинателям, которые советуют ему искать, возможно, исторических почестей, но уж точно не исторических знаний, предпочитая кричащий блеск какого-нибудь шестого или седьмого периода солидным работам своего Грегори или своего Эйнхарда, — он обнаружит — нет, он никогда не узнает достаточно, чтобы выяснить, — что нет королевской дороги к знанию даже его собственного времени. Его наказанием будет то, что он будет жить в эпоху, столь же странную и запоминающуюся, как и все, что было до этого, и не знать, в какую странную и запоминающуюся эпоху он живет.

Итак, мы живем в век без Рима, и для тех, у кого есть глаза, чтобы видеть, это одно из главных чудес нашего века, что в нем нет Рима. Но в наш век нет Рима, потому что мы живем в мире, из которого исчез Рим; те далекие века были без Рима, потому что Рим еще не достиг того места, которое предназначила ему судьба мира. Положение этих эпох в общей истории Европы было темой первой лекции этого курса шесть недель назад. В этой лекции и в следующей за ней я стремился показать, как Рим, медленно поднявшись на первое место на Западе, внезапно ворвался в гущу другой политической системы, системы королевств и содружеств, которая во многих отношениях была предшественницей политической системы мира, в котором мы сейчас живем. И мы можем вернуться еще дальше назад, к тем временам, когда Рим был так далек от того, чтобы быть главой мира, что его имя едва ли могло быть известно в мире. В результате одного из странных циклов истории мы, живущие в обширном мире современности, мире континентов и океанов — ничто так не демонстрирует его необъятность, как то, что мы

вынуждены образовывать множественное число от этого последнего первобытного названия, — в некоторых моментах вернулись к состоянию тех, кто обитал в узком мире древнейших времен, маленьком мире островов, полуостровов и внутренних морей. Мы вернулись к положению вещей, которое было не только до того, как Рим стал править народами, но и до того, как македонские королевства и греческие конфедерации лишили права каждый отдельный город на своем холме или острове действовать как суверенное государство в мировых делах. Каждая нация сейчас, как и каждый город тогда, делает то, что правильно в ее собственных глазах. Нация сейчас, как и город тогда, может быть отстранена от осуществления присущих ей полномочий из-за страха перед физической силой какого-нибудь более могущественного соседа. Но нации сейчас, как и города тогда, не признают никакого общего центра законного правления, никакой власти, которая могла бы говорить со всеми с авторитетом более высоким, чем авторитет физической силы. Из нашего века ушло великое видение Монархии Данте, и мы так далеко вернулись к состоянию эпох, перед глазами которых это чудесное видение никогда не проявлялось. Лучшим свидетельством этого факта является признанная важность и трудность доктрины международного права. Никогда еще не было такой необходимости, как сейчас, иметь систему правил, которыми ряд независимых держав признали бы себя связанными. Никогда еще не было так сложно обеспечить соблюдение этой системы правил с помощью каких-либо практических санкций. Возможно, самый простой способ состоит в том, чтобы слабое государство считалось обязанным строжайшим соблюдением всех международных норм в своих отношениях с более сильным, но чтобы более сильное считалось освобожденным от подобной педантичной скрупулезности в своих отношениях с более слабым. Воображаемое оскорбление, нанесенное, например, Грецией, рассматривается как требование унижительного искупления, которого, конечно, не потребовали бы в аналогичном случае от Германии. Но самый тонкий юрист-международник не смог изобрести никаких средств, за исключением последнего аргумента, для того, чтобы образумить великую державу, которая, выражаясь деликатно, строит свою собственную конструкцию на основе международных правил и настолько полностью убеждена в истинности этой конструкции, что отказывается подчинять их толкование решению любого арбитра. Так было в те дни, когда цивилизованный мир был ограничен независимым государством Греция. Теоретически считалось, что определенные правила или обычаи связывают каждое греческое государство в его отношениях с любым другим греческим государством. Определенные действия, которые считались законными, если совершались по отношению к варварам, считались незаконными, если совершались по отношению к соотечественникам-грекам. Такие правила по существу ничем не отличались от Международного права современности. Существует просто словесная трудность в применении этого названия к древнегреческому миру, трудность, возникающая из-за того факта, что при нашем нынешнем положении вещей нации заняли место городов. Но в греческих городах было точно так же трудно найти одобрение благотворным правилам, установленным греческой традицией или религией, как и сейчас найти подобное одобрение. Не было общей мирской власти; вряд ли мы можем сказать, что существовала общая духовная власть. Амфикионический совет имел лишь слабые притязания даже на последнее положение; его постановления практически ничего не значили, если только какое-нибудь могущественное государство не бралось выполнять их в своих собственных целях и не требовало взамен определения того, какими они должны быть. Во времена великой Пелопоннесской войны мы вообще не слышали об амфикионах. Тогда и позже Афины, Спарта, Фивы могли в свое удовольствие шутить с правами более слабого города, при условии лишь, что какой-нибудь другой из более сильных городов сочтет, что отстаивание прав более слабого отвечает его

интересам. Теоретически каждый греческий город имел равное право на независимость; но Мессене, Скионе и Платайя почувствовали, как иногда трудно отстаивать это право. Международный договор, высеченный на камне, стоил мало, амфикинический указ стоил еще меньше, когда у могущественного и амбициозного города были другие цели для выполнения. Такой договор, такой декрет стоил примерно столько же, сколько соглашение современного европейского конгресса, когда он обязуется обеспечить свободу Эпейроса и хорошее правительство Армении. Голос какого-нибудь одного властного города, скажем, Спарты, поддержанный волей Великого царя, значил гораздо больше. Расцвет македонской державы под руководством двух знаменитых князей на короткое время дал греческому миру центр и главу. Международное право или его заменители мало что значили, когда Александр, разгоряченный азиатскими завоеваниями, разослал письма во все города Греции с просьбой вернуть их изгнанников. Но когда Македонское царство снова стало лишь одной державой среди многих, старое положение вещей вернулось с необходимыми изменениями. Мир Греции больше не был миром одних только городов; это был мир, в котором все города, королевства и конфедерации играли свою роль, мир, в котором дипломатия была в полном разгаре, в котором восточные моря Европы постоянно пересекались посольствами, пересекавшими друг друга в своих бесконечных плаваниях ко двору того или иного правителя, на ассамблею той или иной конфедерации. Именно в этот напряженный мир сложных международных отношений мощь Рима ворвалась подобно удару молнии. Все сразу изменилось. При Римском мире, действительно, задолго до того, как Римский мир был официально установлен, как только Рим по общему согласию стал арбитром средиземноморского мира, у международного права оставалось мало возможностей продемонстрировать свою силу или слабость. Некоторое время независимые державы цивилизованного мира принимали как закон любые постановления, которые самый могущественный из них, Римский сенат, считал нужным издавать в каждом конкретном случае. По мере того как королевства превращались в провинции, а независимые города - в муниципалитеты, закон единого государства, в субстанцию которого они были в некотором роде включены, становился непосредственным законом всего цивилизованного мира, с мощью цезаря Августа в качестве санкции. Между Римом и Парфией все еще могло существовать *jus gentium*; для решения таких вопросов, которые могли возникнуть в Антиохии, Гадесе или Эбораке, существовал только закон римского города, пригородами которого стали все остальные города.

Пока существовала хоть тень римского могущества, теория о том, что в Риме существовало центральное судилище для всего мира, никогда не была полностью забыта. Поскольку Восток и Запад стали не только разделенными, но и враждебными, поскольку Западный понтифик во многих целях занял место Западного императора, народы обратились к церковному, а не к Императорскому Риму в качестве общего судьи. И все же в любом случае заговорил Рим; мир, по крайней мере Западная Европа, все еще признавал центр на Тибре, хотя этот центр, возможно, переместился из Реги и Септиз-ониума в Латерану и Ватикан. Мир, центрами которого были Латеране и Ватикан, в настоящее время был прерван духовным бунтом. И этот духовный бунт в значительной степени определялся национальными различиями. Как Восточная Европа, греческая и славянская Европа, никогда не признавала духовного господства Западного Рима, так и теперь Тевтонская Европа отбросила это господство в сторону. Нации, которые раньше, вопреки воле императоров, отстаивали свою независимость в мировых делах, теперь отстаивают свою независимость не в меньшей степени и в области духовного бытия человека. Римская церковь оставалась, подобно Римской империи, державой

могущественной и почтенной, но властью, ограниченной, если не рамками одной нации, то, по крайней мере, рамками группы наций, тесно связанных историей и речью. Как существовала Священная Римская империя Германской нации, так и теперь существовала Священная Римская церковь латиноязычного народа. В одном важном моменте мы действительно можем сказать, что диапазон новой римской власти сузился еще больше. Было время, когда римское епископство со всем, что несло с собой римское епископство, было, как на практике, так и в теории, открыто для людей всех наций, признававших духовную власть Рима. Теперь, хотя ни один закон не запрещает избрание папы римского от любой нации, на практике выбор выборщиков долгое время ограничивался мужчинами итальянского происхождения. Эту привилегию действительно можно рассматривать как своего рода сохранение или возрождение местного римского господства; более верно, это возврат к тем дням, когда еще не было духовного господства Рима. Это возврат к временам, когда Римская церковь, все еще будучи поместной церковью, хотя и первой из поместных церквей, естественно, искала своих руководителей среди своих собственных членов. Но поскольку это отступление в любом смысле, это отступление в форме, более подходящей для более поздних времен; здесь нация снова занимает место города; Италия занимает место Рима. Короче говоря, Римская церковь, все еще теоретически сосуществующая с миром, когда-то действительно сосуществовавшая с Западной Европой, сжалась до тела, в основном латинского, с головой, исключительно итальянской. Действительно, только в широком и обобщающем смысле мы можем принимать такие утверждения, как то, что латинские народы подчинились Риму, в то время как тевтонские народы отпали. То, что существует множество исключений, не нуждается в доказательствах. Очевидно, что Римская церковь все еще может похвастаться немалым количеством тевтонских и славянских подданных. Не менее очевидно, что кое-где, хотя и в меньшем количестве, есть люди, говорящие на латыни, как на Востоке, так и на Западе, которые не являются ее подданными. Тем не менее, общее положение тем не менее верно в своем общем смысле. Оно отмечает, по меньшей мере, общие тенденции, которые протекают определенным образом везде, где нет особых причин, препятствующих им. Если мы внимательно рассмотрим каждый исключительный случай, мы часто увидим какую-то особую причину, обычно какую-то политическую, которая объясняет аномалию. Мы можем отметить далее, что по мере того, как Империя становилась все более чисто немецкой, а папство - все более чисто латинским, старая вражда между империей и папством прекратилась. Австрийским императорам, католическим правителям Империи, в основном протестантской, не приходилось вести с Римским престолом такой войны, какую вели франконцы и швабы. Но поскольку и империя, и папство оказались таким образом заключены в узкие и определенные рамки, ни то, ни другое больше не могло действовать как общий центр, даже для западных земель. К лучшему это или к худшему, но мир вернулся к прежнему положению вещей. Вместо единого Рима как признанного главы всего, вместо двух соперничающих Римлян, каждый из которых претендует на главенство в своей половине цивилизованного мира, теперь каждая нация, как и раньше, была открыта для каждого города, может делать, насколько это возможно, то, что правильно в ее собственных глазах. Каждая нация сейчас, как и каждый город тогда, может играть роль Рима на те годы или на те мгновения, в течение которых она может сохранять достаточно физических сил, чтобы играть эту роль.

Таким образом, новейшие времена на самом деле являются возвратом к древнейшим временам, с той разницей, что место городов заняли нации. Два мастера истории более поздних времен указали на тесную аналогию между взаимоотношениями городов древней

Греции и народов современной Европы. Этот урок был преподан нам во всей полноте как Арнольдом, так и Гроте. Вряд ли в компетенцию обоих мастеров входило указывать на то, насколько действительно сходство является циклом, как более позднее состояние вещей является возвратом к более раннему, после существования в течение многих веков состояния вещей, совершенно непохожего ни на то, ни на другое. Вряд ли их просили останавливаться на причинах, вызвавших это возвращение к более раннему положению вещей, или на причинах, которые вызвали это возвращение, поскольку каждое возвращение к более раннему положению вещей должно быть возвращением лишь частичным, возвращением, в значительной степени измененным событиями, которые произошли за это время. Этого было достаточно, чтобы они провели аналогию. И эта аналогия является достаточным ответом для тех ничтожнейших из ничтожеств, которые добиваются аплодисментов полуобразованной аудитории, заявляя о бесполезности изучения институтов “мелких государств” и спрашивая, чего можно добиться, зная о битвах, которые велись две тысячи лет назад. Замена города нацией является, с одной стороны, частью процесса, который мы можем для наших целей назвать физическим ростом мира. Мир, в котором мы живем, физически намного больше, чем первый цивилизованный мир древней Греции, намного больше, чем гораздо более обширный средиземноморский мир Рима. То, чем когда-то были Эгей и его пограничные земли, то, чем когда-то было Средиземное море и его пограничные земли, Океан и его пограничные земли, его пограничные земли, раскинувшиеся на стольких континентах и островах, стали сейчас. Никто не должен быть более готов, чем студенты, изучающие политическую историю, приветствовать каждое современное научное изобретение. Открытия, которые зашли так далеко, что уничтожили расстояние, должны вызывать нашу глубочайшую благодарность. Но мы, возможно, благодарны за них по другим причинам, отличным от тех, за которые их ценят их собственные изобретатели; мы, безусловно, благодарны за них по другим причинам, отличным от тех, за которые их ценят те, кто хвастается бесполезностью даже знаний о временах, когда эти изобретения были неизвестны. Пароход, железная дорога, телеграф - это полезные и необходимые институты; они полезны и необходимы для того, чтобы помешать интеллектуальной и политической жизни человека быть подавленной простым физическим расширением. Они позволяют Англии наших дней приблизиться к Афинам Перикла, чем к Англии столетней или пятидесятилетней давности. Они позволяют Соединенным Штатам Америки, раскинувшимся по миру шире, чем любая эпоха Римской империи, существовать как свободная и сплоченная Конфедерация, истинный брат древней Ахайи, запертый в пределах Пелопоннеса. Они необходимы в эпоху, когда нации заняли место городов, чтобы они могли сделать нации действительно политическими равными городам. Возможно, вам снова, некоторым из вас, доведется услышать, как какой-нибудь мелкий болтун насмехается над мелкими государствами, несведущими в великих открытиях естествознания. Скажите ему, что высшим применением открытий естествознания было поднятие больших государств до политического уровня малых.

Причин, приведших к замене городов нациями в современном мире, много, гораздо больше, чем я могу попытаться рассмотреть в этой лекции; но немало из них тесно связаны с главной темой этого курса - состоянием Европы на ее трех великих этапах: до Рима, при Риме и после Рима. Я давным-давно определил современную историю, если эта формула вообще имеет какой-либо смысл, как историю тех времен, в которых тевтонские и славянские народы занимали ведущее место. Среди обеих этих рас тенденция смотреть на город как на

естественный центр социальной и политической жизни всегда была гораздо менее развита, чем среди южных народов. Мы можем сказать, южные народы в целом; ибо если наивысшее развитие городов принадлежит Греции, то оно также очень сильно развито в Италии — пусть Рим и Капуя являются свидетелями; и если рост городской жизни был гораздо менее совершенным у галлов и иберов, чем у греков и италиков, все же галлы и иберы, несомненно, приблизились к нему ближе, чем рабы или германцы. Причины этого различия, подробные формы, в которых это различие проявляется, если я вообще когда-нибудь буду говорить о них, я должен буду рассказать как-нибудь в другой раз, и, в конце концов, они, возможно, скорее относятся к области антропологии Читателя, чем ко мне. Для данной цели мы можем просто принять этот факт. Возьмем высший тип каждого класса. Греческое политическое общество начинается с города; отдельные города могут быть объединены в конфедерации. Тевтонское политическое общество начинается с племени; отдельные племена могут сливаться в нации. Я использую слово *группа* в одном случае, слово *сплав* в другом, потому что в тевтонском случае объединение произошло гораздо более универсально и было гораздо более совершенным, чем в греческом случае. Мы должны еще раз взглянуть на старую свободную Элладу, до роста Рима, до роста Македонии. Его идеал - совершенно независимый город; только опыт более поздней эпохи приводит города к объединению в конфедерации. Этот процесс носит в некотором роде вынужденный характер; мы можем быть уверены, что Сикион и Коринф никогда бы ни на йоту не отказались от своей совершенной отдельной независимости по какому-либо меньшему мотиву, чем необходимость объединения городов, которым пришлось бежать или сбросить македонское господство. Тевтонская политическая единица, племя, или как там мы называем группу поселенцев, занимающих *шир* или *га*, занимает другое положение. Соседние и родственные племена объединяются в нацию — поначалу, скорее всего, они объединяются в какую-то группу, большую, чем племя, и меньшую, чем нация, - с гораздо большей легкостью, чем греческие города объединяются в конфедерации. Некоторые из причин очевидны. Город по природе вещей обладает более отчетливым и постоянным политическим бытием, чем простой район, простое пространство на карте. Два графства могут быть физически объединены в одно, и объединение в одно не влечет за собой какого-либо необходимого политического подчинения одной части нового целого другой. Два города редко могут быть физически объединены в один; политический союз двух городов неизбежно более несовершенен, чем политический союз двух округов, и их вообще трудно объединить, не придавая определенной степени превосходства одному над другим. Опять же, склонность племени, кочующего или осевшего в своем районе, заключается в главенстве личного вождя, наследственного или выборного; если собрание является органом племени, то главой является герцог, судья, олдермен. Тенденция города, будь то аристократический или демократический, состоит в том, чтобы использовать лишь временных магистратов, которые в том же смысле не являются главами ни города, ни его собрания. Два или более герцогов или олдерменов могут уступить место одному королю, или они могут продолжать исполнять свои обязанности при общем короле, без особого ущерба для конституции и привычек страны и ее народа. Ассамблея расширенного округа - это просто объединение отдельных ассамблей двух округов. Объединить ассамблеи и магистратуры двух отдельных городов в одно отнюдь не так просто. Записано, что такая попытка однажды была предпринята в исторической Греции; Коринф на некоторое время, не очень надолго, объединил свое отдельное существование с Аргосом; но вскоре Аргос и Коринф снова стали отдельными и независимыми городами. В нашей стране процесс, посредством которого великие королевства англов и саксов были объединены в единое королевство Англия, прекрасно известен; мы ничего не знаем о деталях процесса, посредством

которого эти семь или восемь великих королевств, эти три особенно великих королевства, постепенно образовались путем объединения более ранних и мелких поселений. В большинстве случаев мы можем видеть, что такое объединение действительно имело место; мы даже можем видеть, что процесс объединения принимал разные формы в одном царстве и в другом; но детали скрыты от нас. Одной из причин нашего невежества среди многих вполне может быть то, что процесс был постепенным и легким и не нес с собой больших немедленных изменений. Нам не нужно предполагать, что союз Уэссекса или Мерсии был заключен в результате серии вероломных убийств, подобных тем, которые объединили всю франкскую нацию под властью Хлодвиг. Но легкость, с которой Хлодвиг смог искоренить всех других франкских королей, кажущаяся доброжелательность, с которой он был принят как король каждой частью нации, показывает, что процесс был легким. Даже если это было сделано силой, это не повлекло бы за собой никакого особого зла, кроме силы, с помощью которой это было сделано. Рипуарцы действительно ничего не потеряли, приняв салианского короля.

В более позднее время во многих странах произошел противоположный процесс. Галлия и Германия после очень близкого приближения к объединению, Италия после приближения гораздо более отдаленного, снова разделились на множество государств, практически, если не формально независимых. Все еще сохраняющаяся теория Империи запрещала ни вольному городу, ни герцогству, ни графству проявлять ту общепризнанную независимость, которая принадлежала каждому свободному греческому городу, каждому варварскому королевству в те дни, когда еще не было Империи. Но практически города и княжества прибрали к рукам все полномочия независимых государств, вплоть до ведения войны со своим сюзереном. В Галлии действительно, помимо раздела земель между герцогами и графами, произошло отделение самой земли от тела империи. Как поет немецкий поэт;

“Et simul a nostro secessit Gallia regno,

Nos priscum regni morem servamus, at illa

Jure suo gaudet, nostræ jam nescia legis.”

В той части Галлии, которая позже стала Францией, мы могли бы даже сказать, что нация формировалась и раскалывалась на части в один и тот же момент. Трудно отличить процесс, посредством которого дом Роберта Сильного стал герцогами французскими, от процесса, посредством которого они стали королями Франции. В любом случае мы видим, что слово *Franci* теперь означает, по крайней мере, к западу от Маэ и Соны, нечто совсем не похожее на то, что оно означало во времена Хлодвиг. Новая нация, нация, сформированная из трех элементов, *народ французов*, нация, которая все еще сохранила на латыни название старых тевтонских франков, быстро формируется. Его язык формируется; в Северной Галлии существует *lingua Romana*, которая, как считается, стала отличной от *латинского* языка книг, который вскоре будет отличаться от других форм *lingua Romana* в Италии, Испании и Южной Галлии. Есть французский народ, говорящий на французском языке. Но нация, хотя и формируется, раскалывается на части. В тот самый момент, когда герцогство Франция превращается в королевство Франция, от него отпадает множество более мелких герцогств и графств. По самой странной случайности герцогство расчленяется из-за скандинавских поселенцев. Можно было почти ожидать, что их приход вызовет к жизни ослабевающий тевтонский элемент в Галлии. По

правде говоря, новоприбывшие с Севера, сохранив всю свою природную энергию, стали приверженцами французской речи и французской культуры; и именно с их помощью возникло французское королевство. Таким образом, сформировалась типичная романская нация, которая сама по себе является нацией в самом строгом смысле этого слова, хотя с тех пор она многое сделала для поглощения и ассимиляции частей других наций на своих границах. И все же мы, возможно, можем увидеть в росте французской нации, по крайней мере по сравнению с Англией и Скандинавией, некоторое влияние городской жизни более южных земель. Нация разрастается вокруг города так, как этого не делала ни одна тевтонская нация; Париж является центром, более того, колыбелью Франции в том смысле, в каком нельзя назвать ни один главный город какой-либо тевтонской земли. Другие города, древние главы племен, сохраняли главенство над округами, носившими их названия, которые никогда не принадлежали городам Англии. Когда мы выезжаем из Франции в Южную Галлию, мы обнаруживаем иное положение вещей, положение вещей, приближающееся к тому, которое можно наблюдать в Италии, положение вещей, гораздо более напоминающее древнее государство Южной Европы. В обеих странах города, хотя и не формирующие, как в древней Греции, всей политической жизни страны, являются заметным элементом; в Италии они являются преобладающим элементом. По мере того как власть императоров постепенно угасала в их королевствах Италии и Бургундии, страна распалась на множество практически независимых государств, среди которых наряду с княжествами снова играли свою роль свободные содружества. На величии итальянских городов мне нет необходимости сейчас останавливаться; но важно помнить, во-первых, что, хотя история городов является самой блестящей и наиболее привлекательной частью средневековой итальянской истории, все же города никогда не распространялись по всей стране, как это было в древней Греции; во-вторых, что политические явления Италии проявляются, хотя и с меньшим блеском и в течение более короткого времени, в соседних землях Галлии. Прованс, земля, когда-то так глубоко тронутая греческим влиянием, на какое-то время обладала общим богатством не меньшим, чем Ломбардия. Массалия, которая бросила вызов могуществу цезаря, снова бросила вызов могуществу Карла Анжуйского и обнаружила, что француз гораздо более жестокий завоеватель, чем римлянин. Аквитания, другая страна языка ок, если и не столь отчетливо республиканская, как Прованс, все же выделяется на фоне Франции как страна гражданского роста и гражданских привилегий. Важность и независимость городов растут по мере того, как мы отправляемся в путешествие на юго-восток через Англию, Францию, Аквитанию, Прованс и Италию.

Мы противопоставляли города нациям; но определить город легче, чем нацию. Я думаю, мы можем сказать, по крайней мере для нашей цели, что идеальная нация достигается тогда, когда все носители одного языка на непрерывной территории объединяются в единое политическое целое, в которое не входят носители других языков. Короче говоря, у нации должно быть единство слова и единство правительства. Было бы трудно найти нацию, которая в точности соответствовала бы этому определению, но чем ближе политический орган соответствует ему, тем ближе он, несомненно, подходит к высшему типу нации. Я думаю, что когда мы находим что-то еще, когда мы находим людей, говорящих на нескольких языках при одном правительстве, или людей, говорящих на одном языке при нескольких правительствах, мы инстинктивно спрашиваем причину. Причина может быть веской, а может и нет; но мы не можем не спросить о причине; на первый взгляд, это аномалия. В настоящее время свободные города, при всех их достоинствах, являются величайшим из всех законных препятствий национальному единству. Я говорю о законных препятствиях, о препятствиях, которые возникают сами по себе и о которых

есть что сказать в свое оправдание, в отличие от препятствий, вызванных внешней и несправедливой силой. Итальянское единство было невозможно до тех пор, пока Милан и Венеция были отделены от итальянского тела грубой силой Австрийского дома; но итальянское единство было не менее невозможно в те дни, когда Милан и Венеция — Милан на мгновение, Венеция на века — играли роль в мировых делах как независимые государства. Италия, страна вольных городов, во многом потому, что она была страной вольных городов, была из всех земель Европы той, которая наиболее основательно раскололась на части, той, которая наиболее основательно стала, по хорошо известным словам ее врага, простым географическим выражением. Германия в дни своего наибольшего разделения все еще была далека от того, чтобы быть разделенной так сильно, как Италия. За исключением нескольких лет французского господства, ее князья и города всегда поддерживали какие-то взаимоотношения друг с другом. В Германии всегда была национальная диета, в Италии ее не было.

Итальянская нация наконец-то объединилась в наши дни, и мы все радовались ее объединению. И все же нам может быть позволено усомниться в том, что объединение не было чересчур быстрым и чересчур тщательным. Несомненно, это слишком далеко заходит в единстве, чтобы стереть все следы независимого существования, для большинства целей стереть само название такой земли, как Сицилия. Нас поражает тот факт, что, в то время как Ирландия, по крайней мере, является частью королевского стиля своего суверена, Сицилия больше не является даже географическим выражением. Островное королевство Роджера превратилось в семь провинций королевства на материке. И есть еще один результат итальянского единства, результат, которому мы можем радоваться без каких-либо недостатков, но который все еще вызывает некоторую грусть по поводу того, что наконец-то закончился тот великий этап истории Европы, с которым мы все это время имели дело. Никогда еще связи с прошлым не были так сильно разорваны, как когда итальянская армия вошла в освобожденный Рим. Из всех новшеств в европейской истории величайшим было то, что Рим стал центром доминиона с признанными метрами и границами, если не считать местного итальянского королевства. "Рим - столица Италии" - это была формула, которая вполне могла бы порадовать наши сердца; но это была формула, которая формально отметала "вселенское положение", "вселенские традиции" Рима. До того дня сохранялась какая-то тень ее вселенского положения. Под светской властью своих епископов она действительно была светской столицей, но не всей Италии, а ее части. Но временное главенство части не уничтожило вселенское положение, как это делает временное главенство целого. Рим был не просто главой Папской области; Папская область была чем-то, что ее епископы считали временным придатком к своему положению епископов вселенского города. Но Итальянское королевство - это не придаток Рима; Рим - глава королевства. Целое больше своей части; Рим по своей собственной воле и по свободной воле Италии стал меньше, чем Италия. Став добровольно главой итальянского королевства, она формально отбросила свои имперские традиции, как они не были отброшены, когда грубая сила сделала ее главой французского департамента. Освобождение 1870 года стало официальным подтверждением того факта, что в том смысле, в каком я использовал эти слова в начале этой лекции, в мире нет Рима.

В то время как Италия, особая страна свободных городов, медленно поднималась к национальному единству, соседняя страна, в которой свободные города проявили себя лишь на мгновение, вообще никогда не достигала национального единства. Привязанность к современной карте, привычное использование географических названий только в их самом современном значении мешает людям увидеть, что земли Южной Галлии, земли языка *ок*, то

есть Аквитания и Имперская Бургундия, имели в себе все элементы национальной жизни так же верно, как Италия или Испания, или как та самая Франция, в которой слилось их национальное бытие. Мы склонны говорить так, как будто, поскольку эти земли сейчас французские, следовательно, они были французскими от века, или, по крайней мере, как если бы по вечному распорядку вещей они должны были когда-нибудь стать французскими. Аквитания действительно была обязана формальной и номинальной данью уважения французской короне; но Прованс и другие бургундские земли были так же полностью независимы от королей Парижа, как любая земля Испании или Италии. Владычество Каролингов, это франкское королевство, выросшее в Западную Римскую империю, распалось, как сообщил нам наш собственный Хронист лучше, чем кто-либо другой, на четыре королевства Германии, Бургундию, Италию и Западное королевство, которому предстояло стать Францией. На протяжении веков Западное царство аннексировало Среднее царство; возможно, это было в порядке вещей, что Среднее царство должно было аннексировать Западное. Ход мировой истории мог бы заключаться в том, что вместо того, чтобы Арль, Вена или Лион кланялись Парижу, Париж должен был кланяться Арлю, Вене или Лиону. В стране, география которой в значительной степени определялась церковными разногласиями, возможно, не показалось бы удивительным, если бы резиденция предстоятеля Предстоятелей или предстоятеля всей Галлии получила даже временный приоритет над простым епископством Святого Дениса и Святого Германа. Причину, по которой ни одна южно-галльская национальность не смогла сохранить себя, скорее всего, следует искать в особо разделенных политических отношениях этих земель. У Аквитании и имперской Бургундии так много общего, так много такого, что совершенно не похоже ни на что во Франции, что, будь у них хоть малейший шанс на политический союз, они могли бы образовать настоящую нацию. Но ни при римлянах, ни при готах, ни при франках не было момента, когда эти две земли образовывали политическое целое отдельно от любой другой земли. Аквитания и Бургундия всегда были разделены, каждая сама по себе была расколота на части, в то время как Нейстрия и Австрия всегда сохраняли некоторую степень союза, достаточную для того, чтобы позволить им вырасти в великие королевства Франции и Германии. И вот короли Парижа смогли по крупницам поглотить разделенную землю. Они могли не только аннексировать земли к западу от Роны, которые были обязаны им формальным почитанием, но и могли медленно и верно распространять свою власть на более прекрасные земли, на более царственные города, которые не знали другого короля, кроме цезаря.

Но фрагмент уцелел. Там все еще сохранились города старого бургундского королевства, города романской и тевтонской речи, из которых ушло царствование Цезаря и которые не склоняли шеи ни перед одним более подлым лордом. У Поднебесной все еще есть свой представитель в Европе; но этот представитель уже не королевство, а свободная конфедерация. Массалия, дважды свободная —Аква Секстия с ее воспоминаниями о римской победе и графстве Провансаль, — Арелат, где короли принимали корону при жизни, и Вена, приютившая их после смерти, —Лугдунум, чье название когда-то распространилось на океан и Британское море, — все это ушло в прошлое; но Лозанна и Женева по-прежнему сидят без цепей у своего озера — современная свобода не стерла память о древнем королевстве в Невшателе и Пайерне. -Базель, Базилия, само ее название навеивает мысли об Империи, уместные мысли в городе, где люди так любят друг друга. долгое время бросавший вызов притязаниям Рима в своем новом наряде - и высоко над всеми ними, более молодой и могущественный, все еще возвышается город у Аара, обитель древних патрициев, город, взирающий на подвластные ему горы, Берн Берхтольд, но более благородный, чем Берн Теодориха, город, который в дни, когда

могло показаться, что Среднее королевство забыто, поэтесса из ее среды могла приветствовать в двойном наряде,

“Als Krone im Burgundenreich,

Als freier Städte Krone.”

Таким образом, все еще существует свободный и незыблемый фрагмент старого царства того короля Босо, который, когда люди сомневались в его королевстве, мог сказать им, что он был “*Dei gratia id quod sum*”. Но о бургундской национальности Европа теперь не знает и следа. Оставшийся фрагмент свободной бургундии объединился с двумя другими марками, извлеченными из-под огня, фрагментом Германии, фрагментом Италии, чтобы сформировать политическую нацию, тем не менее по-настоящему политическую нацию, потому что она не совпадает ни с одной нацией, определяемой кровью или речью. Частица английского народа, частица британцев, частица ирландцев, объединившись, создали для нас тот народ Северной Англии, который, помимо прочих своих достоинств, сохранил живую, под другим названием, чистейшую форму английского языка. Если мы не могли пощадить Шотландию в нашем островном мире, нашем *alter orbis*, то еще меньше мы могли бы пощадить Швейцарию в более широком мире континентальной Европы. Представители немецкого, бургундского и итальянского народов собрались вместе, чтобы показать нам в этот век, из которого исчезло могущество Рима, один живой образ эпохи, когда вселенская мощь Рима еще не поднялась. Афины, как и Рим, превратились в резиденцию местного царствования; Ахайя все еще живет, если не на своем собственном берегу Средиземного моря, то в землях, которые повторяют политическую жизнь. Она живет в образе в горной стране, на родине всего старейшего и новейшего в западной традиции и западной мысли. И она тоже живет в образе в более обширной федеральной и более обширной английской земле за океаном. Мы действительно ощущаем Единство Истории как нечто живое, когда видим работы Маркоса Керинейского и Аратоса Сикионского, воспроизведенные в двух столь разных масштабах - в молодом полушарии и в старшем.

Таким образом, в латиноязычных землях и на центральной границе тевтонских и латиноязычных земель нации выросли сами по себе, им не удалось вырасти, или они были образованы искусственным союзом. Но город, как независимая политическая единица, исчез. Даже в Швейцарии город подчинен искусственной нации; и мы вряд ли можем сказать, что какой-либо швейцарский кантон сейчас является городским содружеством в старом смысле этого слова. Жители окружающего района, некогда обычно подчинявшегося округу, повсеместно добились для себя равных прав с жителями города. Если *Базельштадт* является чисто городским сообществом, то это потому, что *Базельланд* добился для себя не только равенства, но и разделения. В других странах города являются просто членами королевства или содружества, хотя мы видели, что там, где города когда-то были великими, нациям было труднее превратиться в нации, чем где-либо еще. В других частях Европы кельтские, тевтонские, славянские народы выросли вообще без привязки к городам. Тевтонская и славянская политические единицы - это нечто очень непохожее на город; кельтская политическая единица - это нечто еще более непохожее. Ни в одной из этих частей Европы местное политическое развитие не шло тем курсом, который оно приняло в Греции, Италии или даже в Галлии, и римское влияние, естественно, было неизмеримо меньшим, чем в Южной Европе. Во всех этих землях города повсюду являются прямым импортом с Юга. Возможно, это настоящая римская колония;

возможно, тевтонская или славянская община, формирующаяся по образцу римской колонии. Нигде город не был продуктом исключительно собственного роста, нигде независимый город не был господствующей политической идеей, вокруг которой собиралась вся политическая жизнь. Действительно, в одной стране, в центральной стране, стране, которая специально присвоила себе тевтонское название, города действительно стали великими и знаменитыми; но они стали великими и прославленными только при тех условиях, которые я только что изложил. Вполне уместно, что германская нация, которая защищала свою собственную Священную Римскую империю, соответствовала римским традициям в большей степени, чем Англия, Скандинавия или славянские земли. Таким образом, города стали важным элементом германского королевства. Древнейшие немцы смотрели на город, обнесенный стеной, как на тюрьму, и все же в последующие дни города и городская жизнь не казались немецкой земле недоброжелательными. Римские города на берегу Рейна продолжали жить и стали образцами для городов более чисто тевтонского происхождения. Колония Агриппина имела свой капитолий не меньше, чем Толоса Квинта Цепиона, и казалось естественным, что патриции должны собираться вокруг него. Саксонские короли, саксонские герцоги создавали молодые города по своему образцу в самом сердце германской земли или на побережье Северного Средиземноморья. Мы также не должны забывать, что другие города, на которые мы уже обратили внимание, — поймет ли кто-нибудь мой смысл и все, что из него вытекает, если я назову один из них “Верона в мантибусе”? — были просто городами германского королевства, которым обстоятельства в конце концов предоставили большую свободу, чем их соседям. Сама Цюрих, “nobile Torregium”, “die uralte, löbliche, eidgenössische Stadt”, причисляет к своим почетным титулам то, что судилище Цезаря так часто проводилось в ее стенах. Со временем эта особая обитель императорской власти отошла от дел вместе со своими собратьями, отказавшись от всех контактов с цезарем и его Империей. Другие сохраняли свою старую верность до тех пор, пока новая *Франция*, простиравшаяся до Балтики и Адриатики, не вытеснила древнее царство, которое было одновременно *Францией* и *Румынией*. Те вольные города Империи, которые просуществовали до нашего столетия, развивались, подобно городам Альпийской страны, в различных формах. Аугсбург—Augusta Vindelicorum — на все времена провозгласила себя римлянкой и императорского происхождения; вокруг Нюрнберга не осталось ничего, кроме тевтонских воспоминаний. И у Северного и Восточного морей, на берегах Везера, Эльбы и Траве возникли города, призванные к еще более высокой и неизменной судьбе. Торговцы, миссионеры, самозванные крестоносцы объединили свои усилия, чтобы основать немецкие города на завоеванных берегах Венда и более древнего народа за его пределами, народа, рядом с которым современная Европа и ее народы чувствуют себя незваными гостями на чужой земле. Союз Саксонской Ганзы, держава, для которой, как для Лиги, мы едва ли можем найти географическое место на суше, стала действительно могущественной и запоминающейся на морях. Лондон и Новгород были частями единого союза торговли и предприимчивости; торговые города могли устанавливать законы в северных королевствах и сажать, кого пожелают, на троны, которые во времена Кнута были ориентированы на Винчестер, а теперь их научили ориентироваться на Любек. Но и здесь, как и в более южных землях, величие городов не было неизменным. Лига ослабла; ее члены отпали; только трое пережили последнюю бурю, чтобы заявить о возрожденной свободе в первом новом рождении Германии семьдесят лет назад. Двадцать три года назад я видел эти города все еще суверенными и независимыми; теоретически они были более суверенными и независимыми, чем в дни своего могущества. На монетах Любека все еще было выгравировано если не изображение, то надпись Цезаря; ганзейский город, казалось, не выпускал ни марок,

ни шиллингов со времен первого Франциска из Лотарингии. Но Цезарь жил только по своему описанию; Любек не знал господина на земле; она не была связана никакими узами, кроме тех, которые связывали ее с двумя ганзейскими сестрами и слабой Конфедерацией, в которую все еще входил единственный город в глубине страны. На следующий год после моего визита история вольных городов была сокращена, свобода тех, кто все еще жил, также была сокращена. Франкфурт опустился из ранга содружества, превратившись в город местного королевства; Любек, Бремен, Гамбург по-прежнему являются содружествами, но содружествами, которые снова являются членами Империи. Это пережитки, но пережитки, от которых современная Европа, Европа без Рима, Европа огромных королевств и бесчисленных армий — счастливая, когда королевства означают нации и когда армии не просто подавляют нежелательных подданных, — не может избавиться сама. Эпоха вольных городов прошла; в некоторых странах простой наглый грабеж чужеземца уничтожил их, как, например, там, где кандалы самого подлого из угнетателей все еще звенят над поработанной Рагузой. В других землях потеря местной свободы, возможно, была компенсирована принятием в более широкое национальное единство. И снова в двух землях содружества все еще существуют, сдерживаемые только обязательствами, связанными с федерацией. Но федеральные узы - это одно, когда они связывают воедино группу земель и городов, ни одна из которых сейчас не может выстоять в одиночку; другое дело, когда федерация возглавляется империей, когда три уцелевших города объединены с герцогствами и королевствами, которые могут в любой момент сокрушить их, и когда герцогства и королевства снова объединены в содружество с другим королевством, более великим, чем города, герцогства и королевства, объединенные в одно. И все же по сей день вольный город, даже если он лишен своего бывшего величия, своей былой независимости, все еще является элементом нашей современной Европы. Эти три уцелевших города великой Ганзы действительно являются драгоценными фрагментами, фрагментами в одном смысле мира, когда римская власть облачалась в германские одежды, напоминаниями в другом смысле о мире, над которым римская власть еще не возвышалась. Как мы верим, что никогда не доживем до того дня, когда бык из Ури и медведь из Берна перестанут быть символами свободы более чем муниципальной, так мы верим, что никогда не доживем до того дня, когда Имперская Германия перестанет считать среди эмблем своих свободных союзников эмблемы, более достойные чести, чем знамена герцогов и королей, башни Гамбурга, бременский ключ и любекский щит с орлом.

Я составил свою отрывочную картину нашего бескорольного мира, отрывочную и несовершенную, какой, должно быть, является любая картина, представленная на лекциях, подобных этой, целью которых не является передача мельчайших знаний по какому-либо вопросу. Я все еще на пороге своей работы. Думаю, я проделал солидную работу во внутренних покоях с небольшой и преданной группой людей, которые следуют за мной, которые иногда направляют меня через книгу за книгой историка франков. Но то, что я до сих пор проповедовал, так сказать, на крышах домов, было по своей природе общим и отрывочным. Строго говоря, я не преподавал; я намеренно говорил таким образом, чтобы вызвать воспоминания у одних и побудить к исследованию у других. Но через общее мы прокладываем себе путь к частному. В следующем семестре я надеюсь провести еще больше публичных лекций более основательного характера. Я быстро пробежался по общему взгляду на методы исторического изучения, по общему взгляду на основные периоды европейской истории. Эта последняя серия завершает в этом году рассказ о сорока двух лекциях, которых от меня требуют

железные правила наших учителей. При такой необходимости, возложенной на меня, я бы счел, что это отдает высокомерием и нечестием, если бы я отважился на такую добровольную сверхурочную работу, как сорок третья лекция. То, что Комиссары сочтут достаточным, вы, несомненно, сочтете достаточным; итак, сегодня я завершаю свой отрывочный рассказ. В октябре я надеюсь начать более регулярный курс и проложить путь через истинное понимание ранней истории Галлии к истинному пониманию ранней истории Британии. И я хочу сказать еще одно слово. С тех пор, как я приехал сюда, я узнал несколько вещей, одну я узнал особенно. До сих пор я всегда избегал рекламировать свой собственный товар, рекламировать свои собственные произведения. Всякий раз, когда я цитировал себя или ссылаясь на себя, у меня возникало ощущение, что я делаю что-то, чего человеку должно быть стыдно. Но в этом месте, где я сейчас нахожусь, я узнал от коллеги, который теперь уже не коллега, насколько глупа такая скромность и насколько лучше цитировать самого себя и говорить о себе так же свободно, как цитируешь и говоришь о ком-либо другом. Тогда я скажу вам, что несколько лет назад я прочитал два курса лекций по другую сторону океана, которые, смею думать, содержат материал, достойный прочтения. Я думаю, что в них содержится материал, который особенно стоит прочитать тем, кто думает следовать моим окольным путем в компании, сначала с вандалом, который пересекает Рейн, а затем с саксом, который пересекает море. Они были напечатаны в Америке; я знаю, что некоторые экземпляры попали в Британию. Я должен смело взглянуть на этот вопрос и сказать, что те, кто следил за мной до сих пор и кто намеревается следовать за мной снова в октябре, могли бы провести свой Долгий отпуск хуже, чем посвятив часть его чтению двух моих курсов лекций американской аудитории, объединенных в один не очень большой том. Вы найдете в них некоторые вещи, о которых я говорил в другом месте, и, хотя некоторым это кажется невозможным, некоторые вещи, о которых я нигде не говорил. Итак, я прощаюсь с вами на несколько месяцев, ни в чем не придираясь к вам, за исключением того, что, как и большинство других профессоров, я хотел бы, чтобы вас было побольше. Но поэтому мы испытываем еще большую доброту к избранным, к верующим, к маленькой группе, которая наблюдала за происходящим вместе с Эльфредом, к отважным сердцам, которые пили вместе с Гидеоном, даже если им далеко до полного рассказа о трехстах. Итак, я завершаю работу моего первого учебного года с желанием видеть вас всех и чаще на тех же скамьях в октябре; Я расстаюсь с вами с благословением новогреческого, εἰς καλὴν ἀντάμωσιν.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА ПОД ВЛАСТЬЮ РИМА.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА ПОД ВЛАСТЬЮ РИМА.

Я в различных формах пытался указать на особое значение, которое в мировой истории принадлежит периоду установления господства римского народа над цивилизованным миром того времени, особенно над эллинизированными землями вокруг восточного Средиземноморья. Для правильного понимания всеобщей истории в первую очередь важно осознать реальный характер того положения вещей, которое было вызвано этим постепенным

установлением римского владычества. Любопытно видеть, как постоянно такое положение вещей неправильно понимается, если смотреть на это дело современными глазами. И это тем более любопытно, когда мы задумываемся о том, насколько современными должны быть глаза, неспособные правильно видеть предмет. Ибо нам едва ли нужно выходить за пределы нашего собственного века, чтобы найти живые образы того положения вещей, к которому привело римское завоевание. И все же мы постоянно испытываем искушение вообразить, что правление ранних римских императоров, возможно, правление Римского государства до них, было централизованным управлением, при котором вся власть исходила от центральной власти. Мы привыкли к великим королевствам и содружествам современной Европы, в которых местные органы власти могут пользоваться большей или меньшей степенью местной независимости, но в которых они сохраняют эту независимость в неотъемлемом подчинении центральной власти в силу законов, принятых центральным законодательным органом. Земля разделена на округа, департаменты, провинции, управляемые в соответствии с такими правилами, которые центральный законодательный орган сочтет нужным установить. Это правда, что в нашей собственной стране графство, как по идее, так и по части земель в историческом факте, старше королевства. Но в большей части Англии шир является такой же реальной частью королевства, как и французский департамент, а там, где это не так исторически, это стало таковым практически. Английское графство, английский городок, не имеет никаких прав или полномочий, кроме тех, которые оно получило, в той или иной форме, от центральной власти страны, в соответствии с актом парламента или королевской хартией. Эта центральная власть обладает одинаковыми правами и полномочиями в каждом уголке королевства. Я говорю, конечно, только о Соединенном Королевстве; как только мы выезжаем за его пределы, как только мы въезжаем в скандинавское королевство и нормандское герцогство, которые лежат так близко к нему, но не являются его частью, так скоро мы все равно оказываемся в положении вещей, имеющем много общего с римским владычеством. И если все это верно для Соединенного Королевства, то еще в большей степени это верно для таких государств, как Франция и Италия, чье географическое деление и административная система были разработаны как нечто совершенно новое в совершенно новое время. И все же, по крайней мере, до конца прошлого столетия, во многих частях Германии, Италии, Швейцарии, во всех землях, на которые распространялась власть Венеции, бесконечные разновидности союзов и подчинения между различными городами и землями представляли собой наиболее близкие аналогии отношениям, о которых я должен сейчас говорить. Пережитки сохранились даже в наше время. В 1865 году небольшой район все еще находился в *кондоминиуме* двух вольных городов Любека и Гамбурга. Я прошел через это с таким чувством, словно перенесся в какую-то далекую эпоху. Я предполагаю, что с 1866 года там все изменилось.

Конечно, совершенно верно, что на более позднем этапе римского владычества, когда Империя начала превращаться в признанную монархию — хотя монархия — неподходящее слово для обозначения власти, которой часто обладали двое или более коллег, — эта Империя действительно стала намного ближе к характеру современного централизованного государства. Он был разделен на административные подразделения, и эти подразделения управлялись в соответствии с общим законом. Но владычество Рима, Содружества и Империи существовало в течение нескольких веков, прежде чем произошли эти изменения. Древнеримское правление не было правлением, деспотическим или конституционным, человека над объединенной территорией; это было правление города над другими городами и землями, города и земли стояли по отношению к правящему городу во всех возможных отношениях, от номинально

равного союза до подчинения, едва ли лучшего, чем рабство. То, что так и должно было быть, было естественным результатом того, как формировалось римское владычество. При политических идеях третьего и второго веков до Рождества Христова никакое другое положение вещей было невозможно. Способ формирования римского владычества, процесс, посредством которого города и земли столь значительной части мира перешли под власть одного правящего города, имеет много общего с дальнейшим процессом, который рост этого владычества сделал неизбежным, подчинением самого Рима власти одного или нескольких его собственных граждан. В обоих случаях изменение было постепенным. Люди часто говорят о переходе от Республики к Империи, почти так же, как об английской реформации, как если бы это был определенный акт, произошедший в какой-то конкретный год. И все же все, что было характерно для императорской власти, проистекало из ее постепенного роста, ее роста благодаря союзу магистратур и чрезвычайных комиссий, которые фактически наделяли их обладателя верховной властью. Прежде всего, из первоначального характера Империи как чрезвычайной комиссии, предоставленной голосованием Сената, вытекал тот факт, что Империя веками оставалась без какого-либо закона о престолонаследии. Закон, предписывающий способ избрания, и закон, предписывающий правило наследования по наследству, оба предполагают обычную должность, которая должна быть кем-то занята; Империя изначально была экстраординарной должностью, которая могла вообще не быть занята. Голосование или несколько голосов Сената наделили одного гражданина — или более чем одного гражданина — полномочиями, которые практически приравнивались к суверенитету и которые в конце концов переросли в признанный суверенитет. Но этот рост был медленным. Долгое время после основания Империи республиканская конституция, республиканские магистратуры, республиканские собрания все еще оставались нетронутыми в своих внешних рамках. Они просто потеряли всю живую энергию из-за роста силы, превышающей все остальные, силы, которая иногда направляла их действия, иногда сама действовала вместо них. Если бы мы могли представить, как это один или два раза случилось в течение короткого времени, что контролирующая власть была бы устранена, то есть если бы чрезвычайные комиссии, составлявшие имперскую власть, никому не были предоставлены, старые элементы содружества были бы там, способные снова действовать самостоятельно, как в старые времена. Сенат, после столетий полного бездействия, действительно снова действовал как независимый орган, когда готы были у ворот Рима, а император был далеко, в Равенне. Для того чтобы Рим снова мог действовать без своего господина, не было необходимости создавать какую-либо новую власть, а просто снять оковы со старой. В более ранние эпохи Империи, когда старые традиции были более живыми, когда формы старой конституции все еще соблюдались, такое изменение, несомненно, было бы гораздо более легким. Современное королевство не может быть преобразовано в республику без активного изменения его конституции. Исполнительная власть должна быть наделена какой-либо новой властью, которая должна быть создана и определена для этой цели. Римская империя могла бы снова превратиться в республику в результате чисто негативных изменений. Все, что было нужно, - это не назначать императора. Различные государственные власти, которые перестали действовать или стали действовать только так, как им приказал император, несомненно, из-за отсутствия практики, из-за изменения всех окружающих обстоятельств сочли бы практически невозможным действовать так, как они поступали во времена старого государства. Но формальных препятствий для этого не было бы; не было бы необходимости наделять Сенат или магистратов какими-либо полномочиями сверх тех, которыми они все еще обладают, хотя и в бездействующем состоянии.

Власть Рима над своими союзниками и зависимыми странами во времена Содружества и ранней империи была во многом того же рода, что и власть императоров над самим Римом. Это было нечто такое, что затмило множество старых полномочий и свобод, что свело их к практическому нулю, но никоим образом формально не отменило. Республиканские институты Рима времен ранней империи, конституции союзных государств, зависимых стран, даже прямых подданных Рима, как при ранней империи, так и при Содружестве, находились во многом в том же состоянии, что и человек или животное, которое сковано или обуздано. Присущие ему физические способности к действию не уменьшаются; просто они не могут быть использованы или могут быть использованы только по воле хозяина. Так было с самим Римом при императорах; то же самое было еще более поразительно с зависимостями Рима при Риме республиканском или имперском. Как сам Рим лишь постепенно подчинялся правлению своих императоров, так и зависимые от Рима территории лишь постепенно подчинялись правлению Рима. Едва ли могла существовать хоть одна римская провинция, в которой, как в английском графстве или французском департаменте, каждая пядь земли находилась бы в таком же отношении к центральной власти. В географических пределах большинства провинций, прежде всего в пределах греческих и эллинизированных провинций, существовали города и округа, стоявшие по отношению к Риму во всех тех бесконечных отношениях, которые были естественным результатом различных времен и различных обстоятельств, при которых началась их связь с Римом. Здесь был свободный и равноправный союзник Рима, город, который Рим был рад принять в качестве свободного и равноправного союзника в то время, когда его союз был действительно ценен. Не произошло ничего, что дало бы какой-либо повод для того, чтобы низвести старого союзника до какого-либо низшего положения. Теоретически она была все так же свободна, как и прежде, сохраняя всю мощь суверенного государства внутри и снаружи. Ни один римский магистрат не имел никакой власти на ее территории; если она посылала подношения Риму или римскому повелителю, если она предоставляла контингент римской армии, все это было подарком чистой дружбы от одного равного союзника другому. Соседний город мог находиться в строго провинциальных отношениях; на его земле римский народ стал не только сувереном, но и землевладельцем; он мог сохранять свою старую муниципальную конституцию, но это было исключительно с согласия правящего города. Такой город подчинился Риму, потому что Рим был признанной хозяйкой; если его свободный сосед практически не подчинился Риму в меньшей степени, то это было просто потому, что в союзе между слабым и сильным сильный всегда будет отдавать закон слабому. И между этими двумя крайностями было бесконечное количество промежуточных оттенков. Помимо абсолютно независимого союзника, были союзники, которые также имели договоры с Римом, но чьи договоры были менее благоприятными, договоры, которые одинаково связывали обе стороны, но которые формально ставили одну из договаривающихся сторон в более высокое, а другую - в более низкое положение. Опять же, в самой провинции были города, которым Рим предоставил, не по договору, а по своему собственному дарению, более высокие права, чем остальной части провинции. Один город был свободным, соблюдавшим свой собственный закон, освобожденным от обычной юрисдикции римского губернатора, не платившим никаких налогов или дани Риму, но обладавшим всеми этими привилегиями благодаря гранту римского государства. Другой был столь же свободен в своих собственных стенах, но купил свои привилегии уплатой дани Риму. И как в каждой грекоязычной провинции были места, которые остались местами свободной Эллады, сохранившей свою старую свободу, так могли быть и другие места, которые были пересаженными фрагментами почвы Лациума или самого Рима, сохранившими на чужой земле права Лациума или Рима. То есть в пределах провинции могли

существовать латинские или римские колонии или города, которым, не будучи по своему происхождению латинскими или римскими колониями, Рим считал за благо предоставить иногда свое собственное полное гражданство, иногда только половинное гражданство Лация. Из них свободные и союзные города, Рим и латинская колония, географически находились в пределах провинции, но юридически не были ее частью. Римлянам и латинским колониям у нас нет ничего в точности соответствующего в современной Европе; но Андорра и Сан-Марино все еще являются живыми иллюстрациями положения маленького государства, имеющего могущественных соседей. Сан-Марино, совершенно независимое государство, но которое, будучи полностью окружено своим великим соседом, практически отрезано от осуществления любых внешних полномочий независимого государства, находится в точном положении свободного и равноправного союзника Рима. Такой союзник мог сохранять совершенную внутреннюю свободу, но по природе вещей он был отрезан от любой внешней политики. Андорра, зависимое и подчиняющееся государство, хотя и сохраняющее полную внутреннюю свободу, имела бы, если бы у нее был только один покровительствующий господин, также свои аналоги среди зависимых союзников Рима. Но, учитывая сложность средневековых отношений, у Андорры есть два покровителя лордов, два получателя дани. Такого положения вещей не могло быть во времена Римского мира.

В географических пределах Италии есть только одно Сан-Марино, и Сан-Марино не входит в число великих городов Италии. Таким образом, это безобидный политический курьез, в права которого у итальянского королевства нет соблазна вмешиваться. Все могло бы быть иначе, если бы в пределах границ королевства было много таких независимых городов и округов и если бы какой-нибудь из великих городов Италии был причислен к их числу. Итак, одна из самых уродливых черт римской истории, которая проявляется на каждой странице истории второго века до нашей эры, - это то, как неблагородно Рим обошелся со своими независимыми союзниками в тот момент, когда они перестали быть ему полезными. До тех пор, пока они служили сдерживающим фактором для какой-либо другой власти, до тех пор ими пользовались; как только опасная власть была свергнута или унижена, союзник, который помог ее свергнуть, становился объектом ревности римлян. Дружественная держава, дни полезности которой миновали, подвергалась бесконечным попыткам Рима ослабить и разорвать ее на части. Такова история о Пергамском царстве, о городе-содружестве Родоса, о конфедерации Ахайи. Нет более позорной части римской истории, чем отношения Рима с этими тремя государствами, образцовыми правительствами их нескольких классов. Никакая ученость, никакое красноречие не помогут обелить вероломные и жестокие действия Римского сената по отношению к державам, единственная вина которых заключалась в том, что они были слабее Рима и оказали хорошую услугу Риму. Это чувство ревности к союзникам сохранялось еще долго после того, как все основания для ревности исчезли, когда вольный город был свободен только в своих собственных стенах и не мог поднять ни руки, ни ноги против могущественного союзника, владычеством которого он был окружен. Но беды этих городов, находившихся под властью Рима, были в гораздо большей степени вызваны более непосредственными причинами, властолюбием, низменной жадностью наживы, которые сформировали темную сторону римского характера. На свободы этих слабых государств часто покушались не только само римское государство, но и отдельные римские магистраты и даже могущественные люди, которые в данный момент магистратами не были. Создание империи, несомненно, что-то сделало для сдерживания притеснений римских правителей, которых при государстве очень мало сдерживали. Но если Империя привела к меньшему угнетению со стороны представителей

центральной власти, то это привело к большому вмешательству со стороны самой центральной власти. Человек, поставленный во главе мира, находится в ином положении, чем город, поставленный во главе мира. Для правящего города зависимые государства - это просто зависимые государства; он получает от них все, что может, но у него нет соблазна вмешиваться ради вмешательства. У правящего человека есть искушения вмешаться, и может даже случиться так, что, чем лучше он настроен, тем сильнее становятся его искушения вмешаться. Естественной тенденцией Империи было единство и централизация везде и во всех отношениях. При императорском правлении бесконечное разнообразие отношений между союзниками, зависимыми и подданными Рима постепенно превратилось в единый характер отношений прямых членов Римской империи. Но изменения происходили медленно. Суверенные государства превратились в муниципалитеты, а муниципалитеты превратились в нечто меньшее, чем муниципалитеты, просто в силу обстоятельств, без какого-либо официального акта. Часто очень трудно сказать, когда тот или иной вольный город окончательно утратил свое особое бытие в результате абсолютного включения в состав Римской империи. Несомненно, что память о прошлой свободе, как о чем-то, что все еще не было полностью прошедшим, жила веками. При ранней империи содружества Греции и Азии, каковы бы ни были их формальные отношения, на практике находились не только в подчинении Римской империи, но и в значительной степени во власти губернаторов провинций, в пределах которых они географически находились. Но они по-прежнему оставались государствами содружества, хотя и зависимыми или даже подчиненными государству содружества. Их сенаты, ассамблеи или другие руководящие органы практически опустили до функций городских советов и были открыты, в отличие от английского городского совета, для капризов внешней власти. Но это были городские советы, которые когда-то были суверенными парламентами. Некоторые из них теоретически все еще были суверенными парламентами. И даже те, которые были наиболее далеки от этого характера, советы тех городов, которые не были ни свободными и союзными государствами, ни римскими колониями, ни каким-либо образом привилегированными по сравнению с общими провинциальными отношениями, не полностью утратили свой первоначальный характер. Глубоко во времена Империи старый характер римского владычества, характер города, господствующего над другими городами, все еще оставлял свои следы. При таком положении вещей полномочия советов или ассамблей подчиненных штатов могли бы быть практически меньшими, чем полномочия городского совета английского городка. То есть ассамблея может опасаться предпринимать действия по какому-либо важному вопросу без разрешения центральной власти или ее представителя. Практически это могло бы ограничить свои действия рутинной и церемониями, самое большее - присуждением почестей и установкой статуй, потому что любое более смелое действие пробудило бы зависть римлян. Иными словами, свободное и союзное государство теоретически могло делать все, даже провинциальный городок теоретически мог делать многое по своей собственной воле. Но поколения подчинения непреодолимому соседу научили его проявлять эту свободную волю только в соответствии с высшей волей власти, которая была высшей над всеми. Если права подчиненного государства стали формальными или даже недействительными, то это произошло потому, что они были широкими и неопределенными; это были полномочия сообщества, которое все еще сохраняло самостоятельное существование, но находилось под непреодолимым влиянием, иногда под прямым господством более сильного сообщества. Это положение совершенно отличается от положения города или района в современном королевстве или содружестве, где каждая часть земли имеет равные права. В таком королевстве или содружестве, какими бы полномочиями, большими или

малыми, ни обладал тот или иной совет, они осуществляются в соответствии с законодательством страны. Пока эти полномочия осуществляются в соответствии с законодательством страны, не следует опасаться административного вмешательства; если закон будет нарушен, если местная власть выйдет за рамки своих законных полномочий, зло будет исправлено не произволом, а судебным процессом. Совершенно иначе обстояло дело с городами, о которых мы говорим, свободными, зависимыми или подвластными; они все еще были отдельными государствами с неотъемлемыми правами, даже если этими правами больше нельзя было пользоваться; их собрания когда-то были парламентами, и они по-прежнему подчиняются как формам, так и чувствам парламентов. И по крайней мере один город из числа союзников Рима сохранил свою значительную свободу до тех пор, пока многие не вообразили, что сама римская держава полностью исчезла с лица земли. Свобода Херсона была ниспровергнута не Муммием во втором веке с одной стороны, не Веспасианом в первом веке с другой, а аморийцем Феофилом в девятом. До этого дня последнее из греческих государств жило своей древней жизнью, и по самой простой причине. Не только сам император, но и проконсул Ахайи, Македонии или Азии мог в любой момент посягнуть на свободу любого греческого города, который географически находился в пределах этих провинций, император мог в любой момент уничтожить его. У него всегда была физическая сила, чтобы вторгаться или разрушать; нередко у него была воля. Но речь Посполитая, которая находилась далеко отсюда, в Херсонесе Таврическом, оказалась в другом положении. Верного союзника нельзя было превратить в беспомощного подданного, кроме как приложив те же усилия, которые были необходимы для готской или персидской войны.

Давняя независимость Херсона - это факт, на который я часто имел возможность обращать внимание с других точек зрения. Как и независимость Ликийской лиги, хотя менее выгодное географическое положение этой державы привело к тому, что ее свободе пришел конец на восемьсот лет раньше, чем свободе Херсона. Я в другом месте говорил об этой Лиге как, возможно, о наиболее искусно спланированном примере федеральной конституции, который могли продемонстрировать древние времена;^[2] сейчас это касается меня как пример степени независимости, которую значительная территория могла сохранить при общем господстве Рима, от падения Персея до правления Клавдия. Чтобы узнать историю его происхождения, мы должны обратиться к повествованию, к сожалению, фрагментарному, которое Полибий приводит о событиях, приведших к освобождению Ликии от родосского владычества;^[3] для полного описания его устройства нам остается только обратиться к описанию Страбона.^[4] Особенно поучительно, когда географ сообщает нам, что Лига все еще сохраняла право войны и мира, хотя, добавляет он, в его время это право вообще не могло быть реализовано или могло осуществляться только по усмотрению Рима.^[5] После прочтения этого, безусловно, любопытно прочитать комментарий недавнего ученого, который считает, что полномочия Лиги и степень ее независимости были чем-то похожи на полномочия Лондонского сити.^[6] Более близкую аналогию, несомненно, можно было бы найти в отношениях, в которых не так давно находились многие из небольших европейских держав; это не очень отличается от того, в котором некоторые из них находятся в настоящее время. Позиция Ликии по отношению к Риму очень похожа на ту, в которой различные итальянские и немецкие государства находились по отношению к Австрии сорок лет назад. Это очень похоже на то, в каком положении Сербия в данный момент находится по отношению к Австрии, а Черногория - к России. Короче говоря, это позиция "защищенного" государства, независимо от того, является ли защита общепризнанной или только практической. Но есть одно важное различие. Защищенное

государство теперь имеет, по крайней мере, некоторый голос при выборе своего защитника; оно может воспользоваться старым тевтонским правом искать лорда. И маленькое государство может даже сохранять совершенную независимость вообще без какого-либо защитника, просто из-за зависти более могущественных держав. Маленькое государство иногда может жить в условиях совершенной свободы, окруженное силами, более сильными, чем оно само. Любой из них может в любой момент положить конец его свободе; но никто из них, скорее всего, не предпримет такой попытки, потому что другие, преследуя свои собственные цели, не допустят этого. Но Рим был одинок в мире; у него не было выбора защитников; та независимость, которая еще оставалась, удерживалась только римским терпением. Всякий раз, когда римской политике или капризу требовалось уничтожить независимость какого-либо государства, это делалось.

Ликийский союз, поскольку он охватывает значительную территорию, имеет, с географической точки зрения, больше общего с королевствами и княжествами, которые жили под римским вассалитетом, чем с отдельными городами-державами, которые представляют собой примеры, наиболее естественно приходящие нам на ум. Должно быть, ни одному проконсулу в мирное время не под силу было серьезно вмешиваться в свободы Ликии. Это правда, что федеральные государства Греции все еще существовали, и Павсаний видел их за работой; а двумя поколениями ранее священное собрание Амфикионов получило новую жизнь благодаря мерам перераспределения, предписанным императором Августом.^[7] Но мы можем быть уверены, что ни в одной конфедерации древней Греции не было ничего подобного тому уровню политической жизни, который Страбон видел в действии в Ликии. То небольшое, что еще оставалось жизни в греческом мире, обитало в отдельных городах, и, несомненно, в греческих городах Азии было больше жизни, чем в городах древней Греции. О Ликии времен Страбона у нас есть только общее описание Страбона; у нас нет подробных иллюстраций функционирования политической системы; и меньше всего у нас есть каких-либо речей, писем, политических трактатов, написанных ликийскими ораторами или философами или римскими магистратами, которые имели дело с Ликийской лигой или ее городами. Давайте перейдем к эпохе Траяна, и мы обнаружим, что эта эпоха богата материалами для политической жизни ахейских и вифинских провинций и вольных городов, лежавших в пределах их географических границ. У нас есть четыре в высшей степени поучительных современных писателя, два греческих и два латинских, один из последних - сам знаменитый император. У Плутарха у нас есть трактат об обязанностях греческого государственного деятеля того времени. У нас есть несколько речей Диона Хризостома, действительно произнесенных на собраниях греческих городов в правление Траяна. Мы имеем соответствия самого Траяна с Плинием младшим, когда Плиний был проконсулом Вифинии. Таким образом, мы получаем две стороны картины. Мы видим, как все выглядело в глазах двух греческих литераторов, один из которых, несомненно, был обязан извлечь максимум пользы из происходящего и сделать свою риторику как можно более приемлемой для своих греческих слушателей. Мы также видим, как все выглядело в глазах двух официальных римлян, императора и проконсула, которые были одними из лучших в своих нескольких классах, но сами достоинства которых делали их открытыми для одного особого искушения. И Траян, и Плиний ненавидели угнетение и несправедливость любого рода и искренне стремились к благополучию всех, за чье благополучие они несли ответственность. Но именно по этой причине они с большей вероятностью были склонны к постоянному вмешательству в дела своих подданных, чем правители, которые время от времени могли быть виновны в каких-то грубых проявлениях тирании, но которые по большей части оставляли людей

в покое в промежутке между одним актом угнетения и другим. Окраска на греческой и римской сторонах сильно отличается, но основные очертания на обеих картинах одинаковы. В обоих случаях мы видим города, которые сохраняют многое — а в некоторых случаях и все — из внешнего облика свободных государств, но которые не осмеливаются проявлять свою власть, даже в очень незначительных вопросах, без ведома и доброй воли римского князя или его местного представителя.

Политический трактат мудрого и доброго Плутарха[8] - это тот, который невозможно читать без грусти. Для грека, беотийца, живущего на земле, которая когда-то была такой великой и которая была так сильно разрушена, контраст между тем, что было, и тем, что было, был более острым, чем это могло быть для его азиатского современника. Города родной Диону Вифинии никогда не были такими великими в прошлом, и они были гораздо более процветающими в настоящем, чем города, для которых будущим государственным деятелям и ораторам приходилось устанавливать правила мудрецу Чайронеи. Но у обоих авторов мы находим, что на вещи смотрят с одной и той же общей точки зрения. Местная независимость предполагается как положение вещей, существующее, по крайней мере, теоретически. Мы читаем страницу за страницей и Плутарха, и Диона без какого-либо намека на то, что государства, о которых они говорили, имели какое-либо превосходство за пределами своих собственных стен. Оба пишут так, как никто не стал бы писать по указанию новоизбранного члена городского совета в современном государстве. Весь язык предназначен для парламентов, а не для городских советов. Но время от времени мы натываемся на какой-нибудь отрывок, который показывает нам, что парламенты, с которыми мы имеем дело, - это парламенты, работающие в оковах, парламенты, которые практически ничего не могут сделать без одобрения иностранного начальника. В нашей стране мы находим ближайшую параллель в церковных организациях, и сходство усиливается тем фактом, что круг, в пределах которого греческие собрания того времени были наиболее активны, касался религиозного богослужения и того большого класса тем, которые в представлениях греков были связаны с религиозным богослужением. Собрание, организованное подобно парламенту, ведущее свои дебаты так же свободно, как парламент, но чьи действия ничего не значат, если на них нет предварительного разрешения короны и согласия короны впоследствии, собрание, которое, никогда не подавляясь, никогда не прерывая своих официальных заседаний, может быть практически приостановлено на сто пятьдесят лет, имеет гораздо больше сходства с одним из этих греческих собраний, чем можно найти в местном органе, полномочия которого узко определены, но который может свободно осуществлять те полномочия, которыми он обладает. У нас есть еще одна параллель в Главе, избирающей своего Епископа, избирающей его свободно, в соответствии со всеми внешними проявлениями, но чей выбор не только нуждается в одобрении Короны, но фактически продиктован Короной заранее, под угрозой суровых наказаний, если этой диктовке не подчиняются.[9] Мы читаем несколько глав Плутарха, которые могли быть написаны для любого греческого содружества за несколько дней до последнего или прежнего Филиппа. В настоящее время упоминание о некоторых демагогах, которые развращали людей выступлениями гладиаторов, является признаком того, что римлянин вошел в греческий мир.[10] Но, несмотря ни на что в этой или в нескольких следующих главах, развращенные таким образом государства содружества, возможно, были столь же независимы, как и в те времена, когда говорили, что более ранние демагоги развращали своих соотечественников соблазнами другого рода. Мы идем дальше, и вся правда выходит наружу. Греческие государства времен Плутарха больше не имели ничего общего с войнами, союзами, свержением тиранов, и некоторые могли бы

подумать, что при таком положении вещей не осталось места для государственной мудрости. Плутарх думал иначе; дома все еще происходили публичные судебные процессы; к императору нужно было отправлять посольства; были дела с римскими губернаторами, возможно, с плохими губернаторами. Все это требовало определенной квалификации; энергия, смелость, осмотрительность - все это требовалось тем, кто должен был заступаться за слабых перед сильными.[11] Избранный магистрат не должен был презирать свою должность из-за того, что у него не было такого свободного поля деятельности, как у магистратов старых времен; но он никогда не должен был забывать разницу между ним и ними. Перикл мог бы сказать, что он был призван править среди свободных людей, среди греков, среди афинян. Чиновник времен Плутарха должен был помнить, что он правил, а над ним стоял правитель; что его город находился в подчинении проконсулов Рима, прокураторов Цезаря.[12] Война была невозможна; свободы у них было столько, сколько оставили им их хозяева, возможно, столько, сколько было им выгодно[13] когда Греция была так слаба, когда не было никакой в ней оставалась сила, которую не могло нарушить ни малейшее распоряжение проконсула.[14] В такие времена общественные деятели должны быть осторожны, чтобы не оскорблять опасных соседей; прежде всего, они должны избегать таких поводов, которые были вызваны спорами дома или с другими городами. В то же время, полностью осознавая свое зависимое положение, они должны избегать низкопоклонства и лести; они не должны делать правителя еще большим хозяином, чем он расположен быть, вызывая его по всем поводам;[15] и будет разумно сделать своим другом какого-нибудь могущественного римлянина.[16] Им не помешает изучить летописи древней Греции, но только в поисках примеров, соответствующих реальному положению вещей; высокопарные речи о Маратоне, Платайе и Эвримедоне следует оставить риторике школ; но мирные примеры из прежних времен, примеры вежливости, человечности и добросовестности были тогда столь же поучительны, как и прежде.[17]

Предписания Плутарха носят совершенно общий характер. Он не проводит различия между различными классами городов в зависимости от большей или меньшей степени независимости, которую они все еще формально сохраняли. Ибо, по правде говоря, все они были практически в одном и том же положении; у всех, по его собственному выражению, на голове был римский башмак.[18] Провинциальный город мог действовать свободно во многих вещах, если бы губернатор не решал вмешиваться; независимый союзник не мог действовать свободно ни в чем, если бы губернатор все же решал вмешиваться. В целом мы обнаруживаем то же самое, когда переходим от философа, дающего мудрые наставления в своем исследовании, к оратору, фактически выступающему на собраниях, обязанности которого так тщательно определяет Плутарх. Дион Хрисостом - ритор по профессии, и у него есть недостатки, присущие его профессии; но в этом человеке и его трудах есть много привлекательного, и он дает нам несколько поучительных картин греческой жизни своего времени. Его речи на темы теоретической политики, о царствовании, аристократии, демократии и тому подобном, звучат несколько непрактично в условиях всеобщего правления Рима; но мы должны помнить, что большое значение имело, был ли правящий принц Домицианом или Траяном. Мы получаем реальные дополнения к нашим знаниям из фотографии эвбейского охотника, обладающего гражданской привилегией, но никогда не бывавшего в городе, и мы лучше узнаем, каким был эвбейский город во времена Диона.[19] Еще интереснее его изображение греческого города Ольвии или Борисфена, все еще цепляющегося за свою греческую речь и манеры среди постоянных нападений опасных соседей-варваров.[20] Более важным для нашей цели является его обращение к родосцам, содержащее добрый совет, но, конечно, в значительной степени

смешанный с панегириком его слушателям и их городу. Этот документ представляет глубокий интерес, если его читать в свете истории этого прославленного острова во втором веке до нашей эры. Родос повсюду рассматривается как свободное содружество, как демократия;^[21] это единственное греческое государство, помимо Афин, которое сохраняет свою свободу;^[22] это единственное, которое все еще дорожит своей свободой. слава эллинского имени.^[23] Отношения государства к Риму нигде не рассматриваются в духе Плутарха; Императоры несколько раз упоминаются вскользь, но не как властители;^[24] смысл связь между Родосом и Римом, о которой оратор больше всего склонен говорить, - это роль, сыгранная родосцами в гражданской войне в Риме.^[25] Он не знает разрыва между могущественным Родосом прежних времен и все еще процветающей демократией, о которой он разглагольствует. Некоторые из его высказываний вряд ли могли быть одобрены Плутархом; в них слишком много марафонского и эвримедонского стиля; но они не могли быть адресованы народу, который не был свободен, по крайней мере теоретически, каким бы ненадежным ни было правление, которым была обеспечена их свобода.

Менее интересны сами по себе, чем все вышеперечисленное, но, возможно, в определенном смысле более поучительны речи, которые Дион произносит в своем родном городе Пруса и в других городах своей родной провинции. Он должен был проповедовать мир и согласие как соперничающим городам, так и соперничающим партиям в одном городе, а также отстаивать свое собственное дело против своих собственных врагов.^[26] Собрания, к которым он обращается, всегда считаются самодействующими органами; ссылки на существование Рима встречаются лишь вскользь, и Дион не часто копирует откровенность Плутарха.^[27] Но речи греческого оратора приобретают десятикратный интерес, когда мы сравниваем их с памятной перепиской, которая, к счастью, сохранилась до наших дней между римским императором и проконсулом Вифинии времен Диона. Письма, которыми обменивались Траян и Плиний, на первый взгляд описывают совершенно иное положение вещей, чем то, которое фигурирует в речах Диона. Если мы сравним их, то увидим, что они представляют перед нами две противоположные стороны одного и того же положения вещей. Из этих двух вместе взятых мы получим ясное представление о состоянии различных городов Вифинии и о различных отношениях, в которых, как и в любой другой провинции, они находились к правящей власти. Речи и письма вместе иллюстрируют демонстрацию свободы, которая существовала, возможно, в каждом конкретном случае, реальность свободы, которая существовала в некоторых случаях, и в то же время ненадежное положение, в котором находились как тень, так и реальность. Мы видим обычный провинциальный городок, все еще сохраняющий стиль "res publica", передающий "псефизматы", отправляющий "легатов" к императору и соседним губернаторам, короче говоря, играющий в содружество, но не отваживающийся совершить ни одно малозначимое местное действие без консультации с представителем императора. Дион выдвигает одну сторону, Траян и Плиний выдвигают другую сторону; вот и все. Дион обращается с речью к жителям Никодеи, призывая их к миру и гармонии с жителями Никаи. Пятьсот лет назад многие пассажи уместились бы в устах посредника между Афинами и Спартой. Нет прямого упоминания о какой-либо высшей власти, господствующей над обоими; оратор действительно говорит своим слушателям, что, в конце концов, они не могут воевать со своими врагами,^[28] и предупреждает их, чтобы своими разногласиями они не сделали греческое имя смешным среди римлян.^[29] На мгновение мы поражаемся, когда переходим от этой картины двух, казалось бы, независимых государств к письмам, которые показывают, как Никодею, Никаю и любой другой город консультировались с императором и его представителем по

поводу мельчайших муниципальных постановлений, по поводу любого вида местных улучшений.[30] Это странный комментарий к разногласиям между городами, о которых говорит Дион, когда Траян, помня, как Никоমেдея и другие города были раздираемы мятежами, не позволяет создать отряд пожарных, чтобы это не было использовано в какой-нибудь опасной политической цели.[31] Мы снова уверены, что Плиний в своем рвении вмешивался во многие вопросы, которые худший проконсул оставил бы в покое, и что в своем желании поступать правильно он передавал императору многие вещи, которые такой проконсул решил бы сам своевольным образом. Читая речи и письма вместе, мы лучше понимаем и то, и другое. Мы имеем дело с государствами содружества, но с государствами, действующими в оковах. Они все делают для себя голосами своих собственных ассамблей. Но для этих голосований требуется предварительное разрешение, последующее подтверждение или и то, и другое одновременно со стороны правящей власти, которая остается без поддержки.[32]

И Никомедея, и Никайя, и родной город Диона Пруса были всего лишь обычными провинциальными городками без особых привилегий. Но в Вифинии были места, которые пользовались более высокой популярностью. Здесь, как и везде, римская колония, свободный и союзный город, находились локально в провинции, но не принадлежали к ней. Очевидно, что даже города такого ранга привыкли к частому вмешательству со стороны римских офицеров; но они возмущались таким обращением и апеллировали к своим привилегиям. Апамея была не провинциальным городом, а римской колонией. Дион, который утверждал, что является одним из его граждан, выступил с речью перед его сенатом, в которой он подчеркивает достоинство его колониального характера.[33] Плиний, более занятой, чем другие проконсулы, утверждал, что просматривал отчеты о колонии. Колонисты сказали ему, что он может это сделать, что это их общее желание, чтобы он это сделал. Но он должен помнить, что об этом еще не просил ни один проконсул; их древние привилегии давали им право управлять своим собственным государством так, как они считали нужным. Плиний запрашивает и получает письменное изложение их дела. Он считает, что большая часть документа не имеет отношения к делу; но он отправляет его императору, чтобы тот руководствовался его суждением. Во всей этой переписке почему-то вспоминается переписка Августина и Григория; совершенно очевидно, что настоятель является более мудрым человеком из них двоих. Траян пишет в ответ, что следует уважать прямоту действий жителей Апамеи; проконсул должен сказать им, что по особой просьбе императора он просит ознакомиться с их счетами; он должен сделать это без какого-либо ущерба для их привилегий на будущее.[34] Мы здесь достаточно ясно видим разницу, присущую положению римской колонии в отличие от положения обычного города провинции. И все же император и проконсул, менее щепетильные, чем Траян и Плиний, могли бы быстро распорядиться свободами Апамеи. При людях, с которыми колонистам действительно приходилось иметь дело, эти свободы, однажды подтвержденные достаточными доказательствами, были в безопасности.

Но в географических пределах Вифинии существовало нечто большее, чем римская колония. Амисос был независимым государством, окруженным римской территорией. В прошлые времена город видел много поселенцев и много хозяев; наконец Август Цезарь освободил его от своих угнетателей, и он стал свободным союзником Рима, связанным с ним только условиями его договора.[35] Мы не знаем, что это были за условия; они могут, как договоры с Гадесом и Айтолией, формально обязывали Амисос уважать величие Рима, а могут и нет. Это различие мало что значило для содружества, географическое положение которого в любом случае вынуждало его практически уважать это величие. Но очень важно было то, что в своих

собственных стенах Амизос по праву был совершенно свободен, управляемый своими собственными законами, которые могли совпадать, а могли и не совпадать с законами Рима. Тем не менее, очевидно, что его договорные права не всегда могли защитить содружество от вмешательства римских проконсулов. И это еще раз подчеркивает разницу между слугой и господином, поскольку Плиний говорит о свободах Амисоса как существующих благодаря снисхождению Траяна, в то время как сам Траян основывает их непосредственно на вере в международные договоры. Проконсул спрашивает, разрешен ли в Амисосе благотворительный клуб "эранос". Такой вопрос указывает на то, каким образом могли быть нарушены права даже совершенно свободного города. Траян, как мы видели на примере никомедейских пожарных, испытывал сильную неприязнь к профсоюзам и обществам любого рода, которые могли быть использованы в политических целях. Ни один *эранос* не должен быть допущен ни в один город, на который распространяются законы Рима. Но в Амисосе, городе, где правят свои законы, Плиний не должен вмешиваться в создание такого органа. Манера речи великого императора примечательна. Мощь цезаря безоружна перед величием международных договоров. Траян проводит определенную политику везде, где у него есть на это законное право; там, где у него такого права нет, он воздерживается. Тем не менее, его слова, по-видимому, подразумевают, что даже он, справедливый император, мог бы вмешаться в права свободного содружества, если бы увидел для этого действительно веские причины.^[36] Что делали другие императоры и другие проконсулы, по причине или без причины, легко догадаться.

Нет ничего удивительного в том, что большая часть дел, которыми занимались ассамблеи этих государств, была связана с религиозными и социальными вопросами, а также с формальными и незначительными вопросами, с присуждением почестей, статуй и тому подобного. Как несколько раз неявно сообщает им Дион, как более прямо сообщает им Плутарх, решение более важных вопросов перешло в другие руки. Дело в том, что эти города все еще сохраняли форму содружества, содружества, которое, должно быть, провело большую часть своей жизни в страхе и трепете, но все же содружества, пусть и в оковах, а не просто муниципалитеты, к которым мы привыкли в наши дни. В Восточной Европе и Западной Азии такое положение вещей является прямым и необходимым следствием событий эпохи Полибия. История римского могущества в Западной Европе представляет собой совершенно отдельный предмет. Там Рим не поработал и не разрушал, а созидал. Города Запада смотрели вперед, в то время как греческие государства смотрели назад. Постепенное исчезновение этих последних было необходимым следствием более поздних изменений, изменений, которые последовали за централизующими и деспотическими тенденциями более поздней Империи. Большая часть местной независимости исчезла во времена Страбона и Плиния; Ликийский союз сам по себе остался в прошлом, когда Траян уважал привилегии Амисоса. Насколько долго сохранялись какие-либо следы свободы, нам нет нужды здесь выяснять. Моя нынешняя цель состоит в том, чтобы показать долговременные последствия особого процесса, посредством которого определенно сформировалось римское владычество в тот великий определяющий период мировой истории, который отмечен вторым веком до Рождества Христова.

КОНЕЦ.

АВТОР ТОТ ЖЕ.

Великая Греция и Великая Британия, И Джордж Вашингтон, Расширитель Англии.

Две лекции,
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ОБ ИМПЕРСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
Заводная головка 8в. 3/6.

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

ВОСЕМЬ ЛЕКЦИЙ,
ПРОЧИТАННЫХ В ОКСФОРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В МИХАЙЛОВСКИЙ СЕМЕСТР 1884 ГОДА,
С ПЕРВОЙ ЛЕКЦИЕЙ, ПОСВЯЩЕННОЙ должности профессора истории.

Содержание:

Кабинет профессора истории. История и родственные ей исследования. Трудности исторического изучения. Природа исторических свидетельств. Подлинные источники. Классические и средневековые писатели. Вспомогательные источники. Современные писатели. География и путешествия. Указатель.

Дем 8во. 10/6.

МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ: ЛОНДОН.

ЛЕКЦИИ ДЛЯ АМЕРИКАНСКОЙ АУДИТОРИИ.

Содержание:

Я. Английский народ в его трех домах. (1) Старая, Средняя и Новая Англия. (2) Английское название. (3) Первое путешествие и Второе. (4) Старая Англия и Второе. (5) Англичане в их Втором доме. (6) Второе путешествие и третий дом.

II. Практическое значение общеевропейской истории. (1) Причины и их следствия. (2) Демократический город. (3) Аристократический город. (4) Правящий город и его империя. (5) Древняя и Новая Англия. (6) Рим пересажен.

ТРЮБНЕР И КОМПАНИЯ: ЛОНДОН.

[Р.Т.О.]

АВТОР ТОТ ЖЕ.

Исторические очерки. Первая серия. Четвертое издание. 8в. 10с. 6д.

Содержание:—Мифические и романтические элементы в ранней английской истории—Преемственность английской истории—Отношения между короной Англии и Шотландии—Св. Фома Кентерберийский, его биографы и др.

Исторические очерки. Вторая серия. Второе издание с дополнительными очерками. 8 из 10с. 6д.

Содержание:—Древняя Греция и средневековая Италия;—"Гомер и гомеровская эпоха" м—ра Гладстона;—Историки Афин;—Афинская демократия;—Александр Македонский;—Греция македонского периода;—"История Рима" Моммзена;—Луций Корнелий Сулла;—Цезари Флавиев и др.

Исторические очерки. Третья серия. 8в. 12с.

Содержание:—Первые впечатления от Рима—Иллирийские императоры и их Земля—Augusta Treverorum—Готы в Равенне—Раса и язык—Византийская империя—Первые впечатления от Афин—Средневековая и современная Греция—Южные рабы—Сицилийские циклы—Норманны в Палермо.

Развитие английской конституции с древнейших времен. Четвертое издание. Заводная головка 8в. 5с.

Общий очерк европейской истории. Новое издание. Увеличенный, с картами, и ок. 18 м. 3с. 6д. (Том I. из *Курса истории для школ.*)

Европа. 18мо. 1с. [*Учебники по литературе.*]

Сравнительная политология. Лекции в Королевском институте. К которому добавляется "Единство истории". 8во. 14с.

История кафедральной церкви Уэллса. В качестве иллюстрации истории кафедральных церквей Старого фундамента. Корона 8в. 3с. 6д.

Древнеанглийская история. С пятью цветными картами. Девятое издание, исправленное. Дополнительный fcap. 8во. 6с.

Исторические и архитектурные зарисовки; в основном итальянские. Иллюстрации автора. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Подвластные и соседние земли Венеции. Является дополнением к “Историческим и архитектурным очеркам”. С иллюстрациями. Заводная головка 8в. 10с. 6д.

Английские города и округа. Серия выступлений и эссе. С иллюстрациями и картой. 8во. 14с.

История и завоевания сарацин. Шесть лекций. Третье издание с новым предисловием. Корона 8в. 3с. 6д.

Кабинет профессора истории. Вступительная лекция, прочитанная в музее Оксфорда, 15 октября 1884 года. Корона 8во. 2с.

Расформирование и лишение прав. Что это? Четвертое издание. Заводная головка 8во. 1с.

МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ: ЛОНДОН.

СНОСКИ

[1] 29 мая 1885 г.

[2] История федерального правительства, i. 208.

[3] Полибий, xxx. 519; xxxi. 7, 16, 17.

[4] Страбон, xiv. 3, т. iii. стр. 219, Таухниц.

[5] Καὶ περὶ πολέμου δὲ καὶ εἰρήνης καὶ συμμαχίας ἐβουλευόντο πρότερον, νῦν δ' οὐκ εἰ κὼς, ἀλλ' ἐπὶ τοῖς Ῥωμαίοις ταῦτ' ἀνάγκη κεῖσθαι, πλὴν εἰ ἐκείνων ἐπιτρεψάντων ἢ ὑπὲρ αὐτῶν εἴη χρήσιμον. Иными словами, это право никогда формально не отнималось; просто им практически нельзя было воспользоваться.

[6] При написании этой статьи у меня несколько раз возникал в мыслях спор о “Самоуправлении в Римской империи”, который можно найти в двух номерах журнала *Macmillan's Magazine* за ноябрь 1882 и март 1883 годов. Этот спор поучителен во многих отношениях, особенно в том, что он показывает, насколько полно и с каким удовлетворением большая часть римской истории и римской литературы может быть оставлена без внимания даже ученым, пользующимся высокой репутацией в других областях этих наук. Сравнение Ликийской лиги и Лондонского сити взято из второй из двух статей. Ее автор вряд ли мог прочитать описание Лиги у Страбона.

[7] Смотрите Историю федерального правительства, i. 136.

[8] Его πολιτικὰ Παραγγέλματα, обычно цитируемый как *Переизданная концепция Геренды*.

[9] Можно было бы найти еще более близкую параллель вплоть до нынешнего правления, пока Главы выбирали настоятелей церквей Старого Основания. По давнему обычаю всегда выбирался кандидат на престол, хотя, как в случае с выборами епископов, никаких юридических обязательств по этому поводу не было.

[10] C. 5. ἢ τοῦ βαλανείου διδόντες ἢ πυρρίχας τινας ἢ μονομάχων θεάματα παρασκευάζοντες ἀεὶ δημαγωγοῦσι, μᾶλλον δὲ δημοκοποῦσι.

[11] C. 10.

[12] C. 17. ἀρχόμενος ἄρχεις, ὑποτεταγμένης πόλεως ἀνθυπάτοις, ἐπιτρόποις Καίσαρος.

[13] C. 32. ἐλευθερίας δὲ ὅσον οἱ κρατοῦντες νέμουσιν τοῖς δήμοις μέτεστι, καὶ τὸ πλεονεξίῳ οὐκ ἄμεινον.

[14] C. 32. ποία δύναμις ἦν μικρὸν ἀνθυπάτου διάταγμα κατέλυσεν ἢ μετέστησεν εἰς ἄλλο.

[15] C. 19. οἱ πάντι δόγματι καὶ συνεδρίῳ καὶ χάριτι καὶ διοικήσει προσάγοντες ἡγεμονικὴν κρίσιν ἀναγκάζουσι ἑαυτῶν μᾶλλον ἢ βούλονται δεσπότης εἶναι τοὺς ἡγουμένους.

[16] C. 18.

[17] C. 17.

[18] Там же. ὁρῶντα τοὺς καλτίους ἐπάνω τῆς κεφαλῆς.

[19] Речь vii. Εὐβοϊκὸς ἢ Κυνηγός.

[20] Выступление xxxvi. Βορυσθενικός.

[21] Выступление xxi. том. i. стр. 364, Диндорф. ταῦτα ἐν δημοκρατίᾳ καὶ παρ' ὑμῖν, οἱ μέγιστον φρονεῖ τε ἐπὶ τῶν νόμιμῳ καὶ δικαίῳ διοικεῖν τὰ παρ' ἑαυτοῖς.

[22] Там же. стр. 380. τοῖς μὲν γὰρ [Ῥοδίοις] μόνον ὑπάρχειν τὴν ἐλευθερίαν δίχα Ἀθηναίων.

[23] Там же. стр. 350. τῆς λοιπῆς Ἑλλάδος τρόπον τινὰ ἐσβεσμένης μόνους ἐφ' αὐτοῖς διαφυλάξει τὸ κοινὸν ἀξίωμα τῶν Ἑλλήνων εἰς τὸν νῦν παρόντα χρόνον. So p. 398; μόνοι καταλείπεσθε τῶν Ἑλλήνων οἱς ἂν καὶ παραινέσαι τις καὶ περὶ ὧς ἐστιν ἐτι λυπηθῆναι δοκούντων ἀμαρτάνειν.

[24] Там же. стр. 359, 380, 381, 387, 393.

[25] Там же. стр. 367, 383.

[26] Смотрите сорок третью и сорок четвертую речи.

[27] Возможно, когда-то в "Домашних речах", xliv. (vol. ii. p. 117); εὖ γὰρ ἴστε ὅτι τὴν μὲν λεγομένην ἐλευθερίαν, καὶ τὸ ὄνομα τοῦθ', ὃ παρὰ τῶν κρατούντων καὶ δυναμένων γίγνεται ἐνιότε οὐ δυνατόν κτήσασθαι.

[28] Выступление xxxviii. Πρὸς Νικομηδεῖς περὶ ὁμονοίας τῆς πρὸς Νικαιεῖς. vol. ii. pp. 74, 75, 76.

[29] Там же. стр. 80.

[30] Epp. Plini et Trajani, 31, 33, 34, 37, 39, 40, 41, 48, 49, 70, 71, 74, 81, 90.

[31] Ep. 34. "Tibi quidem secundum exempla complurium in mentem venit posse collegium fabrorum apud Nicomedenses constitui. Sed meminerimus provinciam istam et praecipue eas civitates ejusmodi factionibus esse vexatas. Quodcumque nomen ex quacumque causa dederimus iis qui in idem contracti fuerint ... hetæriæque fient."

[32] В Ер. 81 есть ссылки на самого Диона. Он был римским гражданином.

[33] Речь xli. том ii. стр. 103, 105.

[34] Plin. et Traj. Epist. 47, 48 (56, 57). The claim of the colony is “habuisse privilegium et vetustissimum morem arbitrio suo rem publicam administrare.” The Emperor’s answer is, “Remuneranda est igitur probitas eorum, et jam nunc sciant quod inspecturus es ex mea voluntate salvis, quæ habent privilegiis esse facturum.”

[35] См. собственного гражданина Страбона, xii. 3 (iii. 24 Tauchnitz). The Dictator Cæsar delivered it from Pharnakês; Antonius παρέδωκε βασιλεῦσι, εἴ τ' ἤλευθερώθη πάλιν μετὰ τὰ Ἀκτιακὰ ὑπὸ Καίσαρος τοῦ Σεβάστου καὶ νῦν εὖ συνέστηκεν. Pliny (92 or 93) says, “Amisenorum civitas libera et fœderata beneficio indulgentiæ tuæ legibus suis utitur.” Trajan answers, “Si legibus istorum quibus de officio fœderis utuntur concessum est eranon habere,” &c. “In cæteris civitatibus, quæ nostro jure obstrictæ sunt, res hujusmodi prohibenda est.” В Письме 110 есть еще одно упоминание об Амисосе, которое читается скорее как грубая практика со стороны свободного и союзного города, его *буля* и *эκκλησιῖ*.

[36] “Possumus quo minus habeant non impedire, eo facilius si tali conlatione non ad turbas et ad inlicitos cœtus, sed ad sustinendam tenuiorum inopam utuntur.”

Примечание переписчика

- Очевидные ошибки принтера были исправлены автоматически.
- Оригинальное написание было сохранено, но варианты написания были приведены в соответствие, когда было обнаружено преобладающее использование.
- Пропущены пустые страницы.